

**КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Кафедра русского языка и методики его преподавания

Н. Н. Фаттахова

СИНТАКСИС НАРОДНОЙ ПРИМЕТЫ

Казань – 2023

УДК 81.37
ББК- 81.2

*Принято на заседании Ученого совета ИФиМК
протокол № 4 от 21 декабря 2022 г.*

Р е ц е н з е н т ы:

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных
языков Казанского государственного энергетического университета

М.Н. Закамулина

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и
методики его преподавания КФУ

А.А. Аминова

Фаттахова Н. Н.

Синтаксис народной приметы / Н. Н. Фаттахова. – Казань: Казан. ун-т,
2023. – 189 с.

Монография посвящена исследованию синтаксического строя русских народных примет. Установлено, что инвариантным признаком народных примет разного типа (метеорологических, сельскохозяйственных, бытовых и др.) является условно-темпоральная семантика, отраженная в простых и сложных предложениях. В работе исследуются не только традиционные приметы, но и новые, телевизионные, бытовые приметы.

Книга ориентирована прежде всего на специалистов в области паремиологии и лингвофольклористики, синтаксиса русского языка, а также на аспирантов и студентов-филологов. Монография может быть рекомендована для работы на факультативных курсах «Дискуссионные вопросы синтаксиса» и «Русская паремиология в вузе и школе».

© Фаттахова Н.Н. 2023

© Казанский университет 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Часть I. ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ	7
1.1. Народные приметы в системе паремий	7
1.2. Классификация народных примет.....	17
1.3. Темпорально-кондициональные отношения в системе народных примет.....	24
1.4. Обобщающее значение пословицы и приметы	28
1.5. Семантика предсказания и аналогичности	32
Часть II. СИНТАКСИС МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРИМЕТ	41
2.1. Сложноподчиненное предложение	41
2.2. Сложносочиненное предложение	53
2.3. Осложненное предложение	60
2.4. Выражение вторичной предикации в простом предложении.....	63
2.5. Односоставные предложения в системе народных примет.....	80
2.6. Сложные предложения с бессоюзной связью в системе народных примет.....	83
2.7. Сложные многочленные предложения	109
Часть III. СИНТАКСИС БЫТОВЫХ ПРИМЕТ	125
3.1. Семантика альтернативной мотивации в народных приметах	125
3.2. Функционирование целевых конструкций в народных приметах	131
3.3. Синкретичные местоименно-соотнесительные конструкции в народных приметах.....	137
3.4. Бытовые приметы в телевизионном дискурсе (оппозиция <i>свой – чужой</i>)	143
3.5. Бытовые приметы в телевизионном дискурсе (лексико-семантическое поле <i>дом</i>)	154
3.6. Бытовые приметы в телевизионном дискурсе (лексико-семантическое поле <i>семейные отношения</i>).....	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
Список литературы	180
Список источников	188

ПРЕДИСЛОВИЕ

На самом деле, в жизни так много непонятого и таинственного, а с другой стороны, ведь эти приметы на чем-то основаны, если им верит стомиллионная масса простого народа» Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Народные приметы являются самым древним изречением, основанным на знаниях и представлениях обыденного сознания носителей языка о естественных условиях существования человека. Проверенные временем предсказания, основанные на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни, ориентированы не только на регулирование поведения человека в условиях риска или неопределенности, но и на трансляцию значимых норм и символов, а также на коммуникацию внутри сообщества. Народные приметы представляют постоянно развивающийся фольклорный жанр, демонстрирующий особенности своего функционирования в речевом употреблении в качестве языковых способов выражения запрета, разрешения, предостережения, наставления, совета и т.д., и могут быть охарактеризованы как истолкования неких ситуаций, которые используются носителями традиций для построения своего поведения.

Приметы и суеверия передаются из поколения в поколение, каждая эпоха создает свои приметы, такая живучесть народных изречений связана с тем, что по мнению А. И. Куприна, *«... есть, однако, в этом удивительном аппарате, в человеческом мозгу, какие-то таинственные кладовые, в которых, независимо от нашей воли и желания, хранится бережно все, что мы когда-либо видели, слышали, читали, думали или чувствовали – все равно было ли это во сне, в грезах или наяву»* А.И. Куприн [Куприн, т.5, с. 600].

Народные приметы, будучи неписаными законами поведенческих кодов общества, основаны на презумпции благополучия, успешности, стабильности жизни древнего человека, при условии беспрекословного соблюдения определенных правил жизни и поведения. *«...те концепции и*

отношения, которыми первобытные народы совершенно не способны владеть на уровне сознания, выражаются вне контроля сознания в языках этих народов – при этом нередко чрезвычайно точно и изящно. По существу, причинное отношение, выражаемое лишь фрагментарно в современных европейских языках, во многих «примитивных» языках передается с удивительно строгой философской последовательностью» Э. Сепир [Сепир, с. 254].

Интерес к изучению народных примет был в отечественной науке всегда, однако приметы рассматривались как единицы фольклора, они собирались наряду с пословицами и поговорками, заговорами, загадками и в словарях XIII-XIX вв. фиксировались одновременно, между ними не делались различия. Язык примет до конца XX в. практически не был изучен, поскольку приметы всегда описывались как суеверный признак. Во всех рассмотренных нами словарях (В. И. Даль, Д. Н. Ушаков, С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова и т.п.) примета трактуется как «суеверный признак», например, *«Примета – в суеверных представлениях – признак, предвещающий что-либо. Явление, обстоятельство, указывающее, по народным верованиям, на связь с каким-либо другим событием» [ССРЛЯ: 589].*

Предки зачем-то собирали из множества случайностей свои народные приметы, они в них свято верили, предсказывали по ним погоду, урожай, беды и удачу. Значение примет – это мудрость поколений, которые отличались наблюдательностью и желанием познать то, что непознаваемо наукой. Приметы созданы для того, чтобы в них верить, иначе бы их просто не было. Издревле человек мечтал заглянуть в собственное будущее. Мечтал и боялся: а ну как узнает что-то такое, после чего самому белый свет станет не мил? Поскольку же дар пророчества всегда был уделом горстки избранных «оракулов», то подавляющему большинству оставалось уповать на милость Божию и сокрушаться на тему «знать бы, где соломки подстелить».

И все же у каждого народа веками копился «банк данных», формирующийся, как правило, на цикличности погодно-временных факторов. Из поколений в поколения передавались метеорологические народные приметы и суеверия типа: *«Если на Митрофана (6 декабря) идет снег и ветер дует с севера, то 6 июля будет ветер с севера и дождь побрызгает».*

Часть I. ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ

1.1. Народные приметы в системе паремий

Если вопрос разграничения пословиц и поговорок, их языковой специфики нашел определенное решение в лингвистической литературе (Г. Л. Пермяков, В. П. Аникин, А. А. Крикманн, М. А. Черкасский, З. К. Тарланов, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров и др.), то народные приметы до сих пор не были объектом специального лингвистического исследования. «В отличие от других фольклорных микрожанров (пословиц, загадок), народные приметы практически не исследованы, не описаны и даже, если не считать примет о погоде, не собраны» [Харченко, с.78].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля примета трактуется как «суеверный признак» [Даль, с.555], «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова фиксирует: «Примета – в суеверных представлениях – признак, предвещающий что-н.// Обстоятельство, явление, указывающее, по народным верованиям, на появление чего-н., на связь с каким-н. другим событием» [Ушаков, с.818]. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой одно из значений слова «примета» следующее: «В суеверных представлениях – признак, явление, случай как предвестник чего-н.» [Ожегов, Шведова, с.593]. В «Словаре современного русского литературного языка» указано, что «Примета – в суеверных представлениях – признак, предвещающий что-либо. Явление, обстоятельство, указывающее, по народным верованиям, на связь с каким-либо другим событием» [ССРЛЯ, с.589]. По мнению В. К. Харченко, то, что даже в толковых словарях примета рассматривается как синоним суеверия, является идеологическим клеймом, которое «было едва ли не главной причиной закрытости темы» [Харченко, с. 78].

Современный этап развития филологического знания характеризуется повышенным интересом к приметам, в том числе связанным с религиозными обрядами того или иного народа, тем не менее ни в фольклористике, ни в

лингвистике практически нет работ, посвященных выявлению основных признаков примет.

Если обратиться к более ранним работам, можно назвать исследования И. Снегирева, А. Н. Афанасьева, А. А. Потебни, А. С. Ермолова. Поскольку народные приметы представляют собой определенный пласт культуры, то им посвящена достаточно большая научно-популярная литература, которая в определенной мере принята нами во внимание. Прежде всего в научно-популярной литературе рассматривается вопрос об истинности примет, о путях их становления, о необходимости их собирания и сохранения для потомков. И. Шкляревский отмечает, что «никто их не записывает и не собирает, живут они сами по себе, потому что живучие. Они действуют и сегодня, удивляя своей глубиной и поэтичностью, не говоря уже о пользе. То и дело ученые признают их пророческую точность» [Шкляревский 1986, с. 4]. Еще И. Снегирев отмечал, что «народ, по погоде одного срочного дня заключая о погоде другого, выводит свои приметы и наблюдения, в коих физика не может дать точного отчета» [Снегирев, с.10].

Пословицы и поговорки собирались и изучались исследователями устного народного творчества в течение ряда столетий. В основных чертах пословицы и поговорки сложились к ХУП веку. В это время появляются и первые рукописные сборники пословиц и поговорок, а первые издания произведений этого жанра устного народного творчества относятся к 70-м годам ХУШ века, когда издаются сборники А. А. Барсова, Н. Г. Курганова, Г. И. Громова. В начале XIX века интерес к пословицам и поговоркам проявили исследователи и собиратели фольклора А. Х. Востоков, Д. К. Княжевич, А. Ф. Рихтер. Одним из самых крупных сборников этого времени считается книга Д. К. Княжевича «Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку». Особенно плодотворно занимался исследованием пословиц и поговорок И. М. Снегирев. Он опубликовал несколько работ: «Опыт рассуждения о русских пословицах» (1823); «Русские в своих пословицах» (1831-1834);

«Русские народные пословицы и притчи» (1848); «Новый сборник пословиц и притч» (1857). Наряду с пословицами и поговорками в этих сборниках приводятся и народные приметы. В 1854 году Ф. И. Буслаев издает свое собрание «Русских пословиц и поговорок», а в 1862 году выходит в свет сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа». В конце XIX - начале XX века возрастает интерес к собиранию и изучению не только пословиц и поговорок, но и народных примет. В частности, появляются сборники: А. В. Смоленский «Чувашские приметы о погоде и влияние их на хозяйство» (1895); К. Ф. Агринский «Русские народные приметы о погоде и их значение для практической метеорологии и сельского хозяйства» (1899); П. Симони «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и примет ХУП-ХIX столетий» (1899); И. И. Иллюстратов «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках» (1904); Ермолов А. А. «Народные приметы на урожай» (1908).

В течение XX столетия выходит немало сборников пословиц и поговорок, в которые включаются и приметы, например: В. П. Аникин «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор»; А. И. Соболев «Народные пословицы и поговорки» (1961); «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках ХУШ-XX веков», подготовленный М. Я. Мельц, В. В. Митрофановой, Г. Г. Шаповаловой (1961); А. М. Жигулев «Русские народные пословицы и поговорки» (1966); «Избранные пословицы и поговорки русского народа» (1957); М. А. Рыбникова «Русские пословицы и поговорки» (1961). Появляются сборники народных примет, отражающих явления природы, а в последние десятилетия издается немало сборников и суеверных примет: С. Н. Жарков «Народные приметы и предсказание погоды» (1954); А. С. Хренов «Народные приметы и календарь» (1991); Н. А. Мустаев «Народные приметы: «Хотите – верьте, хотите – проверьте» (1987); В. А. Степанов «Народные приметы о погоде» (1997); «Приметы на каждый день» (1996); И. Панкеев «Тайны русских суеверий» (1997).

В XIX веке еще нет систематических научных исследований пословиц и поговорок, хотя составление сборников послужило толчком к появлению ряда работ, посвященных изучению как происхождения пословиц и поговорок, так и их формы и значения. Пословицы долгое время рассматривались с точки зрения литературоведения и этнографии, например, Ф. И. Буслаев пишет: «Пословицы будем мы рассматривать как художественные произведения родного слова, выражающие быт народа, его здравый смысл и нравственные интересы» [Буслаев 1954, с.80]. Лингвистический анализ пословиц впервые был дан в работе П. Т. Глаголевского «Синтаксис русских пословиц» (1873), а также Е. А. Ляцкого «Несколько замечаний к вопросу о пословицах и поговорках» (1878).

В XX веке пробуждается интерес к изучению пословиц и поговорок с точки зрения их лексических, грамматических и семантических особенностей. Существует обширная литература, в которой пословицы и поговорки рассматриваются в самых различных аспектах языка (Б. А. Ларин, О. С. Ахманова, В. Л. Архангельский, Н. М. Шанский, Ю. Е. Прохорова, В. П. Фелицына, А. В. Кунин, З. К. Тарланов, Л. П. Даниленко, В. В. Гвоздев, И. Е. Савенкова, Г. Д. Сидоркова, Л. П. Борисова, и др.). Это связано с тем, что пословицы и поговорки – это ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа. Являясь сжатыми по своей форме, пословицы и поговорки представляют не только систему морально-этических норм, но и заключают в себе сумму знаний о внешнем порядке вещей и внутреннем мире человека.

В наибольшей степени неповторимость национального склада мышления в интерпретации мира отражена в национальной фразеологии. Фразеологический состав языка – «это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, с. 29], именно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, так как они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл,

выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [Буслаев, с. 37].

Несмотря на более позднее выделение фразеологии как самостоятельного раздела лингвистики, к концу XX столетия можно констатировать тот факт, что различные фразеологические единицы, а также другие конструкции, отличающиеся устойчивостью и афористичностью, получили достаточно полное и всестороннее освещение в семасиологическом и ономасиологическом плане (Ш. Балли, А. А. Потемня, В. В. Виноградов, А. М. Бабкин, А. И. Молотков, В. М. Мокиенко, Н. М. Шанский, В. Н. Телия и др.).

Однако до сих пор остается не до конца проясненным вопрос о статусе таких устойчивых образований, как пословицы и поговорки и тем более народные приметы.

Пословицы либо признаются фразеологизмами и соответственно включаются в предмет фразеологии, либо не признаются таковыми и выводятся за пределы системы языка вообще.

В лексикографической практике XVIII-XIX и начала XX века в России вопрос этот не был таким актуальным, так как пословицы, поговорки, приметы, афоризмы и другие устойчивые выражения рассматривались вместе. Можно вспомнить хотя бы словари и сборники пословиц: М. И. Михельсон «Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний)»; П. Симони «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и примет XVIII-XIX столетий»; И. М. Снегирев «Русские народные пословицы и притчи»; В. Даль «Пословицы русского народа» и др.

В середине XX века в связи со становлением фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины возникает необходимость уточнить границы фразеологии.

Большинство ученых рассматривает пословицы, поговорки как часть фразеологического фонда языка. Учитывается при этом не функциональная

их характеристика (т.е. являются ли они номинативной или коммуникативной единицей), а степень их соответствия основным признакам фразеологичности. Данная точка зрения восходит к работам В. В. Виноградова, который, признавая пословицы и поговорки фразеологическими единицами, указывал: «К области фразеологических единств относятся и многие фразовые штампы, клише, типичные для разных литературных стилей, и литературные цитаты, и крылатые выражения, и народные пословицы и поговорки» [Виноградов, с.133]. Признаком фразеологических единств он считал целостность значения и мотивированность этого значения значениями входящих в них лексических компонентов, структура же фразеологических единиц – словосочетание или предложение – не принималась В. В. Виноградовым во внимание. Пословицы и поговорки как единицы фразеологического фонда рассматриваются и в работах В. Л. Архангельского, Б. А. Ларина, Л. А. Булаховского, Н. М. Шанского, В. Н. Телии, Т. К. Карсановой, И. Е. Савенковой и др. Н. М. Шанский, дополняя классификацию В. В. Виноградова, выделяет четвертый тип фразеологических единиц, которые он называет фразеологическими выражениями. «Это устойчивые в своем составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями» [Шанский, с. 201]. При этом: «Отнесение тех или иных сочетаний слов к фразеологии или, напротив, выведение их за пределы фразеологических оборотов обуславливается не тем, номинативные это единицы или коммуникативные, а тем, извлекаются они из памяти целиком или создаются в процессе общения» [Шанский, с. 4].

Существует и другое понимание соотношения пословиц, поговорок, фразеологизмов. Г. Л. Пермяков, указывая на определенный изоморфизм слов, фразеологических оборотов и паремий, вычленяет у них существенные общие и различительные признаки. Все они представляют собой клише, являются знаками, обладают мотивировкой, могут иметь синонимы,

антонимы, обладают функциональным сходством и парадигмой. В то же время паремии существенно отличаются от фразеологических оборотов тем, что они сложнее структурно и обладают собственной семантикой. Фразеологизм, как правило, эквивалентен слову и не представляет собой предложения, а пословица является эквивалентом целой ситуации и выступает в форме законченного предложения, поэтому «пословица не может считаться фразеологизмом в узком смысле слова» [Фелицына, с. 202].

З. К. Тарланов пишет, что большинство исследователей справедливо отграничивают пословицу от фразеологической единицы, исходя из 4 признаков:

- Невозможности идентифицировать пословицу при помощи слов-синонимов;
- Пословица всегда имеет форму предложения;
- Пословица всегда выражает суждение (или ряд суждений, если имеет форму сложного предложения);
- Пословица обобщает опыт жизни народа, оформляя его в виде определенных правил [Тарланов, с. 31-32].

Е. М. Костомаров и В. Г. Верещагин выделяют фразеологизмы и языковые афоризмы, в составе которых они рассматривают пословицы и поговорки. Отличительной чертой языкового афоризма, по их мнению, является то, что это «фраза, которая всем известна и поэтому в речи не творится заново, а извлекается из памяти» [Костомаров, Верещагин 1983, с. 71].

Не останавливаясь более детально на рассмотрении различий между фразеологизмами и паремиями, укажем на безусловное существование «паремиологического уровня языка» [Пермяков, с. 23], включающего в свой состав целую группу разнородных в структурном и содержательном отношении единиц. К ним относятся поговорки, пословицы, приметы, загадки, поверья и т.д.

Паремиологию можно назвать стыковым участком современного языкознания ввиду особого характера объекта, предполагающего комплексный подход к описанию и классификации, находящегося на стыке интересов ряда филологических дисциплин (фольклористика, фразеология, теория текста, синтаксис высказывания, лингвистическая прагматика, лингвокультурология, лингвокогнитология), а задачу ее можно определить как изучение объективной картины семантического пространства паремий, отражения в них связей и отношений внеязыковой действительности.

На основании функционального различия выделяют, как правило, три самостоятельных типа паремий: а) пословицы и поговорки; б) загадки; в) приметы. Однако даже эти основные типы различаются далеко не всеми исследователями, так как объединение пословиц, поговорок, примет, присловий, прибауток, загадок и т.п. в одну группу имеет длительную традицию. П. Симони указывал, что сборники пословиц и поговорок появляются в России в ХУП веке, в этих же сборниках даются и «тексты из лубочных картинок, из смехотворных повестей, песен, сказок, сонников, различных народных листов и тетрадей» [Симони, с. Х1У].

Традиция объединять пословицы, поговорки, приметы, загадки и т.д. сохранилась и до наших дней, поэтому коллекции, носящие название сборника пословиц, «правильнее было бы именовать сборником малых жанров устного народного поэтического творчества, своего рода антологиями поэтических форм» [Тарланов, с. 173]. Существует большое количество разных по объему и содержанию сборников малых жанров устного народного поэтического творчества, однако «проблема строгой дифференциации всей массы народных “метких слов” до сих пор остается научно не разрешенной» [Путилов, с. 11].

По мнению Г. Л. Пермякова, существует, по меньшей мере, 24 типа изречений, отличающихся друг от друга своей внешней и внутренней структурой, а также характером прагматических текстовых функций. Исследователь выделяет 7 основных функций, свойственных всем или

большинству из типов паремий. К ним он относит моделирующую, магическую, поучительную, прогностическую, негативно-коммуникативную, развлекательную, орнаментальную. Поскольку все паремии обладают общим набором функций, это делает их близкими друг другу. Разные типа паремий, по наблюдениям исследователей, могут: 1) иметь структурное и даже буквальное сходство между собой; 2) трансформироваться друг в друга, то есть разные паремиологические типы можно рассматривать как «парадигматические формы одной и той же сущности (паремии вообще)» [Пермяков, с. 26].

В этой плоскости интересным представляется вопрос о специфических структурных и содержательных признаках, различающих такие типы, как пословицы и поговорки, с одной стороны, и приметы – с другой.

На основании каких критериев можно объединить или разграничить пословицы и приметы? Предполагая вычленивать универсальные признаки паремий, естественно обратить внимание на неопределенность некоторых из них, но именно их совокупность обуславливает своеобразие паремий как лингвистического образования. Среди подходов к описанию паремий можно выделить два: традиционный (филологический) и формализующий. Формализация паремиологии, в чем ведущую роль сыграли работы Г. Л. Пермякова, М. А. Черкасского, А. А. Крикманна, на основе «логико-семантических» (Г. Л. Пермяков) характеристик паремий обедняет «синтетический» текст-пословицу или поговорку. Современный этап развития требует корректировки формализации в направлении отражения специфики паремиологических единиц.

Своеобразие поговорок, пословиц и примет как особой группы паремий состоит в том, что референтами их служат не отдельные предметы, а ситуации. «Пословицы и поговорки – не что иное, как знаки определенных ситуаций или определенных отношений между вещами» [Пермяков, с. 21]. Отнесенность к ситуации содержится прежде всего в синтаксическом оформлении паремий. Именно стандартное, клишированное, оформление

позволяет расширять референтную отнесенность, выступая в качестве знака носителя инвариантного значения.

Пословицы, поговорки и приметы объединяет выражаемая ими кумулятивная функция, так как они «накапливают в своем содержании и хранят не только человеческий опыт: они отражают также условия жизни народа-носителя, его историю, культуру, географию страны». [Верещагин, Костомаров, с. 95]. А. К. Афанасьев отмечает, что многие из примет «превосходно обрисовывают быт поселянина.

Приведем несколько примеров: если в то время, когда пашет землю, подымается пыль и садится на плечи пахаря, то надо ожидать урожайный год, т.е. земля рыхла и зерну будет привольно в мягком лоне... Если зажженная лучина трещит и мечет искры – ожидай ненастья, т.е. воздух влажен и дерево отсырело» [Афанасьев, с. 236].

Различие, по мнению Г. Л. Пермякова, состоит в том, что для пословиц характерна моделирующая, т.е. дающая словесную (или мыслительную) модель (схему) той или иной жизненной (или логической) ситуации, для примет – прогностическая. Ее основная суть – в предсказании будущего [Пермяков, с. 25]. Кроме прогностической или прогнозирующей, В. К. Харченко выделяет у примет воспитательную и регуляторную функции, так как приметы помогали ритмически организовывать трудовые процессы. Таким образом, и поговорки, и приметы многофункциональны, хотя набор основных и второстепенных функций у них различается.

Разграничение пословиц как многозначных и мотивированных и примет как однозначных и немотивированных является наиболее существенным. Чем больше ситуаций, к которым функционально приложима одна и та же пословица, т.е. чем более она многозначна, тем она совершеннее и полнее. Привязанность пословицы к единственной ситуации не противоречит ее сути как пословицы, а свидетельствует лишь о том, что она находится на стадии формирования [Тарланов, с. 470]. При этом пословица часто имеет образную мотивировку, примета же, в отличие от

пословицы, всегда однозначна, однотемна, привязана к одной ситуации и характеризуется при этом прямой мотивировкой. Однако следует признать, что есть случаи синкретичные, переходные. Многие приметы, сохраняя прогнозирующую функцию, приобретают способность образного, переносного осмысления обозначаемой ситуации, становятся многозначными, т.е. способными отражать несколько ситуаций. Это связано с тем, что приметы – жанр живой, развивающийся. Такому переходу легко поддаются приметы, имеющие форму простого предложения. Например, конструкции: *Скрипучая береза дольше стоит; Одна ласточка не делает весны; Зимнее солнце плохо греет; Хилая зима живуча; Без тучи нет дождя; Из большой тучи да малая капля* могут использоваться в прямом значении, отражая одну ситуацию, то есть функционируя в качестве примет, и в переносном значении, отражая несколько ситуаций, то есть функционируя в качестве пословиц. Переходя в разряд пословиц, такие конструкции могут вступать в системные отношения с приметами, которые содержат описание той же темы, что и поговорки. Различие между ними, по мнению Г. Л. Пермякова, в том, что приметы образуют один круг, а пословицы несколько тематических кругов.

Если пословицы, в силу своей многофункциональности, могут отражать разнообразные внеязыковые отношения, среди которых наиболее стабильными являются сопоставительные, разделительные, причинные, условные, условно-временные, то приметы отражают условно-временные отношения.

1.2. Классификация народных примет

Трудность исследования смыслового материала пословиц и примет состоит в их систематизации. Пословицы представляют собой иносказания, применяемые в разных случаях с разным смыслом. Корпус пословиц и поговорок для людей, пользующихся ими, всегда составляет сложную, но достаточно строго организованную систему. Однако описание этой системы,

предпринимаемое по тематическому принципу, из-за иносказательности пословиц всегда дает довольно расплывчатую тематическую рубрику, кажущуюся от этого несколько субъективной [Рождественский, с. 35]. Почти все известные нам сборники пословиц и поговорок конца XIX в. – начала XX в. построены именно по принципу тематической рубрикации. Можно вспомнить, например, классическое собрание русских паремий В. И. Даля. Хотя не исключается и алфавитное представление паремий в сборниках пословиц и поговорок.

Активные поиски непротиворечивых и всеобщих оснований классификации паремий ведутся в нескольких направлениях. Г. Л. Пермяков, исходя из постулата о том, что в основе пословиц лежит некая инвариантная пара противопоставленных сущностей, выделяет 64 основных групп инвариантных пар (Пермяков, с. 25). Ю.В. Рождественский считает, что семантическая система паремий не может быть полно изложена ни одной тематической рубрикой, так как паремии – многозначные иносказания. В каждую рубрику включаются паремии, представляющие собой синонимы, редко полные, обычно частичные. «Особые значения частичных синонимов всегда имеют свои синонимические ряды в других паремиях, поэтому целесообразно строить тематическую организацию, заранее дав не сами рубрики, а способы создания рубрик. Наиболее общим способом создания рубрик является задание некоторой функции, по которой организуется система» [Рождественский, с. 35-36].

Трудности, возникающие при классификации примет, иного рода. Приметы возникли как наблюдения за проявлениями природы и отвечали на вопрос: Каков будет урожай? Правда, на урожай влияла не только природа, но и различные божественные и нечистые силы, которые нашли отражение в так называемых суеверных приметах, являющихся такой же неотъемлемой частью культуры, как и бытовые приметы, как обряды, песни, загадки и т.п. И. Снегирев рассматривает приметы как разновидность пословиц, которые по отношению к содержанию он делит на несколько групп, выделяя отдельно

«б) физические, относящиеся к природе... между физическими: метеорологические и земледельческие». «Чем ближе живет человек к природе, тем живее ощущает ее отношение к себе и самого себя к ней, тем яснее усматривает и предчувствует явления природы» [Снегирев, с. 3]. О этой же близости человека к природе пишет А. Н. Афанасьев. Он считает, что «примета всегда указывает на какое-нибудь соотношение, большею частью уже непонятное для народа, между явлениями физического и нравственного, из которых одно служит предвестием другого, непосредственно за ним следующего, долженствующего сбыться в скором времени». А. Н. Афанасьев разделяет все приметы на два разряда: 1) «примета, выведенная из действительных наблюдений»; 2) «суеверные приметы, в основании которых лежит не опыт, а мифическое представление».

Приметы первого типа «более или менее верны, смотря по степени верности самих наблюдений», приметы второго типа А. Н. Афанасьев сближает с загадками, поверьями, заговорами, сновиденьями, так как «метафорический язык загадок, примет и сновидений один и тот же» [Афанасьев, с. 240].

По мнению Н. Б. Мечковской, суеверные приметы возникли из обрядов, в основе которых лежит неконвенциональная трактовка языкового знака, т.е. представление о том, что слово – это не условное обозначение некоторого предмета, а его часть, поэтому, например, произнесение ритуального имени может вызывать присутствие того, кто им назван, а ошибиться в словесном ритуале – это обидеть, прогневить высшие силы или навредить им. Истоки неконвенционального восприятия знака лежат не в изначальном фидеизме сознания, но в первичном синкретизме отражения мира в человеческой психике. Это одна из фундаментальных особенностей дологического мышления. Таким было мышление первобытного человека. При этом дело не в отсутствии логики, просто логика эта иная. Рассказа о прошлом достаточно, чтобы объяснить настоящее; сходные явления могут не

просто сблизаться, но отождествляться; следование во времени может пониматься как причинно-следственная связь, а имя вещи – как ее сущность [Мечковская, с. 42].

Суеверные приметы с обрядами связываются и тем, что большинство обрядов у разных народов носит провоцирующий характер – чтобы что-то произошло или чтобы что-то не произошло. С целью отвлечь или приблизить какую-то ситуацию разыгрывается действие, повторяющее те или иные поступки участников. В качестве инструмента магического действия часто выступало Слово. Вера в волшебную силу слова особенно ярко проявляется в приметах, основанных на народной этимологии ключевого слова. Часто в приметах происходит сближение явлений на основе псевдоэтимологической связи слов. Например: *Феодор Студит землю студит; Василий Парийский землю парит; На Карна карпы ловятся; На Макрида мокро - осень мокрая; Кто на Палея работает, у того гроза хлеб спалит; На Маковей мак светят; На Феклу копай свеклу.*

Интересные замечания о возникновении народной приметы оставил А. А. Потебня. Он пишет, что «примета в своем древнейшем виде есть развитие отдельного слова, видоизменение сравнения. Так, примета «если звенит в ухе, то говорят о нас» образовалась только потому, что до нее было в языке сравнение звона со словом». Отличие сравнения и приметы он видит в том, что связь между сравниваемыми предметами представляется «существующею только для мыслящего субъекта и внешнею по отношению к сравниваемым явлениям; в примете эта связь переносится в самые явления, оказывается существенной принадлежностью их самих: крик филина может быть не замечен тем, кому он вещует смерть, но тем не менее этот человек должен умереть...» А. А. Потебня указывает на причинно-следственную связь двух явлений: «примета предполагает, что лежащие в ее основании члены сравнения тесно ассоциировались между собою и расположились так, что в действительности дан только первый вызывающий своим присутствием ожидание второго» [Потебня, с. 176].

Как отмечают М. И. Черемисина и Т. А. Колосова, система ожиданий – исключительно важная вещь в жизни каждого общества на любой ступени развития цивилизации. Может быть, ожидания – самый древний, дологический тип психического реагирования. В сущности, весь «жизненный опыт» есть не что иное, как умение согласовывать свои поступки с ожидаемыми и желаемыми следствиями. Ожидание, как и эмоциональная реакция, есть определенное состояние сознания, стимулированное некоторыми событиями. Способность к эмоциональной реакции заложена в биологической природе высших животных как ответ организма на приятное и неприятное. Ожидания же имеют фундаментом жизненный опыт индивида, общества, а может быть, и биологического вида. В человеческом обществе система ожиданий, несомненно, транслируется от поколения к поколению. На ожиданиях, а не на логических оценках, связях, зависимостях зиждется все раннее воспитание членов общества. Ожидание возникает в сознании раньше, чем формируется способность критически, то есть «логически» мыслить.

Схему ожидания можно представить формулой: «Если А, то следует ожидать В». Внешне это напоминает логическую импликацию, но ожидание – не логическое отношение. Оно всегда остается нерасчлененным, не требующим мотивации, обоснования. Языковой иллюстрацией дологических, а лучше внелогических ожиданий могут быть приметы: *“Если впереди стада вечером идет рыжая корова – жди ведра, если черная – жди дождя”*» [Черемисина, Колосова, с. 70-71].

Следовательно, рассматриваемые приметы построены по формуле: «А предсказывает В» («Если А, то следует ожидать В»). Предложения, конструируемые в соответствии с данной формулой, можно разделить на две группы:

1) с ожидаемыми следствиями, в том случае, если пропозиция-условие и пропозиция-следствие связаны естественной связью. Эту связь можно характеризовать как причинно-следственную, так как осуществление

условия независимо от воли говорящего автоматически влечет за собой выполнение следствия. Роль говорящего сводится к тому, что он, зная о наличии объективной закономерности, сообщает о ней слушающему. Такие приметы можно назвать прогностическими, так как они основаны на систематических наблюдениях. Прогностические приметы мы делим на:

а) погодные, или метеорологические; б) «деловые» (Г. Л. Пермяков), или сельскохозяйственные.

Сельскохозяйственные работы требовали учета смены природных явлений в течение года: для крестьянина важно было знать, ожидать ли ему суровой зимы, жаркого и засушливого или прохладного и влажного лета, холодной или теплой весны и осени. «У земледельческих народов, стоящих в большинстве своем на более высоком уровне культурного развития, жизненная необходимость наблюдения примет погоды многократно возрастает» [Токарев, с. 55]. Среди метеорологических примет можно выделить:

- долгосрочные, в которых зафиксирована связь явлений, разделенных значительным отрезком времени, например, по погоде, стоявшей в течение одного времени года, делается предсказание о погоде, ожидаемой в течение другого времени года:

Теплая и снежная зима предвещает необильно хлебородное лето; Если зима была морозная и малоснежная, то лето будет хлебородное; Если осенью листопад пройдет скоро, то надо ожидать крутой зимы; Если летом на деревьях появляются желтые листья – будет ранняя осень; Коли весною береза перед ольхой лист распустит, то лето будет сухое, если ольха наперед – мокрое;

и краткосрочные (или ближние, по А. Г. Булатовой): *Когда каждую ночь мерцали звезды, то днем было тепло. Если дождь продолжительный в полдень, то к вечеру утихнет; Если дождь начался с полудня, то будет продолжаться до полуночи; Если дождь пошел с завтрака, то в этот день прекратится.*

Краткосрочные приметы считаются более достоверными, так как они сбывались или не сбывались в течение короткого времени, то есть могли быть проверены.

Среди сельскохозяйственных примет также выделяются

- долгосрочные: *Коли снег идет до нового года, то будет хороший урожай; Рыхлый, шершавый снег – хлеба уродаются богатые;*

- краткосрочные: *На Леонтия и Фалалея сади огурцы; На Лазареву субботу сеют горох.*

И погодные, и деловые приметы могут носить не этнический и не географический, а узколокальный, местный, характер: *Если первый гром прогремит из-за Гимринского хребта, лето будет солнечное;*

2) приметы с желаемыми следствиями. Семантическая связь между пропозицией-условием и пропозицией-следствием устанавливается на основании субъективно вычленяемых связей между явлениями объективной действительности. Такие приметы принято называть суеверными (иррациональными), так как связь между явлениями прежде всего устанавливается на мифических представлениях, сближениях, идущих из глубокой древности, основанных на «склонности народного ума во всем находить аналогию» [Афанасьев, с. 340]. Приметы можно разделить на:

а) бытовые: *Встретить кого-либо с пустыми ведрами – к потерям; Давать кому-нибудь булавку – к ссоре; Выскочивший из веника прут предвещает новости;*

б) метеорологические и сельскохозяйственные: *Коли в кутью небо звездисто – богатый приплод скота и много ягод; Если лед на реке становится грудями, и хлеба будут груды, а гладко, так и хлеба будет гладко; На рождество Христово метель – пчелы хорошо роиться будут; Если убить лягушку (змею, червя, ящерицу и т.п), дождь пойдет; Если бросить в колодец моху – дождь пойдет; Посеки крапиву – так и дождик пойдет.*

1.3. Темпорально-кондициональные отношения в системе народных примет

В картине мира, которая представлена в естественном языке, понятие условие занимает одно из центральных мест наряду с такими понятиями, как действие, свойство, время, причина, цель и др. Это обстоятельство обусловило появление большого числа лингвистических исследований, связанных с анализом и синтезом языковых конструкций с условным значением. Столь же широко обсуждался концепт условия в философских, логических и психологических трудах. Философов прежде всего интересовал и продолжает интересовать вопрос об онтологии и генезисе условия – онтологии в гегелевском понимании как определении сущности и способов экзистенции понятия. Логики направляли свои усилия на поиск адекватных средств описания логической структуры условного отношения, на изучение возможных интерпретаций условных конструкций в различных логических моделях. Такой непреходящий интерес к условным конструкциям не в последнюю очередь определяется правдоподобной гипотезой, в соответствии с которой условные конструкции представляют собой своего рода ключ, дающий возможность разгадать некоторые из тайн речемыслительной деятельности человека. Специфика условных конструкций, по мнению американских ученых, в том, что «они непосредственно отражают типично человеческую способность размышлять об альтернативных суждениях, делать выводы, основанные на неполной информации, предполагать возможные корреляции между ситуациями и понимать, как мир менялся бы, если бы определенные корреляции были бы другими» [цит. по Храковский, с.175]. Условные конструкции являются универсальными, так как они есть во всех языках мира. В русском языке они всесторонне изучены и как самостоятельный тип предложения, и как разновидность общей категории обусловленности. При этом следует отметить, что описаны прототипические условные конструкции, а

конструкции, которые в формальном плане отличаются от прототипических, пока еще зачастую остаются вне поля зрения специалистов, к ним относятся прежде всего паремии, характеризующиеся как формальным, так и содержательным своеобразием. Именно такие конструкции и стали объектом нашего исследования, а предметом – синтаксические структуры, объединенные концептом «условно-временные отношения». Эти структуры мало изучены, а между тем они представляются нам чрезвычайно интересными, требующими своего решения с точки зрения: 1) определения концепта «условно-временное отношение» применительно к паремиологическим конструкциям; 2) выявления формально-синтаксических типов условно-временных конструкций в сопоставляемых языках; 3) вычленения структурно-семантических и функциональных признаков для решения вопроса о типизированности исследуемых конструкций; 4) установления семантических, прагматических, коммуникативных особенностей детерминирующих структур, предпочтительное использование определенных моделей в сопоставляемых языках; 5) выявления содержательной структуры в плане взаимодействия грамматических значений, а также синтаксических и несинтаксических смыслов (модальных, логических и др.). Народные приметы свое языковое выражение получили в конструкциях с синкретичным условно-временным значением. Среди формально-синтаксических типов УВК, которые соответствуют концепту «условно-временное значение», различают в русском языке: 1) сложноподчиненные предложения; 2) бессоюзные предложения; 3) простые предложения. Условные бессоюзные и сложноподчиненные предложения постоянно и активно начали изучаться в последние десятилетия XX в. (Черемисина, Бродская, Скрибник и др. 1986; Подлеская 1993; Оглобин, Храковский 1990; Храковский 1996; Типология условных конструкций 1998 и др.). При описании условных конструкций исследователи лишь указывают на существование особого типа – условно-временного предложения. Слабая изученность УВК не в последнюю очередь

объясняется семантической и синтаксической сложностью данного типа предложений, его периферийностью по отношению к основным типам – условным и временным. На сходство формирования и развития условных и временных союзов указывается в работах Б. В. Лаврова, Э. И. Коротаевой, В. И. Борковского и др., однако, по мнению исследователей, синкретизм присущ лишь бессоюзным конструкциям, в союзных отмечается только оттенок условности в собственно временных предложениях. Ряд исследователей современного русского литературного языка выделяет условно-временные ССП как особый синкретичный тип, обладающий специфическими структурно-семантическими особенностями, так как он создается на границе собственно условных и собственно временных отношений. Основным условием интеграции кондициональных и темпоральных предложений в бессоюзных и сложноподчиненных предложениях, во-первых, является необходимость «выразить последовательностью предложений отношения предшествующего к последующему» [Лавров, с.41], а отношения условия и следствия – это отношения предыдущего к последующему, и этим значением условные предложения близки к предложениям временным. Второе условие сближения указанных семантических категорий состоит в «необходимости включить эти логические связи в понятие будущего», так как «даже для достаточно развитого языкового сознания всякое будущее представляется более или менее условным, точно так же, как всякое условие обычно мыслится в будущем» [Лавров, с. 41-42]. Понятие «условие» в условно-временных моделях употребляется скорее не в значении «того, от чего зависит «другое» (как в условных), а в значении окружающей среды, то есть в отличие от временных отношений, в условно-временных имеют связь события не внешнего, случайного характера, но внутреннюю зависимость от другого. В отличие от условных условно-временные имеют в виду не предполагаемую связь явлений, но реально существующую либо существовавшую. Причем эта связь осуществляется не между действие-

условием и его предполагаемым следствием, но между действием и условием, в течение которого это действие реализуется [Андрамонова, Салмина, с.7]. Условно-временные отношения гораздо сложнее временных, так как временные отношения, даже осложненные субъективными оценками интервала, не предполагают умозаключения. Условно-временные не могут улавливаться, устанавливаться помимо субъекта, способного к умозаключению, который и фиксирует постоянную, закономерную зависимость одного явления от другого, при этом смысловой акцент падает не на расположение действий относительно друг друга, а на обусловленность одного действия другим: одно из действий неизбежно воспринимается как условие реализации второго. Кондиционально-темпоральные предложения в большинстве исследований не выводятся за пределы основного семантически определенного типа и рассматриваются или в составе кондициональных, или в составе темпоральных. Учитывая то, что эта синкретичная по своей природе (условно-временная) семантика получила структурное закрепление в паремиологических конструкциях, выражающих итеративное и обобщенное, генерализованное значение, считаем возможным выделить условно-временные предложения в самостоятельный тип, обнаруживающий ряд семантических и структурных признаков, позволяющих говорить о нем как об особом структурно-семантическом типе.

Условно-временные предложения характеризуются сложной, многослойной семантикой, включающей значения предсказательности, аналогичности. Эти компоненты значения могут выступать недифференцированно или дифференцированно, расчленяясь на составляющие компоненты. Семантика предсказательности, аналогичности является грамматической семантикой данного типа предложений, равно присущей (в разной степени) всем структурным разновидностям (простым и сложным) народных примет.

1.4. Обобщающее значение пословицы и приметы

Как пословицы, так и приметы обобщают, и в этом их существенный, конституирующий признак. Однако семантика обобщения, присущая примете, не совпадает с обобщенностью, имеющей место в таком сходном жанре, как пословица. Пословица имеет более обобщающий смысл и включает субъективную направленность на любого, каждого. Исследователи указывают на несколько условий, способствующих возникновению обобщенного значения у пословиц: 1) разрыв действия-состояния предложения с вполне определенным лицом-деятелем; 2) разрыв действия-состояния предложения с вполне определенным грамматическим временем.

Пословицы как малый жанр устного народного творчества обнаруживают исключительную зависимость от синтаксиса. Поэтому обобщенное значение пословицы основано на вневременной направленности сказуемых форм и соотнесенности их не с конкретным лицом-деятелем, представленным определенными личными формами, а с лицом-деятелем обобщенным, всяким и каждым вообще.

Таким образом, вселичность и всевременная направленность действий-состояний и есть то, что обычно называют обобщенным значением пословицы [Тарланов, с. 43-44].

Обобщенность же в народных приметах создается за счет: 1) категории способа глагольного действия - регулярности, повторяемости; 2) значения форм глагольного времени; 3) определенного лексического наполнения примет.

С древнейших времен в сознании человека сосуществуют два представления о времени – время как последовательность однотипных событий «жизненных кругов» (циклическое время) и время как однонаправленное поступательное движение (линейное время). Б. А. Успенский связывает циклическое время с космологическим сознанием, а линейное – с историческим. «Космологическое сознание предполагает, что в

процессе времени постоянно повторяется один и тот же онтологически заданный текст... Между тем, историческое сознание предполагает линейное и необратимое... время» [Успенский, с. 32-33]. В материалистической философии линейное и циклическое время противопоставляют как «естественно-научное» и «наивное», архаическое. Архаические цивилизации отличает представление о времени как о вращении по кругу, восходящее к сезонным, календарным циклам (Аверинцев 1975, Лотман 1987, Мелетинский 1991; Яковлева 1992). Естественно, потому что «циклическое сознание» построено на типизации (отождествлении того, что есть, с тем, что уже не однажды было), а линейное – на индивидуализации.

В рамках космологического сознания происходящие события оказываются значимыми постольку, поскольку они соотносятся не с будущим, а прошлым состоянием, события настоящего предстают как отражение первоначального прошлого, то есть настоящее оценивается не по будущим, а по прошлым событиям. Иначе говоря, происходящие события не порождают будущее, но они могут восприниматься как предзнаменование будущего. Действительно, и то, что случается в настоящем, и то, что предстоит случиться в будущем, выступают как отражение или символическое представление одного и того же состояния, как знаки этого состояния. Связь между этими знаками зашифрована в самом коде мироустройства. Если мы знаем эту связь, мы можем по событиям настоящего предсказать будущее, руководствуясь при этом космологическим сознанием. [Успенский, с. 20-27].

Таким образом, народные приметы основаны на понятии циклического времени, с которым связывают идеи природных циклов, бесконечных возвратов и повторов одних и тех же событий. Признаком повторяемости (неединичности) связи характеризуются предложения, в которых представлена неоднократная, периодически воспроизводимая связь ситуаций [Русская грамматика, с. 570]. «Повторяемость действия – аспектуальное значение, выражающее неоднократное воспроизведение

действия во времени и пространстве, безотносительно к числу повторений и передаваемое в языке средствами разных уровней» [Рощина, с. 8]. Признак повторяемости опирается на грамматические, лексико-семантические и контекстуальные факторы и может быть конкретизирован как многократность, регулярность, обобщенность, временная неопределенность, узуальность.

Узуальность, как отмечает А. В. Бондарко, в отличие от простой повторяемости не связана непосредственно с одним конкретным актом наблюдения. Для нее характерно отвлечение от той или иной ситуации [Бондарко, с. 500]. Г. А. Золотова пишет: «В узуальном значении действия предстают отвлеченными от конкретного времени. Это уровень знания – знания того, что наблюдаемое явление – не единичное, а обычное, непрерывно длящееся или многократно повторяющееся в настоящем, прошедшем или будущем» [Золотова, с. 181].

Узуальность всегда предполагает перспективу аналогичных повторов, то есть связана с той или иной мерой типичности: имеется в виду как типичность действия для какого-либо временного периода, так и типичность действия для одного конкретного субъекта или группы субъектов.

Как отмечает Е. В. Падучева, «узуальное значение не является семантически однородным, во всяком случае признаку “узуальность” нельзя сопоставить никакого единого семантического компонента или оператора» [Падучева, с. 27]. Обычно к семантической зоне узуальности относятся ситуации двух различных типов: 1) ситуация обычного повторяющегося; 2) ситуация типичного (привычного) действия.

Обычная (узуальная) повторяемость определяется как аспектуальное значение, выражающее регулярное и нерегулярное повторение действия во времени и пространстве безотносительно к числу повторений и передаваемое средствами языка различных уровней. Коренное отличие обычной повторяемости от простой состоит в том, что в семантическом потенциале первой помимо семы реального действия обязательно включается сема

потенциальности признака, то есть помимо основного значения неограниченной итеративности рассматриваемые ситуации характеризуются и периферийным значением типичности.

Временная отнесенность примет связана с выражением значения постоянства, причем такой его разновидности, как расширенное время, не имеющее точной локализации. Таким образом, две ситуации, вступающие в условно-временную связь, могут иметь возможное конкретно-временное приращение, но при этом всегда в конкретном проявляется обобщенное, то есть имеются в виду подобные ситуации, совершаемые ранее, причем, как правило, имеющие прерывистый характер. Степень прерывистости может быть различной. Например, повторяемость времен года, а также отдельных дней года, связанных с религиозными верованиями.

С точки зрения лексической наполняемости пословица не допускает слов, конкретизирующих значение синтаксической структуры в пространственном и временном отношении, примета же построена именно на временном и, частично, пространственном соотношении условия – следствия-прогноза. Большая степень обобщения, абстрагирования от конкретных отношений в пословицах по сравнению с приметами видна в своеобразных гиперо-гипонимических соотношениях пословиц и примет:

Какова зима, таково и лето (пословица) с его трансформами Зима лето строит, По зиме ложится лето; Каково лето, таково и зима // Урожайное лето предвещает холодную зиму; Если зимою тепло – летом холодно; Если зимою вьюги – летом ненастье; Если зимою иней – летом роса; Если зима без снега – лето без хлеба; Если зима снежная – лето дождливое; Если зимою вода убудет, лето будет ясное; Семь лет зима по лету, а семь лет лето по зиме.

1.5. Семантика предсказания и аналогичности

Под предсказанием понимают любое высказывание относительно тех или иных событий и, в частности, относительно результатов тех или иных действий. В этом плане предсказание является синонимом предвидения. В отличие от предсказания прогноз относится лишь к тому, что в настоящий момент не существует и что лишь должно возникнуть. Тот факт, что прогнозирование имеет дело с опережающим отражением действительности, с построением идеального образа еще не существующего объекта, явления, показывает, что здесь с особой силой проявляется творческая сторона сознания. Опережающий характер отражения заключается в том, что создается образ той ситуации, которая должна возникнуть как закономерное развитие условий, существующих в данный момент. Переработка сводится к операциям 2 типов: 1) выделяются инвариантные повторяющиеся ситуации; 2) осуществляется экстраполяция этих инвариантов на вновь возникающие ситуации [Храленко, с.7-8]. В семантической структуре народных примет ожидания легко трансформируются в семантику предсказания, предвидения, которые можно определить как многократно реализованное ожидание. «Заранее сказать, что произойдет в будущем», можно только в том случае, если две ситуации ставятся в закономерную объективную связь, проверенную многовековым опытом. Семантическая особенность народных примет состоит в том, что они относительно фактивны, то есть, анализируя предложение: *Если после первого грома холода, то и лето будет холодным*, мы приходим к выводу, что лишь тогда, когда холодное лето после холода, вызванного первым громом, повторялось не раз и не два, можно говорить о наличии узуса.

Семантика предсказания может быть эксплицитной и имплицитной. Эксплицируется она специальными экспликаторами, к которым относятся прежде всего глаголы, отглагольные существительные и предложно-падежные формы существительного. Глаголы с семантикой предсказания

образуют синонимический ряд: *предсказать, предвещать, сулить, сигнализировать, указать, показать, обещать, ожидать, ждать, быть*: *Погода 21 января предсказывает погоду всего августа; Оттепель на Сретенье предвещает худую и гнилую весну; Иней не сулит добра: будут осенние ночные заморозки, которые уничтожат посевы яровых хлебов; Начало цветения рябины сигнализирует о массовом появлении тли; Сильный ветер 1 января обещает урожай орехов; Второй день февраля показывает: солнечно – к красной весне, пасмурно – жди поздних метелей; В какой части неба звезды блестят сильнее – оттуда жди ветра; Дружная весна – жди большой воды.*

Отглагольные существительные образуют синонимический ряд: *примета, знак, сигнал, предвестник, обещание*. Они реализуются в сложных предложениях, маркируя событие-следствие. Наиболее частотным является существительное *примета*, семантика которого может осложняться аксиологической оценкой, передаваемой прилагательным: *хорошая (добрая, верная) примета – плохая примета: Коли в Андреев день ясно и холодно – добрая примета, а коли тепло – плохая; Первый туман лета – верная грибная примета; Прилет ласточек – добрая примета настоящей весны; Предвестником весны бывает полет жаворонка; Появление облаков вечером на западной половине неба – признак приближения непогоды; Двойная (тройная) радуга – признак дождливой погоды.*

В качестве особого способа репрезентации семантики предсказания в русском языке выступают предложно-падежные формы существительных с непроизводными предлогами, выполняющими функцию детерминантов с нефиксированным положением в предложении. К таким именованным событийно-темпоральным синтаксемам можно отнести сочетания, выражающие отношения временного следования двух действий, одно из которых предвещает наступление другого. Если событие, выражаемое именной синтаксемой, предшествует другому, представленному основным предикативным ядром, то используются синтаксемы «после+род.п.»,

«по+пред.п.»: *После очень сильной изморози наступает оттепель – (Сильная изморозь предвещает оттепель)*. Если событие, выражаемое предложно-падежной группой следует за действием основного события, то используются синтаксемы «пред.+тв.п.», «к+дат.п.», «на+вин.п.»: *Перед дождем пчелы сидят в улье – (Пчелы сидят в улье – предвещает дождь)*.

Особую группу среди паремических конструкций составляют предложения с имплицитным ожиданием. К ним относятся предложения, иллюкативная функция которых заключается в том, что говорящий побуждает (приказывает, советует, просит и т.д.) исполнителя совершить называемое действие. В номинативном содержании высказываний обобщен вековой опыт коллективного субъекта, и это обобщение дает право говорящему оказывать воздействие на поведение слушающего: все так поступают, и ты должен действовать так же. Здесь отношения между субъектом действия и адресатом строятся следующим образом: не от говорящего Я к потенциальному ТЫ, а от обобщенного ВСЕ к потенциально-конкретному ТЫ. Это дает основания видеть в таких приметах «регистрационный вариант, совмещающий черты генеритивного и волюнтивного регистров» [Золотова, с. 438]. Такие предложения строятся по трем основным моделям.

Первая модель – односоставные предложения с нефиксированным временным детерминантом, который может реализовываться в сочетании:

а) с глаголом повелительного наклонения 2 л. ед.ч. в обобщенно-личных предложениях.

Предложения предстают как локализованные во времени, однако такая локализация, повторяясь, приобретает обобщенный характер, вневременной. Локализованность может быть связана с указанием конкретного дня:

На Алексея теплого доставай улей; Сей морковь и свеклу на Козьму;
– или неопределенного временного периода, который маркируется предложно-падежными формами в русском языке: «до+род.п.»; «с+род.п.»; «за+род.п.»: *Яровое сей до Егорья; Ранний горох сей до Георгия, поздний после Георгия;*

б) с глаголом в форме 3 л. мн.ч.: *С Евдокии плющихи сеют капусту; На рождество крестителя собирают лекарственные травы;*

в) с глаголом в неопределенной форме: *Гречу сеять пропустя сорок морозов после сорока мучеников; Яровую рожь и пшеницу сеять в полнолуние, овес два дня после или прежде.*

Вторую модель образуют сложноподчиненные предложения с придаточным условно-временным, описательно выражающим благоприятный момент для произведения определенных сельскохозяйственных работ через соотношение с другим природным явлением. Как правило, это 1) изменения в растительном мире; 2) прилет птиц, их поведение. Придаточное может находиться в постпозиции:

Сей овес, когда босая нога на пашне не зябнет; Сей овес до распускания осины, когда березовый лист только станет распускаться; Грехичу сей, когда покажутся грешичные козявки; в препозиции по отношению к главной части: *Когда дуб развернулся в заячье ухо, сей овес; Когда летят первые журавли, тогда пора сеять горох; Когда пойдут кучевые облака – сажай картофель; Как покажется слепень, полно сеять рожь; Когда прилетают ласточки – время сеять просо.*

Третью модель составляют бессоюзные предложения, использующиеся в русском языке: *Крылатые муравьи появились – сей овес; Можжевельник зацветет – пора сеять ячмень (симб.); Лопаются сережки у березки – время сеять хлеб; Земляника красна – не сей овса напрасно.*

Предложения, входящие в три основные модели образуют парадигму: *На Олену сей лен / Сей лен, когда цветет рябина / Кукушка закуковала – пора сеять лен; Не сей пшеницу прежде дубового листа / Яровую рожь и пшеницу сеять в полнолуние / Когда медведки сильно кричат, сей пшеницу / Красные дни – сей пшеницу.*

Специфика рассматриваемых предложений в том, что они выражают имплицитное ожидание, поэтому имеют трехкомпонентную и четырехкомпонентную структуру. Например: предложение *На Олену сей лен*

состоит из эксплицитного условия *Если посеешь лен на Олену* и имплицитного следствия *то будешь с урожаем*, а также имплицитной модусной рамки (*следует ожидать*). Полностью предложение имеет структуру: *Если посеешь лен на Олену, то следует ожидать, что будешь с урожаем*. Предложение типа: *Сей лен, когда цветет рябина* – четырехкомпонентное. Оно включает эксплицитное условие, конкретизированное определенным временным параметром, соотношенным с природным явлением: *Если посеешь лен, когда цветет рябина*; имплицитное следствие и модусную рамку: *следует ожидать, что будешь с урожаем*: *Если посеешь лен, когда цветет рябина, то следует ожидать, что будешь с урожаем*.

Ожидания могут эксплицитоваться: *Сей рассаду до Егорья – капуста будет доволе (вдоволь)*; *Сей пшеницу на Симона Зилота – родится, аки золото (западн.)*; *Сей и холь яровое в мае, так зимой будет добро*. Такого рода предложения выполняют регуляторную функцию. Приметы помогали ритмически организовывать трудовые процессы, они говорили крестьянину, когда сеять, скажем, ячмень, овес или ячмень (*Евсей – овсы сей*; *Наталии овсяницы – косят овсы*; *Ячмень сеют, пока калина цветет*). Регуляторная функция взаимодействовала с прогнозирующей: соблюдение сроков работ давало надежду на хороший урожай (*Сей под погоду, будешь есть хлеб год от году*).

Степень реализации предсказательности актуализируется в модальных значениях неизбежности, возможности, желательности. Актуализаторами подобного рода значений выступают лексические средства: предикативы *нужно/надо, пора/время, должен, можно, возможно и др.*; грамматические средства: категория вида, императив, инфинитив, т.д.: *В крещенский сочельник ясный день – должно ожидать хорошего урожая гороху*; *Грехичу должно сеять в самое полнолуние*; *Туман не образуется, роса слабая или совсем не выпадает - возможны гроза и ливень*; *Когда весной запоет удод, пора сеять бобы*; *Можно ждать хорошей погоды, если угли в костре*

быстро покрываются пеплом; Когда летучие мыши после заката солнца неустанно летают – жди ясной погоды; Зима снежная – быть урожаю.

При любой формальной репрезентации народные приметы представляют собой биноминативную семантическую структуру. В ней выражаются две пропозиции, или две ситуации, из которых одна поставлена в зависимость от другой. Неслучайный характер связи между микроситуациями проявляется в наличии некоей посредствующей пропозиции, благодаря которой две ситуации оказываются интегрированными в рамках единой структуры. Эта третья пропозиция выступает в качестве условия семантической связности и цельности макроструктур. Посредствующая ситуация может быть очевидна, т.е. выступает как пресуппозиция мотивированности обуславливающего отношения, или неочевидна, тогда она должна быть проявлена: *Когда дуб развернулся в заячье ухо – сей овес: Когда дуб развернулся в заячье ухо, значит, стало тепло и поэтому можно сеять овес.*

Отличительной чертой семантико-синтаксической структуры народных примет является то, что в них присутствует модусный компонент значения, связанный с осмыслением человеком связей и отношений между явлениями и событиями объективного мира. Этот имплицитный компонент может эксплицироваться ментальным предикатом *знать*, употребляющимся в императивной форме и выражающим сложный комплекс прагматических значений. Характерным является «квазиперформативное употребление» [Лог.ан.языка, с. 35], когда ментальное состояние адресата речи контролируется говорящим, и посредством данного речевого акта говорящий достигает изменения в ментальной сфере адресата: *Увидел скворца – знай: весна у крыльца; Если в последний день января тепло – знай, что тепло это особенное, еще морозы будут.*

Особую группу образуют народные приметы, значение предсказательности в которых сопряжено со значением аналогичного условия, базирующегося не просто на сходстве явлений и событий, а на их

уподоблении (Кручинина 1988). Аналогичные отношения традиционно связывают со сложносочиненными предложениями (Холодов 1983), однако, как нам представляется, в народных приметах реализуется такое условно-аналогичное значение, которое легко ассимилируется с временным, что поддерживается лексически – указанием на конкретный временной период реализации аналогичного условия:

Если выпадет в мае три дождя добрых, и хлеба будет на три года полных; Если просо в Петров день с ложку, то будет его на ложку; Если утренник холодный, и зима холодная; Как будет в мае дождь, так будет и рожь.

Аналогичные условия реализуются на всем пространстве народных примет: и в сложноподчиненных, сложносочиненных, бессоюзных предложениях, простых и осложненных предложениях. Используются разные средства как лексические, на уровне синонимии, так и фонетические (звуковой повтор). Используются и текстовые средства, в частности местоименная замена, синтаксический параллелизм и др.

Значение аналогии поддерживается лексически, когда действия и состояния соотносятся друг с другом либо как элементы одного сложного процесса, либо как стороны единой, целостной картины. У таких явлений и событий всегда есть некий общий фон, который мотивирует их совместность и совместимость [Кручинина 1988, с.60]. Порядок их следования устанавливается воспринимающим субъектом, который представляет его как внутренне мотивированный (закономерный), при котором взаимная перестановка частей невозможна, так как она нарушает объективную закономерность следования событий. Так, в предложении: *Коли на Казанскую черница поспекает, то поспела и рожь* – расположение частей объясняется закономерным их следованием: сначала поспекает черница, а затем – рожь. В таком предложении условное значение осложняется причинным: *Так как на Казанскую черница поспекает, то поспела и рожь.* Уподобление событий нередко подчеркивается повтором: *Коли до Ивана*

просо в ложку, то будет и в ложке; Коли Дмитриев день по снегу, то и святая по снегу; Коли в поле зимой гладко, и в сусеке будет гладко; Коли в крещенье собаки много лают, будет много зверя и дичи (пермск.); Если пташки летят на конопляник, то будет урожай конопли; Коли после первого грома холод, то и лето будет холодное; Если в великий четвертак холодно, то весна холодна до седьмой недели; Если утренник холодный (7 авг.), и зима холодна; Если на Семен-день теплая погода, то вся зима будет тепла; Если погода хорошая (24 сент.), осень будет хорошая.

Возможен повтор в виде синонимической вариации, когда встречаются слова одного лексико-семантического ряда:

Коли у Еремея погоже, то и уборка хлеба пригожа; Коли курочка в Евдокеи напьется, то и овечка на Егорья (23 апреля) наестся; Коли звезды редки, то и ягод будет мало; или воспроизводится не собственно лексема, а ее смысл, более или менее точный: Коли дождь на Петров день, то сенокос будет мокрый; Коли на Макриду мокро, то страда ненастная; Коли прорубь в Иордани полна воды, разлив будет большой; Коли белка в покров чиста (вылиняла), то осень будет хороша (перм.).

Повтор может осуществляться прономинализацией посредством предметно-указательных и местоименных наречий или местоимений: *Коли метель (19 янв.), то мести ей и через три месяца; Если на чеснок урожай, такой и на рожь.*

В сложноподчиненных предложениях ярко проявляется семантика аналогичности и обобщенности, присущая народным приметам. Значение аналогичности выражается с помощью союзов *если...то/то и (так и)/и; коли...то/ то и (так и)/и; когда...то/то и (так и)/и; как...так/так и/ и*, эксплицирующих значение аналогичного условия: *Если утренник холодный, и зима холодная; Как будет в мае дождь, так будет и рожь.*

На аналогичные условия наступления событий может указывать употребление местоименных сочетаний с отождествительным значением: *Если 18 янв. будет метель – то же самое будет и на масленицу; Если первый*

день в году веселый (счастливый), то и год будет таков (и наоборот); Как богата опока (иней) на деревьях, таков будет цвет на хлебе.

Уподобление событий может быть основано на лексическом повторе: *Коли до Ивана просо в ложку, то будет и в ложке; Коли Дмитриев день по снегу, то и святая по снегу; Если на Семен-день теплая погода, то вся зима будет тепла; Если погода хорошая (24 сент.), осень будет хорошая.*

Повтор на основе слов одного лексико-семантического ряда: *Коли курочка в Евдокеи напьется, то и овечка на Егорья (23 апреля) наестся; Коли звезды редки, то и ягод будет мало; или воспроизводится не собственно лексема, а ее смысл, более или менее точный: Коли белка в покров чиста (вылиняла), то осень будет хороша (перм.).*

Семантика аналогичности используется не только в сельскохозяйственных и метеорологических, но и бытовых приметах, в которых фиксируется те же средства выражения аналогичности. Семантика предсказания – универсальная для всех разновидностей примет – в бытовых приметах координируется с установкой на запрет/разрешение, с подчёркиванием изначальной связи их с семантикой аналогии, сходства, явлений, поставленных в зависимость друг от друга. На этом принципе построены и приметы, лежащие в основе телевизионного сериала, когда подобное провоцирует появление подобного, как правило, негативного явления: *Нельзя недопитый чай в чашке оставлять, иначе жизнь будет неполной; Если в комнате стоит пустой чемодан, начинает человек о пустом суесться; Если сахарница в доме всегда полная, то и жизнь будет полной, если пустая, то и жизнь пустая; Чужим именем называться плохая примета, можно с чужим именем чужую судьбу получить.*

Часть II. СИНТАКСИС МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРИМЕТ

2.1. Сложноподчиненное предложение

В качестве дифференцирующего признака признается семантико-синтаксический аспект, при котором доминирующим выступает учет характера пропозиций и пресуппозиций, которые эксплицируются или имплицитно. При любом структурном оформлении народные приметы всегда полипропозитивны, в них выделяются обусловленная и обуславливающая части. Отношения могут проявляться эксплицитно с помощью грамматических средств связи и имплицитно, причем импликация может быть как синтаксической, выражаемой видовременными формами, интонацией и др., так и семантической, когда она диктуется не языковыми, а экстралингвистическими факторами.

В русском языке парадигма свертывания инварианта будет включать следующие конструкции: *Если появились темные круги около звезд, то будет дождь; Появились темные круги около звезд – так будет дождь; Появились темные круги около звезд – будет дождь; Темные круги около звезд – к дождю.*

Актуализация условно-временной семантики на синтаксическом уровне определяется тем, что она представляет собой один из типов отношений обусловленности. Главное свойство данной семантики – полисобытийность.

Наиболее приспособленными для выражения условно-временных отношений оказываются синтаксические структуры, прежде всего яруса сложного предложения, составляющие 90% всего паремиологического фонда. При этом ядерной доминантной единицей является сложноподчиненное предложение, поскольку именно в нем событие-условие и событие-следствие представлены развернутыми пропозициями, эти пропозиции маркированы.

Недифференцированная условно-временная семантика выражается функционально эквивалентными союзами *если и когда*. Анализируя союзы *если и когда*, А. А. Потебня отмечает «наше «если» выражает условность, подвергая сомнению существование события, приписываемого за условие... «Когда» изображает условие существующее одновременно с установленным, когда есть то-то, то есть то-то» [Потебня, с. 297]. Как указывает Н. А. Андрамонова, «все основные простые союзы являются обычно полисемантическими. Они способны к функциональной эквивалентности, которая поддерживается семантикой и теми или иными компонентами структуры предложения, чаще всего формами вида, наклонения, времени глаголов-сказуемых. Так, временной союз *когда* нередко синонимизируется с условным союзом *если*, условный союз *если* получает причинное значение и т.п.» [Андрамонова, с. 92-93].

Союзы *если/когда* в народных приметах в качестве ядерных, основных, образуют вместе с союзами *если* (ежели, коли, раз)/ *когда* (как), *пока* синонимические ряды. Союзы *если*, *ежели*, *коли* имеют различия не семантического, а стилистического порядка.

Простые союзы характеризуются широтой семантики: в них прежде всего представлено типовое значение. Так, союз *когда* обычно квалифицируется как общевременной, как союз с недифференцированным временным значением. Это касается и менее употребительного, стилистически ограниченного союза *как*. Именно недифференцированность временного значения позволяет использовать союзы *когда* и *как* в синкретичном условно-временном значении, что хорошо видно в сравнении с союзом *пока*.

Простой временной союз *пока* более специализирован. Он имеет ограничительно-временное значение. Союз *пока* выступает в сложноподчиненных предложениях, где одно действие совпадает в своих границах с другим, а именно – время протекания действия, названного в главном предложении, ограничивается отрезком времени, нужным для

совершения действия, представленного в придаточном предложении. Именно это обстоятельство не позволяет использовать союз *пока* в синкретичном условно-временном значении. Сравните: *Ячмень сеют, пока цветет калина – Сеять ячмень, когда(если) цветет калина*. Ограничение временного предела может обозначаться в главной части конкретизаторами: *Сеять можно до тех пор, пока цветет черемуха*.

Союзы *если* и *когда* могут находиться в препозиции и постпозиции, интерпозитивное использование нами не зафиксировано, хотя в принципе оно возможно.

В препозиции союзы выступают в качестве синонимов, при этом основная семантика союзов нейтрализуется: *Если (когда) пташки летят на конопляник, будет урожай конопли; Если (когда) молодой обмывается дождем – весь месяц будет дождливый; Если (когда) температура воздуха постоянна в течение дня – ненастье сохранится; Если (когда) сухие ветки с деревьев в тихую погоду валяются – будет дождь; Если (когда) дождь идет назад, будет очень сильный; Когда (если) рожь цветет, нельзя холстов белить*.

На семантическую близость союзов *если/когда* указывает их недифференцированное употребление в одном контексте: *Если месяц в три дня обглядится, весь день будет ведренный, а когда три дня дождь, весь день ненастный / Если месяц в три дня обглядится, так до ущерба будет ведро, а когда три дня дождь, то весь ненастный*.

При постпозиции союза *если* актуализируется условно-причинная семантика, придаточное выступает в качестве распространителя главной части. Применительно к таким предложениям наиболее адекватным представляется определение В. А. Богородицкого: «Тип условный употребляется тогда, когда осуществление положения, высказываемого главным предложением, зависит от того или другого условия, заключающегося в придаточном предложении» [Богородицкий, с. 267]: *Будет дождливо, если в осенние Николы был снег; Милостлива будет зима к*

крестьянину, если ягод на рябине остается много; Будет дождь или ненастье, если солнце садится в белесоватую тучу.

Условие может заключаться в указании на временной отрезок, необходимый, чтобы осуществилось то или иное следствие. Близкое по времени, наступающее через короткий промежуток времени, в недалеком будущем следствие может иметь лексические экспликативы типа *скоро*: *Скоро будет сильный ветер, если угли в костре быстро покрываются пеплом; Скоро будет сильный ветер, если морские рачки выползают из воды на берег; Будет скоро дождь (а зимой снег), если высокие облака идут против приземного ветра.*

Потенциальность следствия фиксируется использованием форм повелительного наклонения или модальных слов: *Ожидай оттепели, если во время мороза белка покидает гнездо и спускается вниз с дерева; Можно ждать хорошей погоды, если угли в костре быстро покрываются пеплом.*

В постпозиции союза *когда* на первый план выступает временное значение, осложненное значением кондициональности. «Постпозиция придаточного одна из предпосылок, сближающих его с придаточным времени» [Тарланов, с. 260]: *Соловей начинает петь, когда может напиток росы с березового листа; Сей горох, когда распускается дуб; Гречиху сей, когда покажутся гречишные козявки; Гречиху сей, когда трава хороша; Гречиху сей, когда роса хороша; Гречиху сей, когда рожь хороша.*

Наиболее употребительным в народных приметах является союз *коли*. Считается, что данный союз не нашел широкого распространения, частота его употребления по сравнению с другими союзами невелика, и в современном русском литературном языке он не сохранился. «Уже в период старорусской письменности союз *коли* был приметой разговорной речи», поэтому в произведениях художественной литературы он представлен немногочисленными примерами [Историческая грамматика, с.]. В Грамматике русского языка 1954 г. указывается, что «придаточные с этим союзом встречаются почти исключительно в литературных произведениях

прошлого столетия, да и то не у всех писателей,...в XIX веке союз этот не представлял собою широко распространенного явления; часто он использовался как прием стилизации» [Борковский, с. 325].

Материалы нашей работы свидетельствуют о широком употреблении союза *коли* в народных приметах. Союз *коли*, по-видимому, и остался неисследованным в силу того, что народные приметы не были предметом специального лингвистического анализа. Очевидно, различие между *если* и *коли* были и остаются не просто стилистическими, а функциональными. Проведенный нами статистический анализ сб. В. И. Даля «Пословицы русского языка» свидетельствует о превалировании союза *коли* над союзами *если*, *когда*, *как*. Из 129 примеров народных примет: 56 с союзом *коли*, 28 – *если*, 20 – *когда*.

Широкое использование союза *коли* в языке примет XIX в. объясняется, в первую очередь, тем, что «значение неопределенности (когда-нибудь) в наречном союзе *коли* легко совмещается со значением повторяемости» [Лавров, с. 90]. Союз *коли* «дает указание на то, что условие выполнено и следствие должно наступить немедленно». «При этом несколько нарушается равновесие между условием и следствием (внимание привлечено только к следствию, поскольку условие уже выполнено)» [Там же, с. 92] Такие предложения Б. В. Лавров рассматривал как условно-причинные, а не условно-следственные. Именно такие конструкции используются в народных приметах, однако в них фиксируется условно-временные отношения, которые могут быть осложнены отношениями причинными и, гораздо реже, уступительными.

В сборниках, изданных в XX в., союз *коли* уступает свои позиции союзу *если*. Например, в сборнике Рыженкова «Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде» [1992] из общего количества примет (1039) 157 с союзом *если*; 39 с союзом *когда* и только 13 – с *коли*.

Союз *коли* может располагаться в препозиции и постпозиции. Препозитивное использование наиболее частотно в отличие от пословиц, в которых, по наблюдению Тарланова, придаточное «в большинстве случаев все же занимает постпозицию» [Тарланов 1998, с. 256]: *Коли грачи прямо на гнездо летят – дружная весна; Коли на Омеляна подует от Киева (юга) – лето грозное; Коли гроза – сена будет за глаза.*

Постпозиция *коли* необычна: условие дается после следствия. По-видимому, это могло быть первоначально только в предложениях, в которых условие не привлекает внимание, поскольку оно является выполненным, такие предложения естественно совмещают условно-причинные значения, осложненные временным оттенком чаще в пословицах: *Не кланяюсь богачу, коли (когда, так как) свою рожь мечу; И год хорош, коли (когда, так как) уродилась рожь; Строгой зиме быть, коли (когда, так как) птица дружно в отлет пошла.*

Одиночный союз *как* характеризуется как просторечный, разговорный. Его значение в паремиях синонимично значению союза *если (когда)*. В таком значении союз встретился нам лишь в одном предложении: *Как покажется слепень – полно сеять ячмень (симб.)* [Даль, с. 365].

2. Сложноподчиненные предложения с двойной связью относятся в современном русском языке к числу наиболее продуктивных. Их распространение и упрочение также стимулируется тенденцией к семантической дифференциации и специализации и является одним из свидетельств стремления языка к развитию черт аналитизма.

В оформлении двойной связи вместе с союзом принимают участие корреляты. В этих случаях союзы выступают как компонент двойного союза.

К двойным союзам со стабильными компонентами относятся союзы: *как...так и / то и / и; коли...так и / то и / и; если...так и / то и / и; когда...тогда / тогда и.*

К союзам с факультативным указательным компонентом относятся союзы: *если...то (так); коли...то (так); как...то (так); когда...то (так).*

Союзы *как...так и, если...так и, коли...так и*, а также их варианты *как...то и/и, если...то и/и, как...то и/и* очень широко употребляются в синтаксисе народных примет. Такие союзы состоят из обстоятельственных союзов и союзных частиц.

Частица *и* в двойном союзе может находиться в контактном и дистантном расположении с союзными частицами *то, так*, которые сами относительны и всегда препозитивны. Сочетания *то и, так и* для литературного языка являются просторечно-диалектными или устаревшими: *Как кукушка закукует, так и сеять лен; Как будет в мае дождь, так будет и рожь; Как скворцы из гнезд, так и пора гречу сеять (пенз.); Как придет Петро, так и будет тепло; Если не затянет дождем, то и зима вслед за тем придет; Коли редки звезды, то и ягод будет мало; Коли ягодно, то и хлебовно; Коли осина задрожала, так и скот в поле сыт; Коли на Егорьев день мороз, то и под кустом овес.*

Союз *коли...то и* может употребляться с усилительной частицей *уж* *коли...то и*: *Уж коли сиверко (северный ветер), холодно, то и все лето таково (холодное); Уж коли снег ляжет, то и лежать ему до половодья.* В таких предложениях происходит сближение условно-временного значения с причинным. Функцию актуализатора причинного значения выполняет частица *уж*, которая примыкает к союзу *если*. В «Русской грамматике» такие союзы рассматриваются как «составной союз» [РГ, т. 2, с. 572].

Частица *и* может употребляться самостоятельно, выражая значение аналогичного условия: *Коли в поле зимой гладко, и в сусеке будет гладко; Коли черника поспела, поспела и рожь; Если утренник холодный, и зима холодная; Если лед на реке становится грудами, и хлеба будут груды;*

- или условно-ограничительное значение, в этом значении частица *и* близка к частице *даже*: *Если дождя не будет – и камыш вырастет.*

3. Частицы *то, так, тогда* указывают, что далее следует более важное сообщение о ситуации-следствии, обусловленной ситуацией-условиям или связанной с ней как временным фоном существования. Указательный

элемент союза *так* близок к *то*. Отличие состоит в стилистической отмеченности последнего – его разговорной окраске. Союзы *если...то*, *коли...то*, *когда...то* достаточно частотны в языке народных примет: *Если журавли полетят, то на Покров будет мороз; Если вербная неделя ведреная, с утренниками, то яри хороши будут (яроsl.), Если разлив на Марию Египетскую, то травы будет много; Когда весной овражки заиграют и опять замерзнут, то будет помеха на урожай (Даль с.368); Коли на Михайлов день закует, то на Николу раскует; Коли береза вперед опушается, то жди сухого лета; Как на Георгия будут морозы и повторятся через неделю, то должно ожидать теплой осени.*

Коли...так, как...так: Коли на благовещенье снег на крышах, так будет он еще через месяц в поле; Коли рожь тронется в рост наперед, так быть ржи хорошей, а трава - так травам; Как обмочило оглобли, так поезжай домой (при посеве ржи).

Союзы *если*, *когда*, *как* могли употребляться с коррелятом *тогда*. Наиболее частотен союз *когда...тогда*. Зафиксированы в единичном употреблении *если...тогда*, *как...тогда*. В предложениях с подобными союзами коррелят *тогда* усиливает временное, но не перекрывает условное значение: *Когда в сене дождевина, тогда в сусеке ведрина; Когда летом первые журавли, тогда пора сеять пшеницу; Если на Екатерину оттепель, да туман, да слякоть - тогда морозов не жди раньше Варварина дня.*

В сложноподчиненных предложениях ярко проявляется семантика аналогичности и обобщенности, присущая народным приметам. Значение аналогичности выражается с помощью союзов *если...то/то и (так и)/и*; *коли...то/ то и (так и)/и*; *когда...то/то и (так и)/и*; *как...так/так и/ и*, эксплицирующих значение аналогичного условия: *Если утренник холодный, и зима холодная; Как будет в мае дождь, так будет и рожь.*

На аналогичные условия наступления событий может указывать употребление местоименных сочетаний с отождествительным значением: *Если 18 янв. будет метель – то же самое будет и на масленицу; Если первый*

день в году веселый (счастливый), то и год будет таков (и наоборот); Как богата опока (иней) на деревьях, таков будет цвет на хлебе.

Уподобление событий может быть основано на лексическом повторе: *Коли до Ивана просо в ложку, то будет и в ложке; Коли Дмитриев день по снегу, то и святая по снегу; Если на Семен-день теплая погода, то вся зима будет тепла; Если погода хорошая (24 сент.), осень будет хорошая.*

Повтор на основе слов одного лексико-семантического ряда: *Коли курочка в Евдокеи напьется, то и овечка на Егорья (23 апреля) наестся; Коли звезды редки, то и ягод будет мало; или воспроизводится не собственно лексема, а ее смысл, более или менее точный: Коли белка в покров чиста (вылиняла), то осень будет хороша (перм.).*

Повтор может осуществляться прономинализацией посредством предметно-указательных и местоименных наречий или местоимений: *Коли метель (19 янв.), то мести ей и через три месяца; Если на чеснок урожай, такой и на рожь.*

Значение обобщенности имеет свою структуру в народных приметах. Центр ее образуют предложения, построенные на основе соотносительных пар: *каков(а,о)...таков(а,о) и; какая...такая и; откуда...оттуда и; (отколь...оттоль и); куда...туда и; где...там и; когда...тогда и.*

Предложения, построенные на основе данных коррелятов, могут выражать не только условно-временные, но и условно-пространственные, условно-определительные отношения. Такие предложения могут рассматриваться как предложения с высокой степенью обобщения, которая дает возможность наблюдателю самому устанавливать условно-следственные связи между явлениями, происходящими в определенный временной промежуток. Частица *и* в главной части акцентирует сходство, например: *Каково благовещенье, такова и светлая неделя; Каков Платон и Роман, такова и зима; Какова вечерняя заря, таков и другой день; Какова Аксинья, такова и весна; Какова всеядная (погодой), такова и масленица; Какова пестрая, такова и маслена; Какова погода в чистый четверг,*

такова и в вознесенье; Каков первый день января, таков и первый день лета; Какова вечерняя заря, таков и другой день; Какой день маслены красный, в такой сей пшеницу (яроsl.); Какая погода на четвертый день новолуния, такая погода продержится до полнолуния. Пространственное значение может эксплицироваться коррелятом какой...оттуда: В какой части неба звезды блестят сильно – оттуда жди ветра.

Синонимичным корреляту *каков...таков* и выступает коррелят *во что...в то и*: *Во что сороки, в то и петровки (в день недели) (Даль с.320); Во что Илья, в то и воздвиженье; Во что Макковей, в то и разговенье; Во что Михайла, в то и Никола.*

Коррелят *откуда...оттуда* и (с вариантами – *отколе... оттоле и; отколь...оттоль и*) фиксирует закономерную связь двух явлений, мотивированную пространственным признаком, аналогичность двух явлений поддерживается частицей *и* в главной части: *Откуда был ветер в Евдокеин день (14 марта), оттуда и во все лето будет дуть; Откуда слышны раскаты грома, оттуда дождя жди; Откуда дует ветер, оттуда дождь придет; Отколе ветер в Евдокеи, оттуда и во все лето; Отколе ветер на солноворота, оттоле будет стоять до сорока мучеников (равноденствия); Отколь ветер от Федота до Федула, оттоль с петровок до Мокрой Мокриды, а то и все лето.*

Условно-пространственные предложения могут оформляться на основе коррелятов: *куда...туда и*: *Куда гром, туда и дождь; Куда ветер, туда и дождь; где...там и*: *Где вода, там и сена вороха; Где ковыль, там и хлеб; Где ольха, там и трава; Где гроза, там и ведро.*

Максимально обобщенные по семантике предложения составляют целые гроздья предложений, конкретизирующих то или иное явление в зависимости от характера протекания действия, временной, пространственной локализации, частных признаков и т.д.:

1. *Какова зима, таково и лето (с вариантами – Лето работает на зиму, а зима на лето; Зима лето строит; По зиме ложится лето; Семь лет*

зима по лету, а семь лет лето по зиме): Если зимою тепло – летом холодно; Если зимою вьюги – летом ненастье; Если зимою иней - летом роса; Если зима без снега – лето без хлеба. Если зима снежная – лето дождливое; Теплая и снежная зима предвещает необильно хлебородное лето; Если зима была морозная и малоснежная, то будет лето хлебородное; Если зимою сухо и холодно, летом сухо и жарко; Если зимою тепло – летом холодно); Если зимою вода убудет , лето будет ясное.

Обобщающее по семантике предложение и конкретизирующие его могут находиться в одном контексте: *Какова середина марта, таково и лето: подул теплый ветер – будет лето теплое и мокрое, если же шел снег, мороз и ветер с севера – лето будет холодное, а если пойдет дождь – все лето дождливое; Какова погода на Сретенье, такая и весна: если оттепели, то весна будет ранняя и теплая; если холодно, весна поздняя, если снег – весна дождливая.*

Обобщающее по семантике предложение может иметь форму простого предложения: *Смотри осень по Макридам: Макрида мокра – и осень мокра, суха – и осень тоже; Смотри весну по Аксинье: какова Аксинья, такова и весна.*

Особую группу составляют предложения с союзом *чем...тем*. В «Русской грамматике» предложения, оформленные данным союзом, рассматриваются как такие, в которых: 1. Союз *чем...тем* требует морфологического параллелизма двух предикатов: он соединяет два компаратива; 2. Порядок следования частей не строго, но все же фиксированный: с препозицией *чем* и постпозицией *тем*; 3. Смысловые отношения, выражаемые этим союзом, квалифицируются как сопоставительные; все другие значения признаются контекстуально обусловленными, т.е. зависящими от конкретного лексического заполнения синтаксической структуры [РГ т.2, с. 492, с. 614].

Отношения между предложениями, соединенными союзом *чем...тем*, обычно характеризуются как сравнение, сходство, сопоставление,

соизмеримость, пропорциональное соответствие, но отношения, выражаемые данным союзом в народных приметах, гораздо сложнее: они предполагают не только внешний параллелизм двух процессов, но и их внутреннее причинно-следственное взаимодействие.

Народные приметы, построенные по данной модели, обнаруживают условно-сопоставительные отношения, когда увеличение, возрастание или уменьшение одного признака (качества, состояния) является условием для увеличения, возрастания или уменьшения признака (качества, состояния) другого явления: *Чем больше иней на деревьях зимой, тем богаче урожай; Чем раньше распустится березовый лист, тем теплее будет лето; Чем сильнее первый удар грома по весне, тем лучше будет урожай; Чем раньше начинает цвести черемуха, тем жарче будет лето; Чем обильнее роса, тем жарче будет завтрашний день.*

Сопоставление процессов не является самоцелью, оно позволяет констатировать закономерность, наличие условно-следственных отношений. Условно-сопоставительное значение рассматриваемых предложений подтверждается существованием моделей, фиксирующих темпорально-кондиционально-следственные отношения между природными явлениями: *Чем больше бывают к осени муравьиные кучи, тем суровее будет зима (Большие муравьиные кучи предвещают суровую зиму); Чем зеленее радуга, тем больше будет дождя, а чем краснее, тем больше ветра (Зеленая радуга – к дождю, красная – к жаре и ветру); Чем глубже роют норы полевые мыши, тем малоснежнее будет зима (Мыши полевки роют свои норы недалеко от поверхности земли – к снежной зиме).*

Условно-следственная зависимость увеличения или уменьшения объема, количества, качества одного природного явления от другого может выражаться и в моделях, содержащих имплицитное сопоставление: *На ольхе весною много шишек – хороший урожай гороха (Чем больше на ольхе весною шишек, тем лучше урожай гороха); Много одежды на луковицах – быть зиме холодной (Чем больше одежды на луковицах – тем холоднее зима); Мало*

звезд видно – к пасмурной погоде (Чем меньше звезд видно – тем пасмурнее погода).

2.2. Сложносочиненное предложение

Современная лингвистика, ориентированная на когнитивно-дискурсивный подход в изучении «человека в языке» (*homo lingualis*), все чаще обращается к рассмотрению устойчивых конструкций, сохранивших острую наблюдательность, мудрость и прозорливость народа. Все более очевидно, что структуры знания, верования, воображения, включенные в народные приметы, способны отражать вербально-семиотическое регулирование взаимоотношений человека с окружающей средой. Народные приметы определяются нами как устойчивые высказывания, фиксирующие коллективный опыт наблюдений и прогнозирования результатов взаимодействия человека и природы.

Инвариантным в семантической структуре народных примет является условно-следственное значение, осложненное временным, причинным, целевым и т.п. Особую группу составляют синкретичные народные приметы, в которых условно-следственное значение сопряжено с сопоставительным значением. Расчленение ситуации на аналогичные по структуре и содержанию, соотнесенные по тематическому признаку конструкции, позволяет в максимально усеченной форме передать семантику предсказания и аналогичности.

Союз *a* – один из сочинительных союзов, который, по мнению Г. Е. Крейдлина и Е. В. Падучевой, относится к числу лексем, не имеющих сколько-нибудь близких параллелей в других языках [Крейдлин, с.32]. Интерес к сложносочиненным предложениям, соединенным союзом *a*, с точки зрения структуры и семантики предложения, а также семантики самого союза достаточно высок [Кручинина, Холодов, Всеволодова, Санников], однако такие конструкции, как народные приметы не нашли отражения в существующих классификациях. Единичные примеры рассматривались в

работах, в частности В. З. Санникова, который значение союза *a* в предложении: *Видеть Козу во сне – хорошо, а Козла – неприятность* определяет как сопоставительное [Санников, с. 269].

Народные приметы, построенные по модели сложносочиненного сложного предложения с союзом *a*, имеют условно-сопоставительное значение, реализуемое имплицитно, что дает возможность соотнести их с условными сложноподчиненными предложениями, например: *Ласточка день начинает, а соловей вечер кончает – Если (в то время как) ласточка день начинает, то соловей вечер кончает.*

Рассматриваемые конструкции характеризуются особым структурным построением, в основе которого лежит сопоставления двух ситуаций, отношения между которыми основаны на инвариантном значении народных примет – ожидании говорящего. Основой ожидания является жизненный опыт человека и всего общества в целом. Система ожиданий передается от поколения к поколению. Схема ожидания имеет формулу: «Если А, то следует ожидать В», в которой ожидание предстает как не имеющее мотивации, основанное на вере [Черемисина, Колосова, с. 75-76]. Часть, содержащая ожидание, всегда постпозитивна.

На глубинном уровне все народные приметы включают семантику ожидания, сопряженную с семантикой предсказанием, сопоставьте: *С гор вода, а рыба со стану (с зимовья).* Понимание предложения основано на восстановлении невыраженного ожидания говорящего и имеет схему [(Если) А, (то) следует ожидать В]: *Если (в то время как, когда) с гор вода, то (следует ожидать) рыба со стану (с зимовья).* Для правильного понимания народных примет необходимо знать те внеречевые условия, которые составляют некий обязательный фонд общих для говорящего и собеседника знаний (пресуппозиции), основанный на жизненном опыте или на знании ситуации, это особенно важно в приметах, включающих знаки культуры, традиций, верований, сравните: *Кузьма закует, а Михайло раскует,* для адекватного понимания приметы нужны знания о том, какому дню

соответствуют народные названия, в частности, Кузьма – 14 ноября, Михайло – 21 ноября – (*Если 14 ноября будут заморозки, то следует ожидать 21 ноября оттепель*). В предложении, связанном сопоставительными отношениями, сообщается о двух сосуществующих ситуациях, одна из которых предсказывает, ставя в условно-следственную связь, другую. Еще приметы: *Юрий замостит, а Николай загвоздит, С Ильина дня защипывают (собирают) горох, а репу с Ивана постного (29 августа); Петр и Павел на час день убавит, а Илья-пророк – два уволок; Осенние Федоры подол подтыкают, а зимние Федоры платком рыло закрывают.*

Условно-сопоставительные предложения имеют вполне устойчивую структуру, характеризующуюся синтаксическим параллелизмом, общностью модально-временных планов, лексической соотнесенностью параллельных тем и рем двух предложений: *Ворона каркает задолго до дождя, а зяблик рюмит перед самым дождем.*

Предложение сложное, состоит из двух предикативных единиц, связанных сочинительной связью, первая предикативная единица задает ожидание, вторая предикативная единица оценивается через это ожидание. Элементом формы сложносочиненного предложения является сама организация с точки зрения смысловой и коммуникативной устроенности. Между темой первой части и темой второй части существует связь общности, так как лексемы *ворона* и *зяблик* относятся к одной лексико-семантической группе – птицы. Ремы также симметричны – *каркает* и *рюмит* имеют значение «кричать, издавать звуки» [Ожегов, с. 266]. Обе части симметрично расчленены, они сообщают о чем-то однородном, хотя и различающемся. Это закон, по которому строятся народные приметы, имеющие форму сложносочиненных отношений, сравните: *На Андрея озими в наливах дошли, а батюшка овес до половины дорос; Овес в кафтане, а на грече и рубахи нет.*

«В предложениях, выражающих сопоставительные отношения, две реально существующие ситуации соотносятся друг с другом по признаку

различия или сходства, соответствия или несоответствия одна другой» [Русская грамматика, с. 609]. Сопоставительные отношения располагают к сравнительной оценке взаимосвязанных ситуаций, при этом при сопоставлении дается характеристика ситуаций с точки зрения того, что их различает в качественном и количественном отношении [Там же, с. 609], поэтому сопоставление часто зарождается на основе контраста, в структуре предложения, передающегося на основе антонимии. Антонимы могут «обладать сходными, однотипными значениями и предельно противопоставляются друг другу по одному существенному дифференциальному признаку» [Энциклопедия русский язык, с. 31], например, лето-зима – «самое теплое/холодное время года»: *Лето собираю (собираю), а зима подбираю (прибираю, прибираю, поедою)*; *Летом ногой приволочешь, а зимой губами подберешь*; *Зимой вьюги, а летом ненастье*. В древности замечали, что *Зима по лету, а лето по зиме*, при этом указывали на определенный временной период, когда такое соотношение могло осуществиться: *Семь лет зима по лету, а семь лет лето по зиме*. Весна-осень «следующее за зимой/летом, предшествующее зиме/лету»: *Весна цветами красна, а осень снопами*; *Корми меня в весну, а в осень и сам сыт буду*. Однако большинство народных примет построено по совершенно другому принципу: сопоставление может осуществляться по наиболее важным для земледельца параметрам, поэтому закономерны конструкции, построенные на сопоставлении времени года предшествующего/ последующего: *Весна красная, а лето страдное*; *Зима снегом богата, а весна водой*, или на сопоставлении других временных отрезков: *Февраль силен метелью, а март – капелью*; *Апрель с водою, а май с травой*, или дней месяцеслова: *На Сергия начинается, а с Матрены зимней (9 ноября) устанавливается зима (северн.)*; *Покров не лето, а сретенье не зима (сибирс.)*.

Попарное использование обстоятельств поддерживает синтаксический параллелизм. Условно-сопоставительная семантика позволяет выявить парадигму, включающую как союзные, так и бессоюзные варианты: *Лето*

собирает, а зима поедает – Если лето собирает, то зима поедает – Лето собирает – зима поедает.

Предложение может включать общий обстоятельственный детерминант, усиливающий синтаксический параллелизм конструкции: *Весною сутки мочит, а час сушит; На Илью до обеда лето, а после обеда осень; Весною сверху печет, а снизу морозит; В марте с юга весна, а с севера зима.*

Часть народных примет построена на ассоциативной связи, установленной на системе ожиданий, когда постулируется утрата явной, имеющей объективные основания для существования связи между событиями, при этом актуализируется связь пусть необъяснимая, но реальная: *Кошка в печурку, а стужа на двор; Синица в небе, а зима на двор; Снег на полях, а зерно в закромах; Вода на лугу, а сено в стогу; С крыши сосульки, а с елок чешуйки.*

Особую группу образуют максимально лаконичные, сжатые конструкции, которые можно назвать эталонными народными приметами, так как в них отражается языковое творчество русского народа, который «вообще не любит определенного календарного исчисления времени и охотнее означает время своими сельскими работами, приурочивая начало или конец таких работ к известному празднику» [Ермолов, с. 20]. В сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа» зафиксировано 47 народных примет, построенных по данному принципу, при этом приметы часто образуют синтаксические синонимы (существуют в двух, а иногда и трех вариантах – бессоюзном, сложносочиненном и – подчиненном вариантах), например: *Егорий с теплом, а Никола с кормом // Егорий с теплом, Никола с кормом/ Если Егорий с теплом, то Никола с кормом; Весенний Егорий с кормом, осенний Никола с мостом // Коли весенний Егорий с кормом, то осенний Никола будет с мостом (т.е. зима настанет, путь).* Кроме того: *Егорий с водой (росой), а Никола с травой; Егорий с летом, а Никола с кормом; Егорий с ношей, а Никола с возом; С Егорья хороводы, (а) с Дмитрия*

посиделки; Егорий с кузовом, (а) Никола с возом; Льны Олене, (а) огурцы Константину; У Евдокеи вода, (а) у Егорья трава; Петр с колоском (29 июня), (а) Илья с колобком; Егорий с мостом, а Никола с гвоздем; Егорий с травой, (а) Никола с кормом; Егорий с мостом, а Никола с гвоздем; Егорий весну начинает, а Илья лето кончает.

Сопоставление строится «на акцентировании различий между ситуациями в том или ином отношении сходными» [Русская грамматика, с. 612], поэтому закономерным представляется выявление параметров сопоставления, позволяющих выявить условно-следственные отношения. Сопоставление, ориентированное на темпоральный признак, фиксируется в приметах, имеющих указание на временной и количественно-временной параметр. Как правило, примета содержит дату наиболее благоприятного времени совершения тех или иных действий для получения урожая: *Лен стели к бабьему лету, а подымай к казанской*, дату ожидания тех или иных природных явлений, учет которых был нужен для разумного ведения сельского хозяйства: *До Ильина дня и под кустом сушит, а после Ильина и на кусте сохнет; До Ильи и поп дождя не намолит, а после Ильи и баба фартуком нагонит; На Илью до обеда лето, (а) после обеда осень; До Ильина дня тучи по ветру идут, после Ильина дня против*, дату, моделирующую повседневное, бытовое поведение: *До Юрья бьют и дурня, а после Юрья и разумного; Богатый сыт и в Юрьев день, а бедный терпит до спаса; До Ильи мужик купается, а с Ильи с рекой прощается.*

В приметах, содержащих указание на количественное сопоставление двух ситуаций, полипредикативность поддерживается не только природной лексикой, но и способностью к образованию дополнительного сообщения в рамках основного сообщения: *Гусь высоко летит – воды будет много, низко – мало; В решете густо (много высевок), а в закроме пусто (весной); Густое жито выходит – веселит, а редкое – кормит; Много еловых шишек к урожаю ярового, сосновых – ячменя; На ольхе много сережек – к урожаю*

овса, а много шишек – к урожаю ячменя; Высеял с гарчик, а собрал со ставчик (с чашку);

Таким образом, народные приметы с синкретичным условно-сопоставительным значением образуют периферийный класс употреблений сочинительного союза *а*, отличающегося от инвариантного значения. Семантика ожидания говорящего образует парадигму, включающую союзные и бессоюзные варианты.

2.3. Осложненное предложение

Задача строгого научного определения осложненного предложения связана с преодолением ряда объективных трудностей. Описание осложненного предложения сводится, как правило, к перечислению компонентов, способных осложнять структуру предложения, так как традиционно развитие синтаксиса связывалось с изучением формальной стороны предложения. В качестве усложнителей формальной структуры предложения называются обычно однородные члены предложения, различные обособленные члены предложения, обращения, вводные слова и конструкции.

В современном синтаксисе понятие усложнения простого предложения расширяется за счет включения в состав усложняющих компонентов субстантивных и инфинитивных оборотов. Термин «усложнение» охватывает в таком случае два различных, хотя и пересекающихся вида усложнения: семантическое и синтаксическое.

Усложнение семантической структуры предложения основывается на понимании языкового знака как двусторонней единицы, имеющей план содержания и план выражения, и на асимметричности этих сторон, определяющей развитие языка. Предложение, являясь языковым знаком, обладает названными свойствами. Одной из форм проявления асимметрии между планом выражения и планом содержания является «...существование

таких предложений, которые с точки зрения своей структуры есть простые, монопредикативные структуры, а с точки зрения содержания представляют собой знак более чем одной ситуации, то есть являются семантически сложными, полипропозитивными».

Осложненное предложение в современной синтаксисе может быть описано как разновидность простого предложения в ряду: простое предложение – осложненное предложение – сложное предложение. Такой подход основан на противопоставлении монопредикативной единицы полипредикативной по структурному признаку. В. В. Бабайцева, располагая осложненные предложения на шкале переходности, отмечает, что «они занимают зону переходности между простыми и сложными предложениями» [Бабайцева, с. 143].

М. А. Черемисина, рассматривая осложненные предложения как полипредикативные, указывает на наличие в осложненном предложении компонента «со снятой, подавленной (в разной мере) предикативностью» [Черемисина, с. 8], что лишает конструкцию характеризующего признака простого предложения – монопредикативности. В этом случае предлагается другая последовательность объектов изучения: простое предложение – сложное предложение – осложненное предложение, когда осложненное предложение рассматривается через призму знаний о сложном предложении, его содержательной и формальной структуре.

Г. А. Золотова различает два класса предложений, принадлежащих в синтаксической иерархии к разным рангам и различающихся с точки зрения отображения явлений действительности, связи его с разными видами мыслительного процесса: 1) предложения, вербализованно отображающие явления, факты, свойства и связи денотатов, наблюдаемых в действительности; 2) предложения, содержащие вербализованный результат мыслительной операции над сигнификатом. Предложения второго, усложненного, ранга отличаются от элементарных тем, что позицию предизируемого занимают компоненты деривационного, пропозитивного

значения (девербатив, деадъектив, инфинитив). Эти и другие соображения убеждают в том, что вопрос об осложненном предложении может быть решен только при учете как формальной организации, так и семантического наполнения предложения.

В ряде работ были предложены те основания, по которым любое осложненное предложение можно противопоставить неосложненному. В частности, А. Ф. Прияткина указывает, что с грамматической точки зрения элементарное и осложненное предложения различаются: 1) составом второстепенных членов (синтаксических позиций); 2) характером синтаксических отношений; 3) типами синтаксических связей; 4) формальными средствами строения предложения [Прияткина, с.11-15].

1. По составу синтаксических позиций простое предложение имеет элементарную структуру, если в этом предложении, кроме предикативного центра, есть только присловные распространители, входящие в его состав на основе словосочетательных связей, а все присловные распространители служат обычно единой предикации. Это значит, что элементарное предложение, независимо от степени его распространенности, может быть сведено до главных членов предложения.

Осложненное предложение в отличие от элементарного невозможно свести к главным членам, так как в нем имеются самостоятельные синтаксические позиции, которые занимают слова или группы слов, включающиеся в предложение непосредственно, а не через словосочетания, то есть синтаксических позиций в осложненном предложении всегда больше, чем в элементарном.

2. Кроме предикативных отношений, существующих между компонентами предикативного центра, в элементарном предложении существуют отношения определяемого и определяющего, то есть разного рода субординативные отношения. В осложненном предложении существуют не свойственные элементарному предложению различные типы координативных отношений: пояснительные, присоединительные и

специфические для осложненного предложения полупредикативные отношения.

3. Третье различие касается синтаксических связей. В элементарном предложении присутствуют связи только подчинительного типа: согласование, управление, примыкание, которые осуществляются последовательно от слова к слову. В осложненном предложении, по мнению А. Ф. Прияткиной, широко представлены связи, имеющие двойственную природу, не в полной мере соответствующие сочинению или подчинению; двунаправленные связи, характеризующиеся зависимостью одновременно от двух различных членов; двурусные связи (связи на разных синтаксических уровнях).

4. Что касается формальных показателей, организующих элементарное и осложненное предложения, А. Ф. Прияткина делит их на два типа: 1) морфолого-синтаксические (формы слов, простые предлоги); 2) собственно-синтаксические, которые также делятся на две группы: а) союзы, производные предлоги и другие слова со служебной функцией, включая местоимения и вводно-модальные слова; б) порядок слов и интонация, ритмомелодические средства вообще.

Если для организации элементарного предложения используются морфолого-синтаксические средства, то для образования осложненных предложений требуются и собственно-синтаксические [Прияткина, с.68-74].

Осложнение предложения на семантическом уровне связывают с полипропозитивностью. Средствами выражения пропозиции служит лексика, ее особые типы, с которыми связано понятие семантического предиката, это прежде всего имена отвлеченной семантики со значением процесса, свойства, состояния. Н. Д. Арутюнова считает, что наличие в простом предложении пропозитивного имени делает предложение семантически сложным. Г. А. Золотова утверждает, что усложнение здесь не только семантическое, но и структурное: у единиц плана содержания должен

быть план выражения. Рассматривая полипропозитивные конструкции, Г. А. Золотова отмечает прежде всего их морфологическую выраженность.

2.4. Выражение вторичной предикации в простом предложении

В современной лингвистике одним из основных носителей свернутой пропозиции, вторичной предикации, в простом предложении признается существительное пропозитивной (событийной, признаковой) семантики [Арутюнова 1976, Золотова 1982]. Противопоставление предметных и пропозициональных имен определенным образом соотносится с противопоставлением предметных и абстрактных имен существительных. Как отмечает Н. Д. Арутюнова [Арутюнова, с. 75], пропозитивные значения базируются не на всей зоне абстрактных имен. Способность имплицировать пропозицию особенно ярко проявляется у имен, значения которых связаны с понятием времени – темпоральные существительные, имена, обозначающие звуковые и световые эффекты, событийная лексика. Специфическую группу событийной лексики представляют «имена уникальных предметов физического мира, явлений природы – солнце, луна, небо, ветер, дождь и т.п.» [Уфимцева, с. 64]. Способность данных слов выступать в двух основных значениях: событийном и предметном обуславливает их двойственный семантико-синтаксический статус.

Словоформы типа *перед дождем, без росы, к морозу* должны быть квалифицированы в качестве имплицитного способа репрезентации пропозиционального значения обусловленности. Констатация непредметного характера значения, однако, недостаточна для определения их специфики. Непредметность следует сузить до более узкой констатации: обозначение семантической ситуации [ТФГ, с. 140]. Сами по себе ситуативные выражения типа *перед дождем* нельзя классифицировать как указание на какую-то обусловленность. Она возникает только при соотнесении их с другими ситуативными же выражениями: *Перед дождем*

лес притихает. Отношения, возникающие между ситуативными выражениями, являются несимметричными, однонаправленными: *Лес притихает – (если, когда, так как) будет дождь (перед дождем)*.

В рамках двучастных ситуативных структур конструкции типа: *лес притихает* и *перед дождем* получают специфический статус в плане передачи информации об обусловленности. Следовательно, рассматриваемым биситуативным структурам присущ особый, интегративный смысл, характеризующий их как единое целое и не выводимый из простой суммы смыслов составляющих их частей.

Пропозициональные существительные, занимая непредикативную позицию в полипропозитивном предложении, способны опосредованно выражать предикативные категории времени, модальности, обозначая событие или состояние: *Перед дождем лес притихает – Если (когда, так как) будет дождь, лес притихает*. Пропозитивное имя здесь обозначает действие, представленное как потенциально возможное, отнесенное к плану будущего, так как «Уже по природе своей будущее время занимает ту область изъявительного наклонения, где действительность граничит с возможностью» [Курилович, 143].

В лингвистической литературе широко распространено мнение, что семантическое расстояние между двумя подобными изоморфными предложениями заключено в отсутствии значения времени, наклонения, залога и лица в простом предложении. Однако в последнее время все чаще говорят не об отсутствии данных категориальных значений у пропозитивных имен, а о «неявных», скрытых способах репрезентации функционально-семантических категорий в рамках вторичной предикации, не имеющих формального выражения, морфологической оформленности [А. В. Бондарко, Г. А. Золотова].

2.3. Классификация способов выражения темпорально-кондициональных отношений в простом предложении

Наблюдения над конкретным материалом привели нас к убеждению о возможности описания народных паремий с позиции средств ее номинации (обозначения типов, моделей), с точки зрения ее структурно-смысловых характеристик, условий и правил функционирования. Такой комплексный подход позволит получить целостное представление о той или иной паремии как единице, в которой диалектически связаны собственно языковое и внеязыковое содержание.

Комплексный анализ предложений выявляет способы репрезентации смысловых единиц и особенности структурно-семантического состава близких по значению синтаксических моделей.

Простое предложение с глаголом предсказания в позиции предиката содержит номинализованное выражение ситуации условия + предикат предсказания + номинализованную ситуацию-следствие, т.е. является трехкомпонентной. Образованная такими предложениями часть функционально-семантического темпорально-кондиционального поля характеризуется такой организацией своей структуры, которая дает возможность выделить в составе глагольного способа выражения темпорально-кондициональной семантики собственно центр и периферию. Центральными для глагольного способа следует признать простые предложения, организуемые теми предикатами, которые регулярно и специализированно выполняют эту функцию.

1. Базовой, первичной, изосемичной, по Г. А. Золотовой, моделью является модель, которая эксплицитно выражает семантику предсказания с помощью глаголов типа: *предсказать, предвещать, пророчить, обещать, сулить, сигнализировать, чувствовать*.

Тестом для выявления инвариантной модели народных примет является наличие семы «предсказать»: *Грозы предвещают плодородие; Погода 17 янв. предсказывает погоду апреля; Сеностав (род мыши, земляной зайчик) пророчит лютую зиму; Южный ветер на Луку сулит урожай яровых; Морозы обещают бурную весну; Начало цветения рябины*

сигнализирует о массовом появлении тли; Из деревьев раньше других чувствуют весну серые ольхи.

Общее значение данной модели «*A предсказывает B*». Последовательность расположения отражает движение от общего значения: *предсказать* – «заранее сказать, что произойдет в будущем» к более конкретным *предвещать* – «указать на близкое наступление, совершение чего-н.»; *сулить, обещать* – «внушать надежду на что-н.»; *сигнализировать* – «предупредить, предостеречь от чего-н.».

Факультативными компонентами инвариантной модели могут быть различные определители при любом из основных компонентов. Ситуация-условие может иметь указание на временную или пространственную отнесенность: *Гром зимой предвещает сильные ветры; Гром в сентябре предвещает теплую погоду; Кометы предвещают тяжелый; Зимой молния предвещает бурю; Тихий и облачный день на Сретенье предвещает худую и гнилую весну; Поздний отлет птиц на зимовку предвещает позднюю осень; Гром в июне предсказывает хороший урожай; Первый снег не обещает скорой зимы; Первый сухой снег обещает хорошее лето; Вьюга в Васильев день обещает большой урожай орехов; Обильный урожай рябины сулит дождливый и ветреный предстоящий год; Иней не сулит добра.*

Периферию рассматриваемых конструкций составляют модели с несобственным способом выражения семантики предсказания. К таким неизосемичным моделям относим конструкции нескольких типов:

а). Простые предложения с глагольным предикатом, имеющим в своем лексическом значении «предсказательную» сему. Такому условию удовлетворяют глаголы: *приводить/привести, вести, приносить/принести, нести; послать/посылать*. Глаголы, выражающие логические предсказательно-условно-следственные отношения между двумя ситуациями, служат средством полипредикативного усложнения простого предложения. Г. А. Золотова называет такие глаголы компликаторами [Золотова, с. 167], усложнителями элементарных моделей. Следствие в таких

моделях характеризуется как необходимое, неизбежно вытекающее из условия, если глагол-сказуемое имеет форму совершенного вида: *Красная утренняя заря дождь принесет; Гнилой (юго-западный) ветер надует дождя; Северяк нагонит холоду; Ночной ветер днем дождь послал; Журавль прилетел и теплынь принес; Трясогузку-ледоломку журавль на хвосте принес;*

как постоянное, повторяющееся при несовершенном виде глагола: *Один мороз не приносит зимы; Встречные ветры несут дождь; Южный ветер тепло приносит; Лебедь несет на носу снег.*

Предикативный центр формируется лексикой, обозначающей изменение формы, объема, расположения частей природных объектов, происходящее при определенном условии: *закрываться, сжиматься, поникать, расправляться, подниматься.* Названные глаголы являются средством выявления логико-смысловых отношений условия и следствия, а сами эти отношения возможны в силу определенных закономерностей лексико-семантического взаимодействия между главным и зависимым компонентами: *Цветы лугового сердечника перед дождем поникают; Чешуйки еловых шишек перед дождем сжимаются; Шишки репейника перед дождем расправляют крючки; Цветы полевого вьюнка перед дождем сжимаются; Ель перед дождем поднимает ветви; У моркови ботва перед дождем поникает; Садовые ноготки к дождю закрывают цветки;*

в). Предложения с предикатом, имеющим общее значение процесса, развития, изменения: *быть, изменяться, происходить, появляться, наступать, оборачиваться и т.п.:* *Сильный ветер бывает перед проливным дождем; При неурожае на шишки ели и сосны зима суровой не бывает; Весенний дождь лишним не бывает; После очень сильной изморози наступает оттепель; Ночные туманы оборачиваются к утру изморозью; Перед дождем у сорванного хвоща на стебле появляются капельки сока; Клен и конский каштан плачут перед дождем; Перед дождем с листьев ивы*

обильно капает влага; Птицы перед теплом садятся на верхушки деревьев; Северный ветер к ночи стихает.

Лексическим сигналом повторяемости являются наречия *часто, редко, мало*: *Сильный мороз бывает чаще всего ночью; Дневной ветер к ночи часто утихает; Холодные январь подряд бывают очень редко; При поздней весне опасных заморозков мало бывает; Дневной ветер к ночи часто утихает.*

На лексически связанной основе формируются и предложения с глаголом со значением «издавать звуки»: *кричать, шуметь, распевать*: *Перепела кричат перед дождем; Петухи распевают на дождь; Шумит дубравушка к непогодушке; Дрозд к ненастью кричит редко; «издавать запахи»: Перед дождем донник издает резкий запах; Цветы сильнее пахнут перед дождем.*

Неизбежность, обязательность, закономерность осуществления следствия может маркироваться обстоятельственными словами типа *никогда, всегда* при глаголах несовершенного вида: *Восточный ветер никогда дождя не принашивал; Цвет черемухи всегда холода приносит; В пятый день по новолунии почти всегда бывает сильный ветер; За снегопадом всегда бывает оттепель; За три дня до рождения луны или после рождения ее всегда бывает перемена погоды; Вихри возвращаются всегда по солнцу; Пороша всегда в безветрие ложится; Ворона всегда садится носом к ветру.*

Именно этот корпус предложений явился основным в нашем анализе. Мы исходили из того, что к анализу условно-темпорального и следственного формантов таких предложений может быть применена типология простого русского предложения, поскольку номинализации в составе простых условно-временных предложений являются свернутыми обозначениями предикативных структур. Нами была использована семантико-грамматическая типология Г. А. Золотовой [Золотова 1982]. Мы учитывали также прежде всего перспективное (т.е. соответствующее объективной последовательности) представление условно-следственных отношений – «от

условия к следствию», такое представление является центральным для простых предложений с предикатами предсказательной условности.

Как показывают наши наблюдения, в простых предложениях с предикатами условности в качестве условия или следствия могут выступать разные аспекты объективной действительности, которые выражаются номинализациями таких основных моделей как действие субъекта, состояние субъекта, свойство субъекта, наличие/отсутствие субъекта.

Ситуация-условие может репрезентироваться в исследуемых конструкциях:

1) обстоятельственными детерминантами, выраженными предложно-падежными формами существительных в русском языке и аффиксами и послелогоми в татарском языке. Круг таких предложно-падежных форм ограничивают рядом форм, включающим как непроизводные, так и производные предлоги. К таким формам относят первообразные предлоги *в, при, на, по*, употребляемые с предложным падежом, *с, над* – творительным падежом, *с, без, из, против* – родительным падежом, *на, под, через, в* – винительным падежом; предложные сочетания типа *в случае, при случае* и др., а также соответствующими им формами в татарском языке. Однако, как указывает Н. Е. Лосева, предлоги и предложные сочетания не могут быть перечислены закрытым списком, так как любая форма может приобретать значение условия [Лосева, с. 48]. Все условные формы она делит на две группы: 1) с самостоятельным значением условия; 2) с ситуативным значением условия.

Поскольку предложно-падежные формы, а также аффиксы и послелогии с самостоятельным значением условия практически не выделяются, так как условие всегда синкретично, то считаем целесообразным формы с условным значением в простом предложении поделить на две группы: 1) специализированные, 2) неспециализированные.

К специализированным относятся предложно-падежные формы в русском языке.

Функция предлога в русском языке в условиях детерминации особая, и названа она в лингвистике союзоподобием. Если в сложноподчиненном предложении на связь отношений, возникающих между явлениями действительности, указывает союз, то вполне логично будет признать, что в предложении с предложно-падежными обстоятельственными детерминантами аналогичную функцию выполняет предлог. А. А. Камынина указывает на способность предлогов в составе детерминантного оборота конкретизировать его пропозитивное содержание в двух модально-временных планах и выделяет предлоги, способствующие формированию реальной модальности, и предлоги, которые выражают ирреальную модальность. «Полипредикатность ни в коей мере не свидетельствует о полипредикативности, но вторая подразумевает первую» [Камынина, с.123]. А. Ф. Прияткина отмечает, что дополнительная предикативность, вносимая в состав высказывания детерминантной обстоятельственной предложно-падежной синтаксемой, – это не только результат влияния лексических элементов детерминантного оборота, но прежде всего результат влияния предлога, который оформляет дополнительную предикацию синтаксически, являясь ее грамматическим показателем [Прияткина, с. 114].

Конструкции с детерминирующими обстоятельствами со значением условия предполагают такую связь двух ситуаций, одна из которых предопределяет (прогнозирует) осуществление другой. Предопределяющей (прогнозирующей) является детерминантная часть высказывания, которая, в отличие от причинных детерминантов, называющих всегда реальный факт действительности, содержит элемент гипотетичности, предположительности, предопределенной (прогнозируемой) является недетерминантная часть высказывания, выражающая ситуацию-следствие.

1.1. Специализированными и регулярными выразителями значения условия являются предлоги *при + предл. п.* и *без + род. п.*, которые имеют обобщенное значение наличия/отсутствия условия, при котором осуществляется/не осуществляется действие недетерминантной части.

Предложно-падежные формы с данными предлогами составляют антонимическую пару. Предложно-падежная форма с предлогом *при* + *предл. п.* указывает на наличие какого-либо действия-события, при котором происходит действие недетерминантной части. В этом значении она синонимична форме с предлогом *с* + *род. п.*

Предложно-падежная форма с предлогом *без* + *род.п.* выражает отсутствие явления, которое могло бы обусловить действие или признак, названный в предикативной основе.

При + предл. пад. существительного

Сочетание предлога *при* + *пред. п.* существительного является конструкцией, наиболее частотной в научном стиле речи, однако и в языке народных примет подобные конструкции встречаются довольно часто, при этом они имеют условно-временное значение, которое выражается лексическим значением существительных. Временная квалификация недетерминантной части предопределена детерминантной частью высказывания. Как правило, такая конструкция имеет вневременное значение. Вневременная связь событий указывает на их неоднократно, регулярно повторяющийся характер. Обычным грамматическим средством выражения данного значения является воспроизведение этой связи в форме настоящего времени: *При приближении шторма рыба уходит на глубину; Посев ржи при северном ветре родит крепче и крупнее; При новой луне и при ее исходе погода меняется; При новолунии бывает дождь или снег; При северном ветре горох не сеют.*

Временное значение проявляется ярче при отсутствии глагола-сказуемого: *Самая первая капель с крыши при морозе.*

Подобные конструкции соотносительны со сложноподчиненными предложениями: *Если (когда) приближается шторм, рыба уходит на глубину; Если(когда) дует северный ветер, горох не сеют; Если(когда) нарождается новая луна и при ее исходе, погода меняется.*

Без+ род. пад. существительного

Сочетание *без+ род. п. сущ.* очень активно используется при построении как пословиц, так и народных примет. Отличительной чертой предложений, включающих подобный обстоятельственный детерминант, является то, что недетерминантная часть высказывания содержит предикат с отрицанием, называя действие, которое не может быть осуществлено при том условии, что заключено в детерминанте.

Значение условия в подобных предложениях осложнено не только значением времени, но и причины, так как общее значение повторяемости выражено в отрицательном предложении. Как правило, предложения с недифференцированным условно-причинным-временным значением – это предложения обобщенного характера, в которых подытоживаются те или иные результаты повседневного опыта людей, они легко вступают в синонимичные отношения со сложноподчиненными предложениями. Такие предложения традиционно рассматривают как пословицы: *Без росы и трава не растет – Если(когда) нет росы, то и трава не растет – Так как нет росы, то и трава не растет.*

Сказуемое имеет отрицательную форму и может быть глагольным, при этом предложение, как правило, содержит частицу *и*, которая членит предложение на две части: *Без росы и трава не растет; Без дождя и трава не растет; Без склона и речка не потечет; Без поливки и капуста сохнет; Без корня и полынь не растет; Без воды и зима не станет.*

Если детерминант находится в интерпозиции, частица не используется: *Духота без грозы не обходится; Огонь без дыма не живет; Сорняк без хлеба оставит.*

Особую группу составляют односоставные безличные предложения, в которых сказуемое выражено словом *нет + род п. сущ.* Подобные конструкции членятся на две части: детерминантную и недетерминантную, образованную сказуемым. Детерминант может находиться как в препозиции, так и постпозиции, его положение зависит от актуального членения: *Без тучи нет дождя; Без ухода нет обихода; Нет дыма без огня.*

Многие конструкции существуют в вариантах как лексических, так и грамматических: *Без дождя/росы и трава не растет; Без дыма огня не бывает / Огонь без дыма не живет / Нет дыма без огня; Духота без грозы не обойдется / не обходится.*

Все предложения с детерминантом *без* + род. п. сущ. легко образуют синонимические ряды с бессоюзными и сложноподчиненными предложениями: *Нет дыма без огня / Где огонь, там и дым; Без лесу и гриб не родится / Лесу нет – и гриб не родится / Если лесу нет, то и гриб не родится.*

1.2. Следующую группу специализированных и регулярных детерминантов составляют сочетания, выражающие условно-временное значение: *перед* + тв. п.; *после* + род. п.; *на* + вин. п.; *в* + пред. п.; *с* + род. п.; *от* + род. п.

а). Антонимическая пара *перед* + тв. п. сущ. / *после* + род. п. сущ. Основное значение, выражаемое данными предлогами, временное. Предлог *перед* указывает на предшествование, предлог *после* – следование одного действия или явления за другим. В народных приметах временное значение осложняется условно-причинным, так как между детерминантом и предикативной основой – условно-причинные отношения, основанные на постоянной, закономерной, повторяемой связи двух событий, значение предшествования или последования стирается. При этом следует учитывать, что в таких предложениях отношения обусловленности основаны на зависимости повторяющихся явлений, а повторяемость существу с соотношении с темпоральностью. Смысловой акцент в таких предложениях падает не на расположение действий относительно друг друга во времени, а на обусловленность одного события другим.

Перед + тв. п. существительного

Детерминант *перед* + тв. п. может находиться как в препозиции, так и интерпозиции и постпозиции.

Препозитивное расположение предложно-падежной формы наиболее типично для народных примет: *Перед грозой лес притихает; Перед морозом вода в колодцах поднимается; Перед ненастьем ливень начинает беспокоиться; Перед ненастьем пауки прячутся в щели; Перед бурей заметно холодает; Перед дождем пчелы сидят в улье; Перед дождем звезды отливают синим цветом; Перед ненастьем пауки прячутся в улье; Перед ненастьем с листьев ивы обильно каплет влага.*

В интерпозиции предложно-падежная форма употребляется так же активно, как и в препозиции: *Рыба перед дождем лучше ловится; Цветочки заячьей капусты перед дождем остаются на ночь открытыми; Цветы полевого вьюнка перед дождем плотно закрываются.*

Постпозитивное употребление обусловливается особым актуальным членением предложения. Именно порядок следования частей актуализирует высказывания (предложения), которая расположена в постпозиции: *Перепела кричат перед дождем; Клен и конский каштан плачут перед дождем; Оводы особенно злы перед дождем; Зяблик рюмлит перед самым дождем; Сильный вихрь бывает перед проливным дождем.*

После + род. п. существительного

Предложно-падежная форма *после + род. п.* располагается в препозиции: *После очень сильной изморози наступает оттепель; После рождения луны через 7 дней перемена погоды; После грозы хорошо клюет рыба; После урожая на конопляное семя родится рожь.*

Членение на две части может выражаться использованием частицы *и* или постановкой *тире*. Последние предложения близки к переходным сложно-простым предложениям: *После ненастья и ведро будет; После ненастья – солнышко; (Если/когда/так как было ненастье – нужно ждать солнышко); После грозы – ведро; (Если/когда/так как была гроза – нужно ждать ведро); После грозы – дождь, после ведро – ненастье.*

б). Предложно-падежные синонимичные формы *на + вин. п. сущ. /в + предл. п. сущ.* очень активно используются в народных приметах в условно-

временном значении. Они указывают на время, соблюдение которого является условием для осуществления действия недетерминантной части предложения.

В русском языке подобная детерминантная форма располагается в препозиции, указывая при этом или конкретный день, или день, связанный с определенным святым, или конкретный месяц года: *На Васильев вечер дня прибывает на куриный шаг (на час); На Сидора отойдут все сивера; На Митрия в Сибири реки замерзают; На Казанскую добрые люди вдаль не ездят; На св. Тихона солнце идет тише; На второй спас и нищий яблочко съест; На св. Мануила солнце застаивается; В марте курица из лужицы напьется; Дождь в мае хлеба подымает.*

Членение на две части – условие и следствие – может подчеркиваться частицей *и*, при этом следствие имеет ограничительный характер в пословицах: *В сентябре и лист на дереве не держится – В сентябре даже лист на дереве не держится / Если наступил сентябрь, то даже лист на дереве не держится; В осень и у вороны копна; В осень и у воробья пиво; В бесснежную зиму и яблоня зябнет.*

Указание на временной предел осуществления определенного условия, выраженного недетерминантной частью предложения, осуществляется с помощью предложно-падежных форм *с + род. п. сущ.; до + род. п. сущ.; за + род. п.*

Предложения с детерминантом *с + род.п.* содержат указание на определенный отрезок времени, который является условием реализации действия, обозначенного в основной части предложения: *С Тихона птицы затихают; С Евдокеи еще встояч собаку снегом заносит; С Василия Париского землю парит; С Петра Афонского (12 июня) солнце поворачивает на зиму; С Петрова дня зарница зорит хлеб.*

Особая роль в выражении временного предела принадлежит эллипсису глагола как такому синтаксическому средству, которое способно ограничить проявление действия: *С Евдокии плющихи первые оттепели; С Евдокей*

ветры и вихри; С Петрова дня пожня (покос, косьба). Ограничительно-выделительное значение подчеркивается частицей *и*: *С первого спаса и роса хороша.*

Конструкции *до + род. п.* указывают на временной предел, который ограничивает условие наступления того или иного действия: *До первого грома (грозы) лягушки не квакают; До первого грома земля не размрзается полностью; До первого грома змея не жалит; До Дмитриевой субботы зима не становится; Соловей поет до Петрова дня; Кукушка кукует до Петрова дня.*

1.3. Как специализированную и регулярную форму выражения синкретичных условно-причинных отношений мы рассматриваем синонимичную пару *к + дат. п./ на + вин. п.*

Предложно-падежная форма *на + вин. п. сущ.* активно используется в народных приметах, при этом она имеет значение предсказания. Предсказательная форма, как правило, располагается в препозиции: *На бурю сосна звенит; Петухи распевают на дождь.*

Предложно-падежная форма *к + дат. п. сущ.* располагается как в препозиции, так и в интерпозиции, и в постпозиции. При постпозитивном расположении условного звена относительно следственного создается своеобразная «обратная перспектива», которая меняет естественный порядок следования событий, когда условие предшествует следствию, на обратный порядок следования. Конструкции, как правило, безглагольные: *К холодам небо в высыпках звезд; К теплу небо тусклое, слепое; К ненастью соль волгнет (сыреет).*

Постпозитивное расположение следственного звена осложняет предложение не только семантически, но и структурно, поэтому оно характерно для переходных и сложных конструкций: *Птица хохлится к непогоде // Если птица хохлится – к непогоде // Птица хохлится – к непогоде; Иней на Николу (или: о святках, на крещенье) к урожаю; Опока (Куржевина) на деревьях к урожаю; Шумит дубравушка к погодушке; Ясные*

дни в рождественский пост к хорошему урожаю; при интерпозитивном расположении конструкция «к + дат. п.» берет на себя выражение условных отношений: *Дрозд к ненастью кричит редко // Дрозд, если будет ненастье, кричит редко; Птица к непогоде хмурится // Птица, если будет непогода, хмурится.*

2). Условно-причинно-пространственное значение имеют детерминанты, выраженные неспециализированными предложно-падежными сочетаниями *над + тв. п.; в + пред. п.; по + дат. п.; под + тв. п.* и т.д. Народных примет, построенных на основе сочетания условно-причинно-пространственного детерминанта и основной части, содержащей действие или состояние, осуществление которых зависит от условия, реализуемого в определенном пространстве, в русском языке мало: *Над лесом дождь дважды идет; Раки выходят на берег перед ненастьем и дождем.*

2). Темпорально-условно-причинное значение может быть выражено подлежащим в форме словосочетания «прил.+сущ.». Атрибут к имени – один из наиболее простых путей образования полипропозитивной структуры. Актантам в структуре пропозиции соответствуют подлежащее и дополнение в структуре предложения. Прилагательное указывает на условие или причину, при которой осуществляется то или иное действие, и выражает временной признак, связанный с определенным временем года, месяцем, частью суток, моментом наступления (ранний – поздний):

В зависимости от семантики атрибута, входящего в состав подлежащего или дополнения, выраженных информативно нечленимыми словосочетаниями, выделяем несколько групп:

1) с атрибутом, содержащим оценочную сему: *Скрипучая береза дольше стоит.* На глубинном уровне вычленяются две предикации характеристики «Береза скрипучая», «Береза дольше стоит». Между предикациями устанавливаются кондиционально-темпоральные отношения. На поверхностном уровне это предикации характеристики, в которых

словосочетание «прил.+сущ.» содержит пропозицию, атрибут имеет выделительное значение «не всякая береза, а только скрипучая».

Сказуемое может быть как глагольным: *Скрипучая береза дольше стоит; Пустой колос выше стоит; Добрая земля больше подымет (т. е. больше сеять можно); Краденые семена лучше родятся; Домашние семена вырождаются; Шальной ветер и без дождя мочит;* так и именным: *Хилая зима живуча; Дождливое лето хуже осени; От привозных (чужих) семян лучший урод;*

2) с атрибутом, содержащим темпоральную сему. Пропозиция-условие выражается информативно нечленимым подлежащим или дополнением, построенным по схеме «прил.+сущ.» и содержит:

- указание на определенное время года: *Весенний дождь лишним не бывает; Зимнее солнце плохо греет; Осенний бусенец обмозгливее дождя; Осенний тенетник на ясную погоду;*

- указание на определенный месяц: *Апрельские ручьи землю будят; Апрельский цветок ломает ледок; Апрельское тепло ненадежливо; Мартовский мороз с дуплом (не настоящий); Майская роса коням лучше овса;*

- указание на часть суток: *Дневной ветер к ночи часто утихает; Ночной ветер днем дождь послал;*

- указание на определенную темпоральную характеристику: *Поздняя весна не обманет; Ранняя весна ничего не стоит; Ранняя птица всегда сыта;*

Временное определение может быть конкретизировано указанием на дополнительное, страховочное условие: *Красная утренняя заря дождь принесет.*

3) атрибут, содержащий пространственную сему. Такие предложения лексически ограничены: они маркируют лишь направление ветра: *Южный ветер тепло приносит; Восточный ветер никогда/николи дождя не*

принашивал; Северный ветер к ночи стихает; Северный ветер дождь разгонит; Северный ветер очищает ненастье.

Понятие «северный ветер» может передаваться словом северяк, «западный ветер» – плаксун, «дневной ветер» – обедник: *Северяк нагонит холоду; Плаксун (западный ветер) плачет, дождь приносит; Обедник (дневной ветер) днем колышет, а к вечеру отишет.*

Направление может передаваться через актуализацию признаков того или иного ветра: *Гнилой (юго-западный) ветер надует дождя;*

4) с атрибутом, содержащим количественно-качественную сему. Большая группа примет в анализируемых языках построена на наблюдении за *первым снегом*. Определение *первый* приобретает в таких сочетаниях не факультативный, а обязательный характер, формируя устойчивые словосочетания: *Первый снег за сорок дней до зимы выпадает; Первый снег не лежок; Первый прочный снег падает в ночи.*

Признаки, выраженные прилагательными, могут составлять оппозиции по степени проявления, интенсивности, объемности (яркий – тусклый, бледный; теплый – холодный; сухой – дождливый; гулкий – тихий и т.д.): *Яркие крещенские звезды породят белых ярок; Ясное небо грома не боится – Бледная луна дает дождя; Теплые дни января недобром отзовутся – Холодные январы подряд повторяются очень редко; Сухая погода молотьебе подспорье – Дождливое лето хуже осени; Сильный мороз бывает чаще всего ночью.*

Определение может иметь краткую форму, характерную для фольклорных жанров: *Млад месяц не всю ночь светит; Млад месяц долго дома не сидит; Яркие звезды породят белые ярки.*

Предикатная семантика атрибута имеет потенциальную синтаксическую значимость, которая обнаруживается при отделении атрибута от определяемого слова, о чем свидетельствует прежде всего изменение местоположения атрибута: *Колос пустой выше стоит.*

2.5. Односоставные предложения в системе народных примет

Прагматические приметы имеют структуру односоставных предложений. Понятие двусоставности и односоставности впервые было обосновано в коммуникативно-психологическом аспекте А. А. Шахматовым, отмечавшим, что русские предложения «распадаются по форме на следующие две разновидности: предложения односоставные, не представляющие словесного обнаружения тех двух членов, на которые распадается каждая психологическая коммуникация, и на предложения двусоставные, один состав которых является господствующим и соответствует психологическому предикату» [Шахматов, 49]. В ходе развития лингвистической наука эти понятия неоднократно претерпевали множество различных толкований, но оставались в центре синтаксической типологии русского языка и в центре внимания языковедов.

В современной лингвистике сложилось два взгляда на проблему односоставности / двусоставности. Традиционное понимание проблемы заключается в признании существования в русском языке двусоставных и односоставных предложений на том основании, что эти две равноправные с грамматической точки зрения языковые формы отражают разное представление внеязыковой действительности человеком как творцом и носителем языка [Бабайцева 1968, Белошাপкова 1977, Виноградов 1966, Ильенко 1976, Лекант 1986, Моница 1997 и др.]. По мнению этих исследователей, двусоставное предложение на высшем уровне синтаксической абстракции категоризует существование отношений «определяемое – определяющее» «предмет и приписываемый ему предикативный признак»; односоставное предложение категоризует предмет или признак как существующий независимо, не соотнесенный предикативно с другим предметом или признаком. Систематическое использование существенно различающихся моделей языка для выражения разных

синтаксических метасмыслов не может быть случайным, такое функционирование языковых моделей свидетельствует о том, что определенные положения дел в объективной действительности осмысливаются человеком по-разному.

Вторая точка зрения, сформулированная Г. А. Золотовой [Золотова 1979] и неуклонно развиваемая с тех пор ею и ее последователями (см. напр.: Золотова, Онипенко, Сидорова 1998), заключается в том, что все предложения в языке являются двусоставными. Исходя из двучленности акта мышления, Г. А. Золотова утверждает, что смысл «односоставных предложений – в отнесении предикативного признака к окружающей среде, воспринимаемой говорящим “здесь” и “сейчас”» [Золотова, с. 17].

Такие приметы строятся по нескольким моделям:

1. Обобщенно-личные предложения с главным членом, выраженным глаголом 2-го лица единственного числа повелительного наклонения. Повелительная форма глагола как нельзя более точно делает приметы своеобразным алгоритмом правильного поведения сельского труженика. Семантика предсказания может выражаться эксплицитно глаголом *ждать* – «предполагать, что что-н. произойдет, случится»: *После гололедицы ожидай дождя; После большого ведра жди большого ненастья.*

Наиболее распространенной моделью обобщенно-личного предложения с главным членом, выраженным глаголом 2-го лица повелительного наклонения, является предложение, в котором рекомендуется обобщенному деятелю:

- производить определенное действие: *Руби дерево в ветха (в ущербе луны); Строевой лес руби в полнолуние (новолуние); вырубленный на ущербе сгнивает; На Леонтия и Фалалея сади огурцы; На Алексея теплого доставай улья; На Олену сей лен; На Алексея выверни оглобли из саней; В первые дни новолуния сей горох (Даль с.366); Со второго спаса засевай озими; Лен сей при теплом ветре после полудня. Посеешь при северном –вырастет*

жестким; Яровое сей до Егорья; Озимь сей за три дня до Успенья и три дня после успенья; Сей морковь и свеклу на Козьму;

- или не производить действие, направленное на прямой объект, выраженный существительным: *На Глеба и Бориса за хлеб не берися (за жнитво; южн.); Не сей пшеницы прежде дубового листа.*

Значение предикативного действия ограничивается указанием на определенный момент времени:

В количественном отношении «запретительных» паремий гораздо меньше, чем тех, в которых рекомендуется, приказывается что-то делать при условии наступления определенного момента времени. Временной отрезок имеет разную протяженность: от одного дня до нескольких благоприятных для сельскохозяйственной деятельности дней: *Без дождя не сей // Если нет дождя, не сей // Нет дождя - не сей; Первой касатке не верь.*

2. Обобщенно-личные предложения с главным членом, выраженным глаголом 3-его лица множественного числа изъявительного наклонения: *На Лазареву субботу сеют горох; На Симеона Столпника солят огурцы; На Егорья запахивают пашню; На Марию вынимают цветочные луковицы; На Маккавеи собирают мак; На благовещенье выносят пчел; На Леонтия огуречника сажают огурцы; На рождество крестителя собирают лекарственные травы; На Тихвинскую ягоды поливают.*

Единичны примеры паремий, в которых рекомендуется не производить определенные действия в определенный момент времени: *На Ильин день в поле не работают; На Ильин день скота не выгоняют в поле (боясь грозы или гадов, коим в этот день дана воля).*

3. Обобщенно-личные предложения с главным членом, выраженным инфинитивом: *На Успенье огурцы солить, на Сергие капусту рубить; На Фрола и Лавра на лошадях не работать; Гречу сеять пропустя сорок морозов после сорока мучеников; На Акулину не работать (чтобы гречи хороши были); Гречиху сеять в самое полнолуние; Яровую рожь и пшеницу сеять в полнолуние.*

2.6. Сложные предложения с бессоюзной связью в системе народных примет

В третьей главе рассмотрены бессоюзные предложения и переходные между простыми и сложными предложениями конструкции. Для них характерна такая семантическая структура, при которой между содержанием предикативных частей нет непосредственных смысловых связей, эти связи опосредованы некоторым невербализованным смыслом. Наличие внутреннего, имплицитного смысла является необходимым условием организации и функционирования народных примет с неполной формализацией категориально-семантического значения. Для понимания природы имплицитного смысла необходимо обратиться к понятию апперцепционной базы, то есть фонду общих знаний партнеров коммуникации, одной из существенных областей которой являются наши представления о связях и отношениях между явлениями действительности.

Такая хорошо закрепленная в апперцепционной базе связь событий позволяет строить БСП с опосредованными отношениями: «...в апперцепционной цепочке вербализуются в форме предикативных конструкций только некоторые звенья, активизируя тем самым всю цепочку событий или какую-то ее часть» [Ширяев, с. 99].

Являясь особым жанром народного творчества, формировавшимся в течение веков, народная примета выработала собственные композиционные приемы, которые позволяют четко отграничить построение данного типа от других БСП письменной и разговорной речи.

Бессоюзный способ соединения предложений, репрезентирующих условно-следственные отношения, опирается на устойчивые соотношения сказуемых в первой, обуславливающей, и второй, обусловленной, части. При этом важно учитывать расположение смысловых частей и фразовое ударение.

Одним из основных элементов грамматической формы предложения является категория времени, которая находит свое проявление в системе соответствующих форм. Спрягаемые формы глагола выступают в качестве морфологической опоры временных форм предложений. Совокупность соотносительных форм времени образует временную парадигму конкретного предложения. Наличие или отсутствие временной парадигмы у того или иного типа предложения в русском языке устанавливается путем рассмотрения синтаксической позиции глагола, выполняющего роль главного члена.

Видовременная система русского глагола предоставляет возможность говорящему в зависимости от характера его высказывания избрать способ отражения явления действительности – как явления единичного, конкретного, как явления обычного, повторяющегося, типичного, или как явления обобщенного, возведенного в степень абстракции.

Характерной чертой синтаксиса народных примет является то, что глагол, функционирующий в них, «не образует парадигматического ряда форм времени» [Тарланов, с. 43]. А. М. Пешковский отмечал, что в народных речениях присутствует «особого рода расширенное прошедшее, расширенное настоящее, расширенное будущее» [Пешковский, с. 204].

Узуальная обусловленность, складывающаяся на основе привычной повторяемости следующих друг за другом явлений, может быть выражена соотношением разных форм времени. Соотношение временных планов носит условный характер, оно призвано передавать условно-следственные отношения предшествующего события к последующему, которые в силу узуальности имеют вневременной план.

В народных приметах наиболее употребительны следующие соотношения сказуемых:

1) в обусловливающей и обусловленной части – будущее время. В обусловливающей части употребляется будущее время совершенного вида, что объясняется спецификой его значения. Для будущего совершенного вида

характерна результативность привычного действия. «Форма будущего времени совершенного вида может применяться для обозначения обычного, постоянного результата вне всяких временных ограничений. Идея постоянного результата соприкасается со значением непрерывной повторяемости. При наличии такого оттенка форма будущего времени совершенного вида может обозначать, что время совершения процесса безотносительно к моменту речи» [Виноградов, 468]: *Выпадет снег – станет теплее; В январе подует – хлеба прибудет; Подует ветер от Киева (с юга, южный ветер), посулит грозное (грозовое) лето; Придет Федот (18-е мая) – последний листок развернет; На Казанскую дождь нальет – зиму приведет; После казанской дождь пойдет – все лунки нальет; Придет Илья – принесет гнилья (дождей); Утренняя заря скоро погорит – будет дождь; Утренняя заря скоро потухнет – будет ветер; Понесся ветер на Ефрема – лето будет сырое и холодное;*

2) в обуславливающей и обусловленной части – прошедшее время. Форма прошедшего времени встречается сравнительно редко. Характерно, что используются в форме прошедшего времени глаголы, реализующие перфектное значение, то есть «значение такого прошедшего, результат которого остается налицо» [Виноградов, с. 562]. В народных приметах прошедшее время нередко указывает на порядок совершения действия: *Пришел Федул, тепляк подул; Пришел Федул, ветер надул; Пришел Пахом – запахло теплом; Прошли петровки, опало по листу, прошел Илья, опало и по два; Закуковала кукушка – пошли грибы;*

Не менее распространены случаи соотношения:

- прошедшее время – будущее время: *Подул северный ветер – будет мороз; Из гнилого кута (с запада) наволокло тучи – будет дождь; На Макриду с утра дождь пошел – вся осень такая будет; Лебеди до срока улетели – вскоре заявятся метели; Ласточки прилетели – скоро гром загремит; Пошел дождь зарею – рано перестанет; Воздух над лесом посинел – будет тепло; Галки стаяй собрались – тепла накричат;*

- прошедшее время – настоящее время: *Ивняки зашумели – ливень идет; После захода солнца появилась багрово-красная заря на западной стороне небосвода – предвещает сильный ветер с дождем; Радуга появилась во время дождя – предвещает скорое прекращение дождя; Радуга «разделилась на многие части» – предвещает бурю; Во время полнолуния вокруг луны появился близко расположенный круг – предвещает дождливую погоду в конце месяца; Перед восходом солнца появилось темноватое густое облако – предвещает ненастье или дождь; При ясной погоде цветки ипомеи склонили свои лепестки – предвещают дождь.*

Прошедшее время несовершенного вида повторяющегося и обычного действия, основанное на нелокализации во времени и на отнесенности действия к прошлому, используется редко: *Кукушка долго куковала – лен хозяйка сеет.*

3). Наиболее характерным для народных примет является соотношение: в обуславливающей части – настоящее время, в обусловленной части а) настоящее неактуальное.

Формы настоящего времени употребляются для «обозначения деятельности, совершающейся всегда, во все времена» В таких высказываниях значение настоящего времени как бы расширено «до крайних пределов,... до пределов жизни и опыта всего человечества» [Пешковский, с. 204-205].

Действия обеих частей являются нелокализованными во времени, не прикрепленными к какой-то точке или определенному отрезку настоящего:

- предложения могут быть двусубъектными: *Радуга долго стоит – погода идет к ненастью; Дуб разворачивается – холод стоит;*

- односубъектными: *Западный ветер плаксун, плачет – дождь приносит; Раскатистый гром раздается наподобие стука мчащейся колесницы по булыжной мостовой – предвещает сильную грозу; С западной стороны летом движутся густые тучи – предвещают дождь; По небу плывут синие тучи – предвещают грозу;*

В приметах может содержаться указание на определенный момент действия, однако временная отнесенность носит обобщенный характер: всегда в это время данное событие вызывает данное следствие: *Утром туман падает на землю – предвещает сухую погоду; В летнем небе вечером или утром образуются облака в виде зубцов или башенок – предвещают дождь; При заходе солнца небо принимает ярко-оранжевый цвет – предвещает ветреную погоду; Весной не скоро спадает вода – лето ожидается жаркое;*

б). В обуславливающей части – настоящее время, в обусловленной – будущее время: *Закат красный – день будет ясный; Небеса чернеют – гроза будет; Рыбы выпрыгивают из воды – будет дождь; Коростель кричит мало – будет дождь; Приходит заяц в сады – еще будет зима суровая; Бесперывно ныряют и плещутся утки – будет дождь; Цветы пахнут сильнее – будет дождь; Мокрица закрывает цветки утром – днем будет дождь.*

Обусловленная часть может быть выражена инфинитивом. «Русская грамматика» отмечает, что «сочетание формы настоящего времени в обуславливающей части с инфинитивом в обусловленной части фиксируется редко». В качестве примера приводится народная примета: «Много комаров – быть хорошему урожаю» [Русская грамматика, т.2. с. 640]. И это неслучайно, так как именно в этих конструкциях такое соотношение выступает как закономерное: *Дорожная пыль встает маленькими смерчами – быть грозе; Ночная роса не просыхает – быть грозе; Гуси полетели – скоро быть дождю; Вечером вороньи стаи вдруг начинают метаться вверх и вниз – быть ночью метели; Сорока вблизи жилья летает, под стреху лезет – быть вьюге; Солнце заходит в тучу без малейшего просвета – быть завтра дождю.*

При сочетании формы прошедшего времени с инфинитивом «инфинитив обозначает неизбежное действие в будущем». В качестве примеров, подтверждающих данное положение, в «Русской грамматике» даны народные приметы: *Сбежались тучки в одну кучку – быть ненастью*

(народная примета); *Солнце зашло в тучу – быть дождю* (Троепол.) [Русская грамматика, т. 2, с. 641].

И обусловливающая, и обусловленная части могут быть выражены инфинитивами: *До Ильина дня сено сметать, пуд меду в него накласть; До Успенья пахать – лишнюю копну нажать.*

Повелительное наклонение реализует обобщенно-личное значение, так как оно соотносится с любым (неопределенным) лицом, а не конкретным собеседником. Форма повелительного наклонения отходит от прямого функционирования, так как, хотя действие адресовано, но в данной ситуации не содержит призыва к исполнению. Предложения синонимичны базовым конструкциям: *Луна ночью покраснела – жди завтра ветра / Луна ночью покраснела – завтра будет ветер.* Индикативное сказуемое может употребляться в одном контексте с повелительным наклонением:

Обусловливающая часть выражается формами индикатива, обусловленная – формой повелительного наклонения. Настоящее время – повелительное наклонение: *Ощипывается курица – жди дождя на улице; Овцы жмутся в кучу – жди дождевую тучу; Тетерева и куропатки в лесную чащу прячутся – жди бурана; Ласточки летают то вверх, то вниз – жди бури; Паук располагает паутину колесом – жди ведро.*

В обусловливающей части может использоваться именное сказуемое: *Лягушки с голосом – сей овес; Земляника красна – не сей овса напрасно; Закат в облаках – жди снегопада; Не видно ночью звезд – жди теплой погоды; Красные дни – сей пшеницу.*

Сказуемое в форме прошедшего времени также широко используется в паремиях: *Крылатые муравьи показались – сей овес; Ольха зацвела – сей гречиху; Земля согрелась – сей яровое; Летним утром прошел маленький дождь – днем жди хорошей погоды; Запел соловей, зацвела черемуха – жди двухнедельного похолодания; Прилетела кукушка – через три недели жди цветения черемухи.*

Особую группу образуют предложения, в которых следствие выражается сочетанием слов *пора и время* + инфинитив. *Пора и время* приобретают статус речевых действий-обращений к реальному или воображаемому адресату с императивным оттенком. *Время и пора* являются в таких случаях «призывом приступить к исполнению действия, названного инфинитивом» [Яковлева, с. 165]. Обуславливающая часть может быть выражена глаголами настоящего/прошедшего/будущего времени: *Западный ветер под низкими облаками – пора сеять ярицу; Лягушка кричит – пора сеять; Лягушки кричат: пора сеять; Лопаются сережки у березы – время сеять хлеб; Рябина зацветает – пора сеять рожь; Липовый цвет (бесплодный) начинает опадать – пора сеять рожь; Западный ветер под низкими облаками – пора сеять ярицу; Кукушка закуковала – пора сеять лен (сymb.)*.

2. Не менее распространенными являются поговорки, выражающие темпорально-условно-сопоставительные отношения. В основе сопоставления лежит характеристика ситуации-условия и ситуации-следствия с точки зрения того, что их различает, при этом уменьшение или увеличение качественного или количественного признака условия приводит к увеличению или уменьшению признака следствия или условие приводит к аналогичному следствию. Предикативные части характеризуются синтаксическим параллелизмом, которых создается а) одинаковым порядком слов, особым ритмомелодическим рисунком; б) одинаковым морфологическим выражением главных членов; в) устойчивым лексическим наполнением частей.

Части условно-сопоставительных поговорок могут быть построены на антонимическом соотношении: *Дмитриев день погоду (без снега), святая – теплая;*

- при этом они часто имеют общий второстепенный член: *В Федору лето кончается, осень начинается.*

Сопоставительно-условные отношения могут быть основаны на синонимическом соотношении: *В день Мокия мокро, все лето мокрое; На Ефимия метель – вся маслена метельная*. Наряду с буквальным лексическим повтором может использоваться повтор, основанный на синонимическом варианте, когда слова относятся к одному лексико-семантическому ряду: *С Евдокеи погоже – все лето пригоже; На богоявление день теплый, хлеб будет темный (т.е. густой); На полузимницу ведро – весна красная (север)*.

В выражении условно-сопоставительной связи может участвовать частица *и*. Ее основная функция в обозначении согласованности, преобладания условия и следствия. «Согласованность может конкретизироваться как аналогия» [Кручинина, с. 52]. В таких предложениях выражается аналогичное условие, которое основано на описании сходных ситуаций, при этом структура следствия отражает структуру условия. Аналогичность условия и следствия поддерживается прежде всего на лексическом уровне: использованием лексических повторов: *Макрида мокра – и осень мокра, суха – и осень тоже; Евдокия красна – и весна красна; Покровская суббота наголе, и Дмитриева наголе (26 окт.); Снегу много – и хлеба много (и наоборот); Дмитриева суббота по снегу, и святая по снегу; Лист на дереве полон, и сеять полно*.

Частица *и* может выделять опорные элементы связи: *Прошли Сидоры, прошли и сиверы; Зацвел в поле, зацвел и на полке (хлеб); Юрий начинает полевые работы, Юрий и кончает; Будет дождь – будет и ведро; Будет зима – будет и лето*.

Повтор может быть основан на прономинализации местоимений: *На Сидора сиверко, и все лето таково; Лед несет ровный – и хлеб будет таков*.

Значение аналогичного отношения может выражаться частицами *так; так и, то и*: *Лист запал, так скоро снег западет; На Крещение много звезд, так красных ягод много будет; Утром роса западет – так к ведрию; На Евдокею мороз прилучится, так и март на нос садится; В великий четвертак мороз, так и под кустом овес; Урожай на черемуху, так и рожь*.

Обусловленная и обуславливающая части могут различаться по грамматическому оформлению. Обусловленная часть характеризуется определенной устойчивостью, фразеологизированностью структуры, обуславливающая – более свободная как в грамматическом, так и лексическом отношении.

1). Обусловленная и обуславливающая части – двучленные, состоящие из именного члена, называющего событие, и глагольного, эксплицирующего его модально-временные характеристики: *Отцветают розы – падают хорошие росы; Лягушка квачет – овес скачет; Никола осенний лошадей на двор загонит, Никола весенний откормит; Небеса чернеют – гроза будет;*

2). Обусловленная часть двучленная, обуславливающая – одночленная. Следственная ситуация мотивирована указанием на:

- определенный момент времени: *На Егорья роса – будут добрые проса (орлов.); На Егорья мороз – будет просо и овес; На благовещенье дождь – родится рожь; На рождество Христово метель – пчелы хорошо роиться будут; Борис и Глеб – поспел хлеб; Николы Кочанского – вилки в кочки завиваются; На Стратилата тепляк – пошли овсы наспех;*

- пространственную локализацию: *Радуга на западе – будет дождь; Радуга поперек реки – будет хорошая погода; Закат в облаках – жди снегопада;*

3). Более распространенными являются предложения, в которых обусловленная часть – одночленная – выражается именной конструкцией, обуславливающая часть – двучленная. Такие предложения с обязательным лексическим компонентом *дождь и снег* рассмотрены Дмитриевой В.С. [Дмитриева 1985, с. 99]. По ее мнению, это «уникальные конструкциями особого синтаксико-фразеологизированного типа». В структурном отношении – это бинарные конструкции с фиксированным порядком составных частей. Строение и лексический состав первой части структуры свободные. Вторая часть несвободная, для нее характерно устойчивое морфологическое и лексическое наполнение. Она построена по особым

структурным схемам: (к + сущ. в д. п.), (на + сущ. в в.п.), по которым, как предполагает автор, не могут быть построены простые предложения, а также части сложных предложений других типов. Предположение, как нам представляется, не совсем корректно, так как предложно-падежные формы существительных *дождь и снег*, являясь свернутой пропозицией, могут использоваться в простых предложениях и предложениях, переходных от простых к сложным. Сравните: *К холодам небо в высыпках звезд*.

Фразеологизированность рассматриваемых конструкций создается: 1) фиксированным характером композиционной схемы. Условие – препозитивно, следствие – как коммуникативно более значимая часть – постпозитивная. Условие в первой части выражается конструкцией, имеющей свободный лексический состав и свободную структуру. Вторая часть – следствие, несвободная с устойчивым морфологическим и лексическим наполнением, строится по особым структурным схемам, наиболее типичной из которых является «к + дат. п.».

Предложно-падежная форма в таких предложениях имеет значение «логически выводимого следствия». Ядро этого лексико-семантического сегмента составляют имена существительные со значением:

а) атмосферные осадки – к *дождю, к ливню, к снегу, к вьюге, к снегопаду: Звезды часто падают – к снегу; Собака по снегу валяется – к вьюге;*

б) тепловое состояние атмосферы – к *жаре, к зною, к холоду, к морозу, к оттепели: Ветер прерывистый дует – к холоду; Звезды прыгают – к холоду; Дрова горят с треском – к морозу; Кошка моется, лижет лапу – к ведру; Кошка ложится на загнетку – к морозу; Кошка крепко спит – к теплу; Кошка лежит брюхом вверх – к теплу;*

в) движение воздуха – к *ветру, к буре: Звезды падают – к ветру; В майском ночном небе звезды часто падают – к ветру;*

г) темпоральным, обозначающим время и меру времени – к *году, к дню, к зиме, к лету, к осени, к весне: Лед весенний тонет – к доброму лету;*

е) к урожаю: *На Афанасия Афонского месяц на востоке играет – к урожаю.*

В пропозитивном значении имена существительные, образующие рассматриваемую модель, способны формировать односоставные событийные предложения (Ветер. Мороз. Жара. Лето и т.п.), семантически эквивалентные двусоставным (Дует ветер. Стоит мороз. Наступила жара. Пришло лето.) Представляя собой свернутые предложения, предложно-падежные сочетания выступают в данном случае как «предицирующий компонент».

Имена существительные, входящие во вторую часть фразеологизированной конструкции, употребляются в форме единственного числа в обобщенно-собирательном значении: *Кошка морду лапой закрывает – к метели; Солнце красно заходит – к ветру; Курица летает по избе – к морозу; Зимой лошадь ложится – к теплу; Лошадь храпит – ко вьюге; Петух ночью поет не вовремя к ненастью; Лягушки квакают – к дождю; Кувшинка закрывается – к дождю.*

Модель «к + дат. п.» может усложняться однородными членами, находящимися в отношениях одновременности: *к жаре и ветру; к ненастью и вьюге; к теплу и снегу; на ветер, на мороз и т.п.*; или в отношениях взаимоисключения: *к ветру или буре; к дождю или снегу; к морозу либо снегу и т.п.*: *Кошка морду хоронит – к морозу либо к ненастью.*

Модель распространяется: а) прилагательными, выражающими атрибутивный признак; б) существительными с синкретичной семантикой. Для слов первых трех групп распространение факультативно, для двух последних – обязательно.

Прилагательные, выступающие в роли именного распространителя, образуют скалярно-антонимические пары, которые выступают как «объединение поляризованных значений, относящихся к одному параметру объекта (класса объектов) и разделенных градационной шкалой, в середине которой проходит ось симметрии, соответствующая норме признака»

[Арутюнова, с. 231]. В качестве атрибутивного распространителя выступают пары: *хороший / плохой; длинный / короткий; мокрый / сухой; сильный / слабый; поздний / ранний; холодный / горячий; большой / маленький. Коршун в небе парит – к хорошей погоде; Мерцающие звезды на небосводе как бы играют – к ветренной погоде; Лед весенний тонет – на тяжелый (бесхлебный) год; Летом после прошедшего дождя сверкает молния без грома – к ведренной погоде; Летом окна потеют – к сырой погоде; Насекомые закапываются глубоко в землю – к суровой зиме; Птицы весной вьют гнезда на солнечной стороне дерева – к холодному лету.*

Атрибутивные признаки могут составлять однородные ряды, усиливающие или уменьшающие признак: *Жуки летают с жужжанием – к ясной, тихой и теплой погоде; конкретизирующие, раскрывающие его значение: Появятся длинные сосульки в марте – к долгой весне, затяжной, холодной.*

Существительные, распространяющие модель, имеют синкретичную семантику. Такое распространение характерно для существительных пятой группы, у которых значение «количество уродившихся злаков или других растений, плодов, грибов» конкретизируется указанием на видовые значения: *к урожаю огурцов, к урожаю льна, к урожаю проса и т.п.: Мотыльки низко летают – к урожаю ярового Хорошо рябина цветет – к урожаю льна.*

В качестве синонимичных рассматриваемой модели в языке народных примет используются значительно менее частотные модели «на + вин. п.», «перед + тв. п.». Их употребление семантически ограничено. Конструкция «на + вин. п.» включает в свой состав существительные со значением: атмосферные осадки (*на дождь*), тепловое состояние атмосферы (*на мороз, на холод, на тепло*); времена года (*на гнилозимье*): *Воробьи прячутся в хворосте – на мороз; Кошка скребет пол – на ветер; Гусь и утка ныряют – на дождь; Ласточки шныряют низко – на дождь; Галки стаями летят – на*

дождь; Ласточки летают высоко – на сухую погоду; Шумят воробьи – на дождь; Воробьи ватажатся на дождь.

Модель «перед + тв. п.» используется с существительными, обозначающими атмосферные осадки (*перед дождем*), время и меру времени (*перед годом, перед утром*): *Рыба не клюет – перед дождем; Взыграл вихрь – перед погодой; Ласточки разгонялись – перед дождем; Воробьи расчирикались летом – перед дождем; Ласточки летают то вверх, то вниз – перед дождем.*

3.2. Конструкции, переходные между простыми и сложными предложениями

Особую группу, выделяемую, как показывают наши исследования, только в синтаксисе народных примет русского языка, составляют конструкции, переходные между простыми и сложными предложениями.

Проблема переходности в современной лингвистике постепенно превращается в общелингвистическую, основные положения которой излагаются в работах В. Г. Адмони (Адмони 1964, 1973), В. В. Бабайцевой (Бабайцева 1967, 1971, 1979, 2000), А. В. Гвоздева (Гвоздев 1968), Г. А. Золотовой (Золотова 1973, 1982), С. Г. Ильенко (Ильенко 1976), В. К. Покусаенко (Покусаенко 1983), В. В. Щеулина (Щеулин 1997), Н. С. Новиковой (Новикова 1995), И. Ю. Наумовой (Наумова 1995, 1997) и др. Отдельные замечания о наличии переходных единиц в структуре языка есть уже в работах лингвистов XIX – начала XX веков. Впервые о возможности перехода сочинения в подчинение и подчинения в сочинение, признавая при этом, что между двумя различными типами сложных предложений нет непреодолимого барьера, говорит Ф. М. Буслаев в «Исторической грамматике русского языка». В. А. Богородицкий в попытке свести многообразие сложных предложений к сочинению и подчинению видел необоснованное стремление «живое разнообразие языка уложить в эти две произвольно наперед указанные и слишком категорически отграниченные рубрики» [Богородицкий 1935, с. 229, примечание]. А. М. Пешковский,

указывая на плавность развития языковых конструкций и постепенность переходов от единицы к единице, обозначил большое количество именно «переходных» рубрик в языке, который вообще «не делает скачков» [Пешковский, с. 260]. Идеи А. М. Пешковского были развиты в трудах В. В. Виноградова [Виноградов, 1972]. Однако исследования в области промежуточности не выходили за рамки наблюдений над отдельными языковыми явлениями и были лишены необходимой научной обобщенности.

Понимание языка как системы привело лингвистов к изучению противостоящих звеньев этой системы, к установлению различий между оппозиционными явлениями. Однако системный характер языка проявляется не столько в противопоставлении явлений языка, сколько в сложных взаимодействиях и взаимовлияниях соотносительных единиц классификации, выделенных в результате обобщения типических признаков.

На всех уровнях языка наряду с единицами, обладающими традиционным, присущим данной подсистеме набором признаков, существуют модели, которые не укладываются по тем или иным параметрам в рамки принятых классификаций. Такие единицы определяются как переходные, или промежуточные, периферийные, контаминационные, синкретичные, гибридные, диффузные, трансцендентные. За каждым из перечисленных терминов пока не закреплено определенное содержание, в результате чего они то употребляются как синонимичные, то противопоставляются друг другу как названия неоднородных переходных явлений (см. работы Бабайцевой, Щеулина, Наумовой, Покусаенко и др.). В нашей работе мы, вслед за В. В. Бабайцевой, используем термин переходность, не связывая ее с синхронией и диахронией в отличие, скажем, от понимания В. В. Щеулина «Промежуточность – категория синхронного плана. Ее следует отличать от переходности – категории диахронии» [Щеулин 1977].

Переходные явления разных уровней грамматического строя, несмотря на наличие специфических особенностей, можно объединить по нескольким

основаниям: 1) переходные явления в грамматическом строе языка характеризуются синкретизмом свойств: они совмещают дифференциальные признаки типичных грамматических категорий, проявляющихся в разной мере; 2) переходные явления – образования более позднего времени, чем типичные, что и позволяет располагать их не только на синхронной, но и на диахронной шкале переходности [Бабайцева 1991].

Безглагольные народные приметы характеризуются смысловой емкостью и одновременно словесной сжатостью. Подчиняясь структуре мысли, синтаксис экономит свои средства, используя принцип синтаксической компрессии и редукции. Из логически развернутых конструкций выпадают избыточные словесные компоненты, а исходные, глубинные структуры объединяются при полном сохранении семантико-синтаксического значения. «Имеется в виду словесная представленность в речи только тех компонентов высказывания, которые являются целевыми для данного высказывания, рассчитанного на адекватность восприятия акцентируемого смысла, а внутренние логико-грамматические и семантические связи при этом остаются имплицитными» [Валгина 2001, с. 228].

Безглагольные, биноминативные, предложения сохраняют трехчленную структуру и условно-следственную связь прежде всего на содержательном уровне. Событийность претерпевает некоторые изменения, получая свернутый характер. Конструкция в какой-то степени теряет полипредикативность, так как отсутствуют формальные признаки выражения категории времени, хотя синтаксический его план сохраняется.

Конструкции безглагольного типа в семантическом плане справляются с задачей передать основные значения, присущие модели, за счет событийной семантики имен. Ситуация-условие и ситуация-следствие выражаются номинативными предложениями. Значение обусловленности создается не за счет формальной маркировки, а главным образом, в

результате конкретного лексического наполнения синтаксических структур, оказывающихся манифестантами биситуативных макроситуаций.

Невыраженность маркера отношений при выраженности самого отношения свидетельствует о том, что логика отношений обусловленности – внутренне присущее таким предложениям качество. Точка отсчета, в опоре на которую фиксируется отмеченность структур обусловленности, во многом задается эмпирическими факторами. Главные члены номинативных предложений условия и следствия выражаются именами существительными событийной, процессуальной семантики. Событийная семантика имен отражает закономерные, имеющие место в действительности связи двух явлений природы. Ограниченность круга существительных делает их элементом структуры, лексическим типизатором предложения.

В плане выражения рассматриваемые предложения характеризуются также определенной общностью. В основе их синтагматического построения лежат структурные схемы N1-N1, N1-N3... Порядок расположения схем отражает степень переходности от сложного предложения к простому.

Общим для рассматриваемых конструкций, построенных в соответствии с указанными схемами, является лексическая ограниченность в выражении как первого, так и второго компонентов схемы.

1. N1 - N1

Ситуация-условие и ситуация-следствие маркируются номинативными распространенными предложениями. Распространение главного члена, выраженного существительным в именительном падеже, осуществляется, во-первых, за счет препозитивных определений, получающих характер обязательности: *Быстрая оттепель – долгий мороз; Мокрое Благовещенье – грибное лето; Синяя пасмурь – пушистые снегопады; Красное лето – зеленый покос; Серенькое июльское утро – красный денек; Серенькое утро – красненький денек; Красное утро на Устина – красный налив ржи; Короткие оттепели – позднее лето; Ясный, солнечный Макарьев день –*

ранняя весна; Ясное утро на Юрья – ранний сев; Октябрьский гром – бесснежная зима; Ясный восход солнца – ведрое лето (рязанск.).

Прилагательные при номинативах могут брать на себя выражение предикативности, так как «если сказуемое, выраженное полной формой имени прилагательного, сопровождается усилительной интонацией, то и препозитивно поставленное прилагательное выполняет функцию сказуемого» [Синтаксис 1958, с. 229]. При этом надо учитывать, что, «как и при всякой синтаксической двусмысленности, происходящей от недостатка морфологических средств, вспомогательное значение приобретают 1) порядок слов; 2) интонация; 3) ассоциации со смежными формами» [Там же, с. 229]. Положение поддерживается:

1) существованием народных примет с постпозитивным предикативным определением, выраженным полным прилагательным: *Зима снежная – лето дождливое / Если зима снежная, лето дождливое; Зима морозная – лето жаркое; Лето дождливое – зима снежная, морозная; Весна сухая – осень ранняя; Лето сухое, жаркое – зима малоснежная, морозная; Май холодный – год хлебородный; Петровки холодные – год голодный; Февраль холодный – август жаркий;*

- с постпозитивным предикативным определением, выраженным кратким прилагательным: *Рябина рясна – зима опасна.*

Такие конструкции, построенные по модели бессоюзного сложного предложения, имеют значение условно-сопоставительное;

2) возможностью соотнести рассматриваемые конструкции, с одной стороны, с простым предложением: *Быстрая оттепель предвещает долгий мороз;* с другой стороны, со сложноподчиненным предложением: *Если оттепель быстрая, будет долгий мороз;* и бессоюзным: *Оттепель быстрая – мороз долгий;*

3) особым структурным построением:

- на основе антонимической связи определений: *Добрая отава – плохие озими (и наоборот. твер.); Быстрая оттепель – долгий мороз; Зимнее тепло – летний холод;*

- на основе повтора в обеих частях одних лексем: *Ранние опенки – ранний сев; Раннее солнце – ранний птицы; Поздний грибок – поздний снежок; Доброе семя – добрый всход; Красное утро на Устина – красный налив ржи;*

- на основе ассоциативной связи: *Мокрый апрель – хорошая пашня; Мокрое Благовещенье – грибное лето; Длинные капельники (ледяные сосульки) – долгий лен; Ясный восход солнца – ведрое лето; Ясное утро на Юрья – ранний сев.*

Структура может распространяться за счет несогласованных определений, выраженных предложно-падежными формами существительных: *Небо в барашках – дождь на пороге; Осина в сережках – урожай на овес; Рясная малина – урожай на хлеб.*

Условно-сопоставительные отношения выражаются в конструкция: *Петр с колоском (29 июня), Илья с колобком; Егорий с теплом, Никола с кормом; Егорий с кузовом, Никола с возом; Егорий с ношей, Никола с возом; Вознесенье с дождем, Илья с грозой; Козьма-Демьян с мостом, Никола с гвоздем; Весной Георгий с летом, Никола с кормом; В осень Георгий с мостом, Никола с гвоздем; У Евдокеи вода, у Егорья трава; Льны Олене, огурцы Константину; С Егорья хороводы, с Дмитрия посиделки; Озими в наливе, греча на всходе.*

Подобные конструкции существуют в синонимических вариантах: *Егорий с теплом, а Никола с кормом / Если Егорий с теплом, то Никола с кормом; Весенний Егорий с кормом, осенний Никола с мостом/ Коли весенний Егорий с кормом, то осенний Никола будет с мостом (т.е. зима настанет, путь); Егорий с теплом, Никола с кормом / Егорий с теплом, а Никола с кормом.*

В качестве распространителей могут выступать существительные с временным или пространственным значением в одной из частей: *Дождь на Акулину - хорошая калина; На Сидора ветер с сивера – неогуречный год; На Сретенье капель – урожай на пшеицу; На ольшняке бобышки (почки) – урожай на овес; На благовещенье мороз – урожай на грузди;*

- или в обеих частях: *Снег на полях – зерно в закромах; Вода на лугу – сено в стогу; С крыши сосульки – с елок чешуйки.*

Характерно попарное использование обстоятельств (зимой-летом; утром-вечером и т.д.), что способствует параллелизму структуры. Антитеза в примете выполняет жанрообразующую функцию. Такие конструкции приобретают условно-сопоставительный характер: *Зимой вьюги – летом ненастье / Если зимой вьюги, то летом ненастье; Зимой вьюги, а летом ненастье; В январе иней – в августе хлеб; Сегодня ведро – завтра ненастье; Летом утром маленький дождик – днем погода хорошая.*

Эту же структуру имеют приметы, номинатив которых распространяется существительным в род. п. со значением отсутствия чего-л.: *Зима без снега – лето без хлеба; Антип без воды – закрома без зерна.*

Антитеза в приметах не всегда связана с использованием антонимов. Антитеза как бы подчеркивает обрыв логической, явной, понимаемой связи между событием и тем сильнее постулирует связь пусть необъяснимую, но реальную: *Синица в небе – зима на дворе.²⁰; В январе иней – в августе хлеб; Октябрьский гром – зима бесснежная; На сретенье снежок – весной дожджок; Кошка в печурку – стужа на двор.*

Особую группу образуют конструкции типа «имя – приложение», которые являются наиболее лаконичной формой существующих взаимосвязей. Внеречевые условия, обеспечивающие правильное понимание данных народных примет, представляют собой некоторый обязательный фонд общих для говорящего и собеседника знаний (пресуппозиции), предопределяющих их правильное понимание. «Русский народ вообще не любит определенного календарного исчисления времени и охотнее означает

время своими сельскими работами, приурочивая начало или конец таких работ к известному празднику» [Ермаков, с. 20]: *Герасим – грачевник (4 марта); Евдокея – плющиха (14 марта); Тимофей – весновей (16 марта); Конон – огородник (18 марта); Тит – ледолом (24 апреля); Антип – половод (28 апреля); Ирина – капустаница (5 мая); Мавры – зеленые щи (16 мая); Василиска – соловьиный день (4 июня); Онисимы – овчары (15 февраля); Прокон – дорогорушитель (27 февраля); Василий – капельник (28 февраля).*

Значение предсказания может эксплицироваться словами «примета», «предвестник», «вестник», «признак», имеющими значение «показатель, примета, знак, по которым можно узнать, определить что-н.» [Ожегов, с. 589], или словами «знак», «сигнал»: *Вечерняя роса – первая примета ясной погоды на завтра; Ясная луна – предвестник мороза; Сильный дождь – вестник тепла; Радуга – знак скорого ведра; Цветение вербы – сигнал выставки пчел на пасеке; Цветение ржи – сигнал к началу сенокоса.*

Признаком определенного природного явления может быть цветовая окраска или ее изменение: *Зеленое небо – признак засухи; Желтое небо – примета засухи; Красноватое солнце – признак жары; Румяный закат солнца в серое летнее утро – признак ведренной погоды; Переход цветной радуги в белую – признак скорого прекращения дождя.*

Фиксация природного явления в определенный временной отрезок: *Первый туман лета – верная грибная примета; Радуга после полудня – признак хорошей погоды;*

- интенсивность в определенный временной отрезок: *Частые мартовские туманы – признак дождливого лета.*

Полипредикативность подобных конструкций поддерживается не только природной лексикой, но и способностью к образованию дополнительного сообщения в рамках основного сообщения, характеризующегося «свернутостью», неспособностью к самостоятельному функционированию: *Летний туман во время цветения хлебов – признак плохого полива / Летний туман, в то время, когда цветут хлеба, является*

признаком плохого полива / Если появился летний туман, в то время, когда цветут хлеба, это признак плохого полива).

2. N1 - N3.

Данную модель образуют народные приметы, ситуация-условие которых выражается существительным в именительном падеже, а ситуация-следствие – существительным в дательном падеже с предлогом «к» или аналогами «на + вин. п.», «перед + тв. п.».

Смысловое взаимодействие частей возникает в результате связи компонентов событий, явлений, отраженных в предложениях. Существительные обозначают понятия, связанные друг с другом во внеязыковой, экстралингвистической ситуации, поэтому и в тексте они семантически связаны для обозначения условно-следственной связи. Конструкция «к + дат. п.» и ее аналоги как бы «оживают» только в составе единого целого с предложениями, включающими указание на природное явление. Называя такое явление, которое предполагает устойчивую связь с другими явлениями объективного мира, конструкция «к + дат. п.» становится организующим центром для определенных разновидностей синтаксических конструкций, выражающих наблюдение-прогноз. Предложения, включающие рассматриваемую конструкцию, образуют вариативный синтаксический ряд: *Если небо ясное, то это предвещает дождь / Ясное небо – к дождю / Ясное небо предвещает дождь.* Средний член имеет признаки переходности, так как он объединяет черты сложноподчиненного и простого предложения.

Имена существительные, входящие во вторую часть фразеологизированной конструкции, употребляются в форме единственного числа в обобщенно-собирательном значении: *Яркие звезды зимою – к морозу.* Форма множественного числа используется:

а) в устойчивых словосочетаниях с постоянным эпитетом типа: *Ложные солнца зимой – к трескучим морозам;*

б) для передачи значения интенсивности, объемности. Как правило, эта семантика поддерживается в первой части словами с семантикой «значительный по величине, размерам», например, *большой, сильный*: *Большие дождевые пузыри – к дождям.*

Конструкции данного типа имеют две структурные разновидности:

1) и первая и вторая части – нераспространенные: *Зарница – к непогоде; Дожди – к урожаю; Южак (южный ветер) – к теплу.*

Первая часть – нераспространенное номинативное предложение, вторая – распространенная согласованным определением: *Оттепель – к затяжной весне; Метель – к запоздалой весне; Столбы (солнца с ушами, пасолнца) – к лютым морозам; / Пасолнца (ложные солнца) – к тихой погоде, летом – к засухе, зимой – к трескучим морозам; Хлебород – перед строгой зимой / Хлебород – к суровой зиме;*

- распространенная синкретичным членом, выраженным существительным в предложно-падежной форме: *Оттепель – на урожай огурцов; Заморозки – урожай на грузди; Опока – урожай на хлеб.*

Наиболее частотными являются конструкции, в которых первая часть – номинативное распространенное предложение, вторая – словоформа «к + дат. п.».

По способу распространения первой части выделяется несколько разновидностей:

а) распространение согласованным определением, которое могло располагаться как в препозиции, так и в постпозиции, сближая номинативное предложение с двусоставным. При составлении примет учитывались цвет, форма, интенсивность окраски, свечения. Такие эпитеты тяготеют к постоянным: *Крутой месяц – к холоду; Слабая роса – к дождю; Сильные росы – к плодородию; Пушистые инеи – к ведру; Долгий гром – к ненастью; Большой разлив – к урожаю; Ясное небо – к морозу; Кучевые облака – к ведру; Частые звезды – к теплу; Тусклый месяц – к мокрети.*

В изучаемых нами народных приметах частотны определения по цвету: *Синие облака – к теплу; Багровые зори – к ветрам; Багряная заря – к ветрам; Зеленоватый месяц – на дождь; В Крещение в полдень синие облака – к урожаю; Розовые облака – к жаре; Красный огонь в печи – к морозу; Белый огонь в печи – к оттепели; Большое белое облако – к теплу; Серые тучи – на дождь.*

Определения могут использоваться в одном предложении, реализуя признак альтернативности: *Зеленая радуга – к дождю, желтая – к хорошей погоде, красная – к жаре и ветру.*

Определение может содержать временной оттенок: *Вечерняя заря – к ведру; Вечерняя радуга – к ведру; Серый цвет вечернего неба – к ненастью и ветру;* или пространственный: *Западный ветер – к мокроте; Северный ветер – к стуже; Восточный ветер – к ведру.*

Определение в составе приметы, как правило, одиночное, однако их может быть два: *Ранний и глубокий снег – к урожаю; Вечерняя заря зеленая – к ясной погоде; Высокая и круглая радуга – к ведру; Красная вечерняя заря – к ветру; Синие вечерние облака – к перемене погоды;*

- или больше: *Безветренная золотистая вечерняя заря – к хорошей погоде; Теплый мартовский ветер – к теплому дождливому лету.*

Определение может быть постпозитивно, при этом оно принимает на себя выражение предикативного признака: *Звезды тусклые – к дождю или снегу; Осень ненастная – к урожаю; Млечный Путь тусклый – к ненастью; Закат багровый – к ветру или буре; Радуга низкая и пологая – к ведру;* предикативность признака усиливается, если используется краткое прилагательное, такие предложения соотносительны со сложными бессоюзными: *Месяц красен – к дождю; Луна ярка – к ведру;*

б) распространение синкретичным несогласованным определением, выраженным существительным в предложно-падежной форме. Частотны приметы с творительным сравнительным. Г. Н. Пospelов указывал на то, что творительный сравнительный падеж диахронически напрямую выводим из

поверий: «Вероятно, сравнение в форме творительного падежа произошло, по своему содержанию, из древних поверий об "оборотничестве". На стадии первобытного идеологического синкретизма, существовавшего в общественном сознании при родовом строе, люди верили, что человек может, в тех или иных условиях, превращаться в зверя, птицу или дерево – “оборачиваться” ими (герой ударяется о землю и оборачивается серым волком, конем). В этих примерах очевидно порождение самой грамматической формы образной речи определенным фантастическим содержанием».

Укажем следующие конструкции: *Дым волоком, клубом – к ненастью; Дым столбом – к морозу; Дым из трубы столбом; Снег хлопьями – к урожаю; Дым клубком – к ненастью; Дым из трубы коромыслом – к теплу; Комары и мошки столбом – к ведру; Вихри винтом – к ведру; Кошка клубком – на мороз; Комары роем – к ведру.*

Часть примет в силу жанровой специфики построена на олицетворении: *Солнышко в рукавицах (туманное) – к морозу; Солнце с ушами – к морозам (к морозу); Кольцо вокруг солнца – к ненастью; От солнца ноги (лучи пучками вниз) – к холод; Венцы вокруг солнца (луны или звезды) – к дождю; Туманный круг около солнца – к метели; Кольцо вокруг луны – к морозу; Луна с окружьем – к морозу; Сережки у луны – к пурге и метели; Огород вокруг месяца – к перемене погоды; Луна в кресте или с окружьем – к морозу; Месяц рожками вниз – к теплу; Месяц-молодик рожками в гору – к непогоде;*

- может уточняться временной параметр проявления того или иного признака: *Столб от солнца на закате – к непогоде; На Кирилла хорошая погода – к морозам; На Василия-теплого солнце в кругах – к урожаю; На Евтихия день тихий – к урожаю; Светлые столбы около солнца зимою – к морозу;*

- или пространственный признак: *Пузыри на воде – к ненастью (к пущему дождю); Иней на деревьях – к морозам;*

в) конструкции могли распространяться синкретичными обстоятельством-определятельными членами: *Иней на Николу (или: о святках, на Крещенье) – к урожаю; Туман на Матрену – к оттепели; Туман зимой – к оттепели; Молния зимой – к буре.*

Особую группу примет составляют конструкции, в которых ситуация-условие выражается девербативом: *Прилет чаек – к теплу; Убыль реки – к дождю; Прибыль реки – к погоде; Посев на молодую (луну) – к урожаю.*

2). И правый и левый компоненты условно-следственной конструкции имеют при себе распространители: а) атрибутивные, которые и в первой и во второй, прогнозирующей, частях получают характер обязательных, постоянных, к ним относятся, в частности, цветные эпитеты, которые, как правило, используются в первой части: *Розовые облака – к жаре; Беловатые облака утром – к теплу; Розоватые облака – к теплой погоде; Сероватые облака на западе – скоро дождь; Красноватая луна – на большой ветер; Белая радуга зимой – к сильному морозу; Серое небо – перед хорошей погодой; Синие облака в апреле – к теплу и дождливой погоде; Вечерняя заря зеленая – к ясной погоде;*

- или в единичных случаях во второй, прогнозирующей части: *Ранний излет пчел - к красной весне.*

Определения могут вступать в своеобразную переключку, когда признак, связанный с ситуацией-условием, требует определенного признака для ситуации-следствия. Частотны случаи, когда признаки повторяются: *Крутые вихри – к крутой зиме; Ранний прилет грачей и ласточек – к ранней весне; Раннее опадание листвы – к ранней зиме; Ранний прилет журавлей – к ранней весне; Ранний снег – к ранней весне; Раннее солнце – к ранним птицам;*

- повтор может уточняться антонимическим соотношением второго определения: *Сухая и холодная зима – к сухому и жаркому лету;*

Признаки могут соотноситься на синонимической основе: *Длинные сосульки в конце февраля – к долгой весне; Продолжительные раскаты – к затяжному ненастью; Глухой гром – на тихий дождь;*

- но чаще они соотносятся на основе ассоциативной связи: *Поздний расцвет рябины – к долгой осени; Ранний лет пчел – к красной весне; Задорное пение перепела – к ясной погоде; Полный месяц – к большому разливу; Сильные росы – на хороший урожай; Осенний тенетник (паутина) – на ясную погоду; Сильная роса – к ясному дню; Сильный ветер – перед проливным дождем; Вечерняя радуга – к хорошей погоде.*

Признаки, выражаемые атрибутивными распространителями, могут ставиться в антонимические отношения: *Светлая и теплая погода (7авг.) – к холодной зиме.*

б) Один из компонентов имеет синкретичный атрибутивно-объектный распространитель, выраженный предложно-падежной формой существительного: *Синие вечерние облака – к перемене погоды; Урожай рябины – к красной, золотой осени; Звездистая ночь на Богоявление – урожай на горох и ягоды; Крепкий мороз – к урожаю хлебов и гречихи;*

в) Один из компонентов имеет синкретичный атрибутивно-обстоятельственный распространитель: *Гром зимой – к сильным ветрам; Гром в сентябре – к теплой осени; Гром в августе – к долгой осени; Гром в ноябре – к большому снегу; Туман летом – к ясной погоде; На Григория Никийского иней на стогах – к мокрому году; Радуга после продолжительной засухи – к дождю.*

3. Как переходные мы рассматриваем конструкции, в одной из частей которых используется слово категории состояния, во второй части – имя существительное

- с атрибутивным препозитивным определением: *В апреле мокро – грибное лето;*

- и постпозитивным определением, меняющим статус предложения от переходного к сложному: *На Пахома тепло – все лето теплое; На Трифона*

звездисто – поздняя весна; На Новый год тепло и снег – лето теплое и дождливое;

*- с обстоятельственным детерминантом: Утром гром – вечером тепло);
Вечером роса – утром ясно.*

Следствие может быть мотивировано высокой или низкой степенью проявления количественного признака-основания: *Мало звезд на зимнем небе – к ненастью и вьюге; Много ярких звезд – к урожаю гороха; На ольхе много сережки – к урожаю овса; Много еловых шишек – к урожаю ярового; Много желудей на дубу – к теплой зиме; Много майских жуков – к жаркому лету, засухе; Много паутины на «бабье лето» - к ясной осени; Много ягод – к холодной зиме; Много рябины – много грязи (сырая осень).*

2.7. Сложные многочленные предложения

Сложность структуры МСП должна была бы ограничить их употребление в поговорках, однако, как показал анализ нашего материала, сложные многочленные предложения активно используются в языке народных примет. Этот факт позволяет предположить в их синтаксическом механизме такие качества, которые хорошо удовлетворяют требованиям жанра.

В системе синтаксиса сложного предложения проводится противопоставление сложных предложений минимальной структуры и сложных предложений усложненной структуры. Ни в научной, ни в учебной литературе нет единого термина, единой квалификации сложных предложений усложненной структуры. Для наименования последних в литературе используются различные термины: сложные предложения смешанной конструкции [Руднев], сложные предложения с сочинением и подчинением [СРЛЯ 1996], сложные предложения с разными видами связи [Бабайцева, Максимов 1981], сложные синтаксические конструкции [Валгина, Розенталь, Фомина], многочленные (многокомпонентные)

сложные предложения [Крючков, Максимов 1978; Гаврилова 1980, Уханов 1981]. В данной работе мы используем термин «многочленное сложное предложение», понимая под ним полипредикативные структуры, включающие более трех предикативных единиц и в этом смысле противостоящие двучленным предложениям.

Двучленные предложения состоят из элементарных предикативных единиц, построенных по формулам простых предложений. Многочленные предложения включают в свой состав в качестве строевых единиц не только простые предложения, но и сложные предложения.

Многочленное сложное предложение отличается особым характером связей и отношений составляющих его компонентов. В зависимости от синтаксического членения выделяют предложения несгруппированной структуры, характеризующиеся отсутствием компонентов и уровней членения, и сгруппированной структуры, в которых предикативные части, объединяясь по смыслу, образуют структурно-семантические компоненты, соединяющиеся между собой различными видами связи и образующие уровни членения. Н. С. Валгина называет их многочленными сложными предложениями с однотипной синтаксической связью и сложными синтаксическими конструкциями с разнотипной (контаминированной) связью [Валгина, с.363, с. 373]. Г.К. Хамзина использует термины: предложения одноуровневые с элементарными частями-предикативными единицами и предложения усложненной структуры с частями-блоками предикативных единиц [Хамзина, с.3]. Такой терминологический разнобой свидетельствует о том, что, несмотря на накопленную в последние годы солидную лингвистическую и методическую литературу, окончательно не выявлен характер соотносительности сложных предложений с элементарными частями с одним уровнем членения и сложных предложений с несколькими уровнями членения с частями-блоками предикативных единиц. «Нет полного, систематизированного описания всех типов усложненных конструкций с частями-блоками, т.е. не осуществлена их систематизация.

Недостаточно полно выявлены причины образования частей-блоков, принципы их выделения и условия их функционирования в составе сложных предложений усложненной структуры» [Хамзина, с. 4]. Например, в ряде учебных пособий понятие компонента-блока расширяется за счет включения в него традиционных сложноподчиненных предложений с однородным соподчинением предикативных единиц [Современный русский язык 1998].

Многочленные сложные предложения характеризуются иерархичностью своего построения. Иерархичность проявляется в неравноправии уровней членения. Уровень членения – это определенная степень в дроблении данных конструкций до получения элементарных предикативных единиц. Первый уровень членения – основной (в других терминах: доминирующий генеральный), это логико-синтаксическое членение, характерное для всей конструкции в целом и определяющееся «доминирующими смысловыми отношениями между его компонентами...и доминирующей структурной схемой» [Современный русский язык, с. 175]. Второй уровень членения – структурно-синтаксический, на нем выделяются части, равные элементарным предикативным единицам. В предложении может быть несколько уровней членения, наибольшая глубина (количество выделяемых уровней) не превышает 6-7 уровней членения [Уханов, с.98].

Многочленные предложения реализуют конституирующий признак условных конструкций – значение альтернативы: *Большая роса утром – к хорошей погоде, нет росы – к дождю; Грибов вдоволь – снега вдоволь, нет грибов – снега нет.*

В языке народных примет сопоставляемых языков наиболее частотны предложения с двумя уровнями членения, которые строятся по нескольким основным моделям.

1) К первому типу МСП относятся предложения, в которых одно явление-условие приводит к реализации разных следствий, детерминированных разными обстоятельствами. Это может быть: а). Многочленное сложное предложение с сочинительной или бессоюзной

связью на первом уровне, на втором – подчинительной связью. Условная семантика эксплицируется в русском языке союзами *если(ежели), когда, коли* в обеих частях конструкции: *Если в великий четверток холодно, то весна холодна до седьмой недели; если дождь – то мокрая; Если первый гром прогремит утром, лето будет умеренное, если в полдень и с южной стороны – теплое и плодородное; Если к вечеру появилась крутая радуга, будет такой же ясный день, а если пологая – жди дождя с ночи; Если радуга протянулась отвесно (высоко), будет ясно, если же низко – то к ненастью; Если на Арину журавли полетят, то на Покров (14 октября) надо ждать первого мороза; а если их не видно в этот день, раньше Артемьева дня (2 ноября) не ударить ни одному морозу; Коли к Ильину дню рожь убрана, то новый посев оканчивай до Флора и Лавра, а коли рожь поспекает позже, то и сей позже, до Семена дня; Когда снег привалит вплоть к заборам – плохое лето, когда есть промежек – урожайное.*

Союзы могут использоваться в одном предложении: *Если 15 февр. оттепели, значит, весна будет ранняя и теплая, коли холода завернут – весна холодная; Коли береза перед ольхой лист распустит, то лето будет сухое; если ольха наперед – мокрое; Если метель дорогу переметет – весна будет поздняя и холодная, ежели тепло – ранняя и теплая.*

Компоненты-блоки могут быть связаны как сочинительным союзом *а*, так и бессоюзной связью.

Рассмотрим два предложения:

а). *Если радуга появляется при хорошей погоде – наступит ненастье, а если при плохой, будет ведро.*

В предложении два уровня членения. На первом выделяются два компонента-блока, связанных сопоставительным союзом *а* и интонацией, между ними сопоставительные отношения. На втором уровне членения: 1-ый компонент-блок представляет собой сложноподчиненное условно-временное предложение расчлененной структуры. Придаточное находится в препозиции по отношению к главной части. Присоединяется простым

семантическим союзом *если*. 2-ой компонент-блок – это сложноподчиненное предложение расчлененной структуры с условно-временным значением. Придаточное находится в препозиции по отношению к главной части. Присоединяется простым семантическим союзом *если*;

б). *Если белычьи гнезда высоко на деревьях – зима будет теплая, с оттепелями, если низко – быть зиме холодной, морозной.*

В предложении два уровня членения. На первом вычленяются два компонента-блока, соединенных бессоюзной связью, между ними сопоставительные отношения, которые базируются на лексико-семантическом содержании частей и активизируются интонацией. На втором уровне членения – в 1-ом компоненте-блоке сложноподчиненное условно-временное предложение расчлененной структуры. Придаточное находится в препозиции по отношению к главной части, присоединяется простым семантическим союзом *если*. Во 2-ом компоненте-блоке – сложноподчиненное условно-временное предложение расчлененной структуры. Придаточное находится в препозиции по отношению к главной части, присоединяется простым семантическим союзом *если*.

На первом уровне может быть три или четыре компонента-блока: *На сретенье утром снег – урожай ранних хлебов, если в полдень – средних, если к вечеру – поздних (южн.); Если вода по улицам течет рано – сей рано, если средне – удастся средний сев, а поздно – сев поздний; Если журавли улетают на юг поодиночке – к неурожаю, если летят попарно – к урожаю, если по семи пар, то к богатому урожаю.*

Б). Многочленные предложения с сочинительной и бессоюзной связью на первом уровне членения и подчинительной и бессоюзной связью – на втором. Союзы *если, когда, коли* могут использоваться в первой части сопоставительной конструкции: *Если радуга появилась с безветренной стороны – к дождливому дню, а с подветренной - к прояснению и ясной погоде; Если кукушка куковала на голый лес – будет голодный год, а на*

опушившийся – урожайный; Если журавли полетят, то на Покров будет мороз, а нет, то зима позже; Коли рожь убрана к Ильину, кончай посев к Фролу, а поспеет позже, кончай к Семену; Коли есть метла да костра – будет хлеб до Петра, а синец да звонец – доведут хлебу конец (названия разных сорных трав); Коли печень в шукке к голове толще – ранний посев будет лучше, а к хвосту – поздний; Когда дым, без ветра, бьет к земле, то это к снегу (летом к дождю), а дым столбом – к ведру.

Рассмотрим приметку: *Если цветная радуга скоро пропадет после дождя – к ясной погоде, а долго стоит – к ненастью.*

В предложении два уровня членения. На первом (основном) уровне выделяются два компонента-блока, сопоставительные отношения между которыми выражаются сопоставительным союзом *а* и интонацией, указывающими границу между компонентами. На втором уровне выделяются два предложения, построенных по определенным структурным схемам сложного предложения. В первом компоненте-блоке – сложноподчиненное предложение расчлененной структуры с придаточным условно-временным. Придаточное находится в препозиции по отношению к главной части, присоединяется простым семантическим союзом *если*; во втором компоненте-блоке – бессоюзное предложение с условно-временным значением.

На первом уровне членения может быть три и даже четыре компонента-блока, соединенных с помощью союзов или бессоюзной связью: *Если первый гром грянет при северном ветре – к холодной весне, а при восточном – к сухой и теплой, при южном – к теплой; Коли дует северный сердитый ветер – будет стужа недалече, южак подул – к теплу, западный – к мокроте, восточный – к ведру.*

Союзы *если, когда, коли* чаще используются во втором компоненте-блоке, образуя сочетание *а если, а когда, а коли* вместе с сочинительным союзом *а*: *Летом в лесу на рябине мало плодов – осень будет сухой, а если много – дождливой.*

В предложении на первом уровне членения выделяются два компонента, связанных сочинительным союзом *а* и интонацией, выражающими сопоставительные отношения. На втором уровне: в первом компоненте-блоке бессоюзное условно-временное предложение, во втором – сложноподчиненное условно-временное предложение расчлененной структуры. Придаточное находится в препозиции по отношению к главной части, присоединяется с помощью простого семантического союза *если*.

В). Многочленные сложные предложения с сочинительной и бессоюзной связью на первом уровне членения и бессоюзной – на втором в русском языке. Сопоставительные отношения на первом уровне членения между компонентами-блока могут выражаться эксплицитно, с помощью союза *а* и имплицитно – бессоюзной связью, условные отношения на втором уровне членения выражаются имплицитно: *Высокая и крутая радуга – к ведру, пологая и низкая – к ненастью; Месяц на копытцах – к холоду, на спине – к теплу; Глухой гром – к тихому дождю, резкий, взрывной – к ливню.*

Рассмотрим примеры:

а). *Туман падает (не подымается) – к ведру, подымается – к ненастью.*

На первом уровне вычленяются два компонента, соединенных бессоюзной связью, выражающей отношение сопоставления прежде всего на лексическом уровне: словами одной лексико-семантической группы (*ведро – ненастье*), антонимами (*падает – подымается*).

На втором уровне – внутри компонентов-блоков – бессоюзные предложения с недифференцированными условно-временными отношениями.

б). *Звезды зимой сыплются с неба – к снегу, а летом – к дождю*

На первом уровне членения выделяются два компонента-блока, соединенных сочинительным союзом *а* и интонацией, выражающими сопоставительные отношения. Значение сопоставления поддерживается

использованием слов одной лексико-семантической группы (зимой-летом; снег-дождь).

На втором уровне – выделяются два двучленных сложных бессоюзных предложения с недифференцированным условно-временным значением.

В предложении может быть три, четыре и более компонентов-блоков: *Луна ярка – к ведру, бледна, мутна – к дождю, зимою к снегу, красновата – к ветру; Перед дождем луна бывает мутновата или бледна, перед ведром – чиста и ярка; Рога луны остры и ярки – к ведру, пологи – к ненастью, круты – к морозу; Первый гром при северном ветре – холодная весна; при восточном – сухая и теплая, а при южном – ждать лета теплого, при западном – мокрая, но перейдет в жаркое лето; Тусклый месяц – к мокроте, ясный – к суху, а в синеве – к дождю, в краске – к ветру.*

В многочленных сложных предложениях происходит структурное преобразование предикативных частей под влиянием структуры целого. Для структуры МСП характерен синтаксический параллелизм, основанный на фиксации разных сторон, разных качеств, свойств одного и того же природного явления. При этом само явление может повторяться в обоих компонентах: *Если гром глухой – к тихому дождю, гром гулкий – к ливню; Выпавшая обильная утренняя роса – к хорошей погоде, а если роса отсутствует – к ухудшению погоды; Вечернее небо красного цвета – к ведренной погоде, а если небо и утром красное – к ненастью; Плывающие на горизонте с севера кучевые облака – признак ведра, а если облака плывут при тихом ветре – предвещают дождь.*

Такое же повторение характерно для предложений, в которых выражаются аналогичные условия: *Макрида мокра – и осень мокра, суха – и осень тоже.*

Аналогичность может подчеркиваться использованием сочетания *то же самое*: *Лед весенний тонет – к плохому лету; то же самое, если лед остается на берегу; Если во время грозы идут с шумом большие темные*

тучи, будет град, то же самое, если идут темно-синие тучи, а среди них – белые.

Соотношение явления-условия в первом и во втором компоненте осуществляется анафорическими местоименными словами: *С востока на запад медленно плывут перистые облака – предвещают сухую погоду, а если они быстро перемещаются с запада на восток – признак ненастья; В утреннем небе двигаются облака в виде барашек – признак хорошей погоды, а если они будут идти весь день – предвещает ненастье или дождь.*

Явление во втором компоненте не называется, предложение-условие характеризуется структурной неполнотой: *Красная вечерняя заря – к ветру, бледная – к дождю; При заходе солнца появляются кольцеобразные облака – признак дождя, а если в барашках – к ясной погоде; Вновь зародившаяся молодая луна появилась с острыми концами – признак хорошей погоды, а если с тупыми – к ненастью; Долгий гром – к ненастью, отрывистый – к просветлению, а если ударит резко и с долгими раскатами – к сильному кратковременному дождю.*

В первом и втором компонентах есть лексические единицы, относящиеся к одной лексико-семантической группе или ассоциативно связанные друг с другом в семантическом плане: *Коли скот ложится под кровлю – к ненастью, а на дворе – к ведру; Среди лета на растительности появляются желтые листья – к ранней осени, и если с дерева упал хоть один лист – также к скорой осени.*

Противопоставляться может:

- временная локализация явлений: *Ясная круторогая луна летом – к ведру, зимою – к стуже; Красные облака до восхода – к ветру, тучи – к дождю, красные при закате – к ведру и ветру; На сретенье утром снег - урожай ранних хлебов; если в полдень – средних, если к вечеру – поздних; Ранний рассвет – к хорошей погоде, поздний – к ненастью; Ясное утро на Юрья – ранний сев, ясный вечер - поздний (новгор.);*

- пространственная локализация: *Радуга на западе – будет дождь, на востоке – погода; Радуга с наветренной стороны – день будет дождливый, радуга с подветренной – день прояснится; Радуга стоит с севера на юг – к дождю, с востока на запад – к хорошей погоде; Устроил еж осенью нору на опушке – зима будет теплой, в глубине чащи – жди крепких морозов; На Луку южный ветер – к урожаю яровых, северо-западный – к скорому лету, восточный – к наносным болезням; Если горох сеять при северном ветре, будет жидок; при западном и юго-западном – мелок и червив;*

- признаки по цвету, форме, размеру, интенсивности свечения и т.д.: *Зеленая радуга – к дождю, желтая – к хорошей погоде, красная – к жаре и ветру; Обильные росы вечером и утром – к ведру, а если же трава сухая – жди дождя; Сильная роса – к ведру, сухорос – к дождю; Утки кричат и плещутся – на дождь, а тихи – на грозу, гром; Свинья чешется – к теплу, а визжит (ревет) – к ненастью;*

- количественные признаки: *На св.Петра дождь – урожай неплохой, два дождя – хороший, три – богатый.*

Общий второстепенный член способствует усилению синтаксического параллелизма: *В лесу много рябины – осень будет дождливая, а мало – сухая;*

Единичны случаи, когда обуславливающие части сообщают о разных природных процессах, осуществление которых детерминировано разными явлениями, выраженными в обусловленной части: *Иней на деревьях – к морозам, туман – к оттепели;*

Предложения могут иметь общий второстепенный член: *На Ильин день дождь, будет мало пожаров, ведро – много; На Юрия снег (крупа) – урожай на гречу, на Юрия дождь – гречи нерод (белор.).*

Здесь выделяются те же модели, что и в конструкциях с одним субъектом:

МСП с бессоюзной связью и подчинением (основная связь – бессоюзная): *Коли береза перед ольхой лист распустит, то лето будет сухое; если ольха наперед – мокрое;*

- бессоюзной связью на первом и на втором уровнях членения: *Касьян на скот взглянет – скот валится, на дерево – дерево сохнет;*

- сочинительной на первом уровне членения и подчинительной, и бессоюзной на втором уровне членения: *Коли рожь тронется в рост наперед – быть ржи хорошей, а трава – так травам;*

- сочинительной как основной на втором уровне членения:

2) К данному типу МСП относятся предложения, в которых главная часть сообщает о природном процессе, осуществление которого детерминировано разными явлениями, выраженными в придаточной части-блоке. Типичным способом репрезентации такой семантики являются:

А). Многокомпонентные сложноподчиненные предложения типа: *Если закат чист, спокойная вечерняя заря, дождя не будет.*

Формальным признаком организации МПС служит пропуск одного из повторяющихся подчинительных союзов при однородном соподчинении частей. На первом уровне членения выделяется компонент-блок и элементарное предложение, связанные подчинительной связью с недифференцированным условно-временным значением, выраженным союзами *если, когда, коли*. На втором уровне членения – бессоюзное сложное предложение с перечислительными отношениями. Явления, указанные в придаточных частях, происходят одновременно, на что указывает употребление общего второстепенного члена: *Если на Астафья туманно и тепло, по проулкам летит белая длинная паутина – к благоприятной осени и нескорому снегу; Если в поле звук отчетливо слышен, далеко разносится эхо – будет дождь; Если зимою дул ветер и не было инея, будет буран;* лексический повтор компонентов предложения: *Если весною дружно тает снег и дружно бежит вода – к мокрому лету и урожаю; Если прошлой осенью снегу нанесло*

рано и рано остановились реки, то и весна будет ранняя; Коли много тетеньки, дикие гуси садятся, скворцы еще не отлетают – осень будет протяжная и сухая.

Если события происходят одновременно, на втором уровне членения употребляется сложносочиненное предложение с недифференцированным союзом *и*: *Когда осень мочлива и в мае дождь – травы будут хороши.*

Союз *и* в последнем предложении близок по значению к сопоставительному *а*: *Если ранней весной сверкает молния, а грома не слышно, то лето будет сухое.*

Хотя порядок расположения частей фиксированный, однако в русском языке он может меняться: постпозитивно располагается коммуникативно более значимая придаточная часть: *Будет дождь или ненастье, если кучевые облака начинают растекаться, а выше них небо затягивается мутной пленкой; Будет дождь или ненастье, если днем становится прохладнее, ночью – теплее.*

Б). Ко второму типу относятся предложения типа: *Млечный Путь тусклый, а луна бледная – к дождю*, в которых на первом уровне членения выделяется бессоюзное сложное предложение с недифференцированным условно-сопоставительным значением. На втором уровне членения – сложносочиненное предложение с сопоставительным значением, выраженным союзом *а* и интонацией.

К дополнительным средствам связи относятся общность модально-временных планов, однотипность лексического наполнения – использование слов, относящихся к одной и той же лексико-семантической группе: *Ранняя роса летом, а осенью иней – к ведру; Много орехов, а грибов нет – зима будет снежная и суровая; Не будет грозы, а будут губны (грибные) дожди – ягод и грибов будет вдоволь;*

- характерно использование общего второстепенного члена, указывающего на одновременность явлений: *Весной снег тает быстро, а вода*

бежит дружно – к сырому лету; Ночью нет росы, а в низинах нет тумана – к ненастью;

- или разных второстепенных членов, указывающих на последовательность явлений: *Целый день шел тихий дождь, а к вечеру появился западный ветер – признак продолжительного дождя; Перед восходом солнца выпали обильные росы, а ночной и утренний туман рассеялся – к ясной погоде.*

Предсказательность условия может усиливаться при одновременности двух явлений в предложениях типа: *Зашумит река и закричит лягушка – будет дождь; Влажное лето и теплая осень – к долгой зиме.*

В предложениях два уровня членения. На первом выделяются компонент-блок и элементарная предикативная единица, образующие сложное бессоюзное предложение с недифференцированным условно-временным значением.

На втором уровне членения фиксируется сложносочиненное предложение. Предикативные части связаны соединительным союзом *и* и интонацией. Дополнительные средства связи – соотнесенность видовременных форм глаголов-сказуемых, наличие лексических единиц, ассоциативно связанных друг с другом в семантическом плане. Отношения – соединительно-перечислительные (одновременность).

Явления, зафиксированные в компоненте-блоке, могут иметь значение противительно-ограничительные: действие, о котором сообщается в втором предложении, сводит на нет предсказательную силу действия первого предложения. Противительно-ограничительное значение выражается союзом *однако*. На первом уровне вычленяется сложное бессоюзное предложение недифференцированного типа с условно-причинным значением, которое выражается использованием модального слова *значит*: *Надвигается гроза, однако пчелы не прячутся в улей – значит, дождя не будет.*

В). В третью группу входят предложения типа: *Птицы ощипываются, кошки лизжут лапу – к ведру.*

Предложение имеет два уровня членения. На первом уровне членения выделяются компонент-блок и элементарное предложение, связанные бессоюзной связью. Отношения недифференцированные условно-временные.

На втором уровне членения - две предикативные единицы, связанные бессоюзной связью, с дифференцированными перечислительными отношениями, базирующимися на синтаксическом параллелизме однотипных частей, имеющих одинаковый порядок слов (подлежащее препозитивно, сказуемое - постпозитивно), использующих слова одной и той же лексико-семантической группы: *Воробьи щебечут, сыч кричит по ночам – к дождю; Вороны играют кверху, толкуньи (мошки) толкутся – к ведру; Густой туман пал с предзакатья, соловьи громко свищут – завтра и послезавтра будет погожая погода.*

Особую группу составляют предложения, на первом уровне которых выделяется бессоюзная пояснительная связь, на втором - подчинительная, сочинительная или бессоюзная: *На Лаврентия смотрят в полдни на воду: коли тиха, то осень будет тихая, а зима без вьюг; На Астафья примечай ветер: северный к стуже; южный к теплу; западный к мокроте; восточный к ведру; Встреча солнца с месяцем: добрая – ясный день и хорошее лето; худая – ненастье и плохое лето; Второй день февраля весну показывает: солнечно – к красной весне, пасмурно – жди поздних метелей;*

Многоаспектный подход к анализу семантической структуры народных примет позволил обнаружить в них номинативный (пропозитивный компонент), соотнесенный с фрагментом объективной действительности, а также коммуникативно-прагматический, эксплицирующий модальный компонент, связанный с реализацией познавательных и коммуникативно-прагматических установок; для понимания и детального описания роли ЯКМ в формировании мировоззрения человека необходимо преодолеть известный

традиционализм лингвистики и обратиться к другим областям знания: психолингвистике, этнографии, социолингвистике, культурологии и др.

Исходя из понимания синтаксиса как способа функционирования лексических единиц, считаем, что источником наблюдений над особенностями национальной ментальности может служить не только лексическая, но и грамматическая система национального языка. Например, природная лексика имплицитно содержит информацию о функционировании в определенных конструкциях (односоставных именных предложениях); - в рассмотренных народных приметах можно увидеть структуры, организованные определенным комплексом семантико-синтаксических компонентов. Общность этого комплекса для всех типов народных примет предопределена общим значением их типовой ситуации.

Анализ семантической структуры паремий позволил обнаружить в ней иерархически организованный характер семантики, представляющей собой многослойное образование, имплицитно или эксплицитно представленное в разных категориальных типах народных примет; прослежено взаимодействие и взаимосвязь имплицитных и эксплицитных факторов не только на глубинном (семантическом) уровне, но и на уровне формальной репрезентации категориального значения, что позволило выявить тенденции к редукции, лаконизации, свертыванию инвариантной конструкции в русском языке.

Структуры народных примет рассмотрены в системных связях, взаимодействиях, основанных на способностях сложного и простого предложений выражать тождественные или аналогичные отношения. Изоморфизм простого и сложного предложений позволяет трактовать сложные как полипропозитивные и полипредикативные, а простые - полипропозитивные, но монопредикативные предложения. Выделены конструкции, которые находятся в точке пересечения простых и сложных - полипропозитивные, со свернутой предикативностью; словоформа, занимающая синтаксическую позицию, аналогичную позиции придаточного

предложения и обозначающая сходную с ним ситуацию, обладает предикативными категориями модальности и времени, выражаемыми имплицитно.

Часть III. СИНТАКСИС БЫТОВЫХ ПРИМЕТ

3.1. Семантика альтернативной мотивации в народных приметах

Народные приметы – самый древний памятник народного фольклора. Основные функции примет: прогностическая, или предсказательная, суть которой состоит в предсказании будущего, кумулятивная и трансляционная, отражающие процесс передачи от поколения к поколению практической мудрости народа, его опыта и знаний, накопленных веками. Приметам народ доверял больше, чем календарям, приметы регламентировали всю жизнь человека, начиная с младенчества и до седых волос. Приметам нужно было верить, их нужно было соблюдать, чтобы избежать неприятных последствий различных бытовых действий. Устойчивость примет и суеверий связана, очевидно, с тем, что они чаще всего сбывались, так как народ на протяжении веков отбирал и хранил в памяти то, в чем видел закономерность, пусть и основанную на разных признаках. Следовательно, народные приметы содержат правила поведения в той или иной ситуации, запреты и рекомендации, следование которым приводит к положительному или отрицательному результату.

Поведенческие коды общества складываются «исторически и существуют в виде неписаных и писаных законов» [Мечковская, с. 297]. Неписанные законы основаны на убежденности, что *так все делают, так ведется издавна, так все делают, и я должен делать*. Осознание того, что его благополучие и стабильность зависят от беспрекословного выполнения правил поведения, помогала архетипическому человеку чувствовать себя уверенно в мире. Изучение структуры малых жанров фольклора, широко развернувшееся в последнее время как в отечественной, так и зарубежной лингвофольклористике, позволило выявить в них то общее, универсальное, что объединяет их: они выполняют дидактическую функцию, обучая метаязыку, логическим основам мышления. Народные приметы кодифицируют будничную жизнь и поведение человека, формируя

универсальные правила, которые могут быть приложены к широкому кругу повседневных явлений. Свод правил кодифицированного поведения имеет свою стандартную, легко запоминающуюся форму, построенную по формуле «если..., то». Это классическая вопросно-ответная форма, являющаяся универсальной для разного рода текстов, репрезентирующих структуру мира и при любой формальной выраженности содержащая вопрос: *Почему нужно поступать так, а не иначе? Что произойдет, если сделать иначе?* Левая часть содержит совет, запрет, указание, предписание, предостережение, примету, правая часть – это собственно результат, возникающий при соблюдении / нарушении условия левой части или это может быть нравственная оценка то, о чем говорится в левой части. В способах связи левой и правой частей приметы выявляются скрытые мифологические значения, мифологические прототипы, часто не имеющие ничего общего с обыденным поведением. Поведенческие коды нужно было заучивать и строго им следовать. И такого рода формулы имеют свою синтаксическую структуру, наиболее полно содержащую все составные компоненты: запрет / разрешение – указание на необходимость выполнения – предостережение – указание на негативные последствия. Структура народных примет может быть полной (левая и правая части), усеченной, представленной только левой или правой частью, расширенной, построенной по схеме «если..., то *делай/не делай так*». Однако в любом случае примета имеет биноминативную семантическую структуру, формируемую двумя пропозициями, поставленными в зависимость друг от друга. Типичной синтаксической формой выражения народных примет являются условно-временные предложения, однако на периферии находятся и другие синтаксические формы, имплицитно выражающие протопитическую условно-временную семантику. Это могут быть как альтернативной мотивации, так и предложения целевые, местоименно-соотнесительные. Предложения альтернативной мотивации – зеркальное отражение основной

конструкции: *Кучер на козлы забирается с правой ноги – иначе пути не будет // А если кучер на козлы забирается с левой ноги – пути не будет.*

Явление альтернативной мотивации не укладывается в рамки существующих классификаций, его нельзя бесспорно отнести к определенному грамматическому разряду, они рассматриваются и как сложносочиненные предложения [Русская грамматика, Т. II, 1980], сложноподчиненные [Грамматика 1970], как особая группа предложений [Белошапкина 1970]. В народных приметах функционирует особая форма предложений, построенных по схеме «*а если не..., то*» и имеющих условно-следственный характер.

Значение альтернативной мотивации выражается в предложениях с союзами *иначе* («в противном случае»), *а то, не то (а не то)*, при этом побуждение к действию реализуется в утвердительных предложениях, а предостережение от нежелательных действий реализуется в отрицательных предложениях: *Вилку после еды нужно переворачивать зубцами вниз, иначе случится неприятность; Не приглашайте в крестные овдовевшего человека, в противном случае в будущем ваш ребенок может овдоветь; Если курица петухом запела, надо ей голову рубить, не то беду накличет; До Иванова дня женщины ягод не едят, а то дети умирать будут.*

Основные модели народных примет со значением альтернативной мотивации подразделяются на эксплицитные и имплицитные.

Эксплицитные модели с союзом *иначе* наиболее частотны (189 примеров), их можно разделить на три группы по степени выраженности условного компонента:

I. а) с выраженным условным компонентом (союзами *если, когда*) имеют четырехкомпонентную структуру: *(Если А, то надо (нужно, необходимо) Б, иначе если этого не последует, то С).*

Лишь при соблюдении определенных условий можно избежать негативных последствий: *Когда в доме покойник, все зеркала завешивают, иначе душа может заблудиться в зеркальном лабиринте); Когда куличи*

пекутся, надо шепотом разговаривать, иначе они осядут; Если за стол садятся тринадцать человек, то нужно поставить еще один стул и посадить какую-нибудь игрушку или что-то положить, иначе явится черт и будет пировать вместе с гостями; Если мимо дома движется похоронная процессия, надо всех спящих разбудить – иначе покойник может забрать с собой душу спящего.

I. б) с не невыраженным условно-временным компонентом (78 примеров). Данная конструкция может иметь утвердительный вариант, левая часть регламентирует то или иное поведение, осуществление того или иного действия, причем требуется строго следовать правилам: *(А., иначе если это не последует, будет Б): Убитого ужа следует повесить на осине, иначе он оживет и укусит; Закончив читать книгу, закрой – иначе черт будет ее за тебя читать, а ты все забудешь: Белье невзначай наизнанку надел – проси домашних по спине постучать, иначе битым будешь.*

Народные приметы с невыраженным условно-временным компонентом построены по трехчленной модели, левая часть указывает на условие, не соблюдение которого приводит к неудаче, эксплицируемой отрицательной конструкцией: *(А., иначе если не этого не последует, не будет Б):*

Сваха перед началом переговоров о свадьбе греет руки у печи – иначе толку от сговора не будет // Сваха перед началом переговоров о свадьбе греет руки у печи – иначе, если сваха перед началом переговоров о свадьбе не греет руки у печи, толку от сговора не будет. Кучер на козлы забирается с правой ноги – иначе пути не будет; При сборе лекарственных трав в лесу оставляли хлеб и соль или мелкую монетку, иначе трава не будет иметь целебной силы; Первого покупателя не упусти ни за что – иначе торговли не будет.

Конструкции с союзами *а то, не то, а не то* менее частотны, семантика данных союзов проявляется там, где эти союзы «конструируют ситуацию... предостерегающего условия (совета)» [Кручинина, с. 184], реализуемого в

конструкциях с императивом или с модальными словами *надо, нужно*: *Встретив монаха, тут же сделай в кармане кукиш, не то ждет неприятность; Когда в доме подметаешь, мети не к порогу, а от порога – не то все богатство выметешь; Не пей нападкой (то есть лежа или встав на колени), не то подтолкнет черт лопаткой; Залетела бабочка в дом – выпусти, а то будет несчастье; За подаренного кота обязательно надо дать выкуп, а то либо погибнет, либо убежит; Если за столом попросят передать соль, обязательно надо улыбаться, передавая, – не то поссоритесь; Если курица петухом запела, надо ей голову рубить, не то беду накличет.*

Народные приметы с семантикой альтернативной мотивации осложняются в одной из частей (левой-правой) семантикой запрета-превентива, когда говорящий запрещает адресату предпринимать какое-либо действие. План содержания семантики запрета формируется под влиянием норм поведения, смысл которых не допустить осуществления нежелательного действия со стороны адресата. В область запрета интегрируются значения долженствования или необходимости действия. Семантика запрета в народных приметах имеет систему разноуровневых средств выражения, к которым относятся лексические (нельзя, надо, должно, запрещено), морфолого-синтаксические (односоставные инфинитивные, безличные, обобщенно-личные предложения).

В народных приметах микрополе запрета имеет два основных способа вербализации: эксплицитный и имплицитный. Прямой запрет реализуется в модели: *(нельзя А, иначе будет В)*. Модальное слово *нельзя* – это «формула категорического запрета на речь, мысль или действие, признанные всегда или условно принимаемые здесь и сейчас как невозможные, предосудительные или вредные» [Словарь русской ментальности, с. 505].

Беременной женщине нельзя через порог разговаривать, иначе дети будут немыми; Нельзя класть ключи куда попало, стучать ими, бросать на стол, а то выйдет ссора в доме; Нельзя есть в темноте и украдкой, не то

дети ворами станут; Нельзя на пояс свадебного платья прикалывать цветы, иначе у вас будут тяжелые роды; Мальчика до семи лет наголо стричь нельзя, иначе у него будет слабое потомство (волосы можно лишь подравнять); Если с утра поет кукушка – крышу дома в этот день чинить нельзя – (иначе) прохудится; Нельзя стричь ребенка до года – (иначе) вырастет бедным; Беременной перед родами стричь волосы нельзя: (иначе) ребенок может родиться мертвым.

Моделирование поведения может быть связано с такой категорией, как должностное – «обязанность исполнения задуманного или повеленного, необходимость совершиться или исполниться по высшей воле» [Словарь русской ментальности, с. 215], то, что субъект должен исполнить согласно долгу или по обязанности: *Утром накануне свадьбы невеста не должна видеть жениха, иначе ее замужество будет неудачным; Во время венчания молодые не должны смотреть в глаза друг другу или на свечи, иначе возможны измены; Брат и сестра не должны венчаться в один год, иначе их семейная жизнь не сложится; Беременная женщина не должна переступать беременную кошку, иначе ее ребенок будет капризным и крикливым; Беременная женщина ни в коем случае не должна отдавать остатки своей еды собаке, иначе ребенок родится глупым; Беременная женщина не должна собирать хлебные крошки со стола, иначе ее ребенок проживет жизнь в нищете.*

Прямой запрет может быть эксплицирован отрицательными прохибитивными императивными предложениями с предикативными центрами, выраженными формами повелительного наклонения глаголов несовершенного вида. Эксплицитное выражение семантики запрета категорично, оно не допускает альтернативного поведения, такие запреты нужно выполнять, не подвергая сомнению, так как выбор между хорошо/плохо осуществляется на высшем уровне.

Модель «Не (инф. нес. в.) А, а иначе Б»: *Не начинай строить дом на старости лет, а то скорей умрешь // Если начнешь строить дом на*

старости лет, скорей умрешь; Ладонью крошки со стола не смахивай, а то этой же ладонью крошки просить придется; Подавая икону для благословения молодых, не споткнитесь, иначе у молодых детей не будет; Не надевайте короткую фату, иначе ваши дети будут болеть; Не сиди на пороге – (иначе) заболеешь; Вечером мусор не выбрасывай (иначе) могут обворовать; Не спи возле белены – (иначе) не проснешься; Пустую бутылку на столе не держи – (иначе) денег не будет.

Косвенный запрет связан с констатацией определенного факта, вербализованного в обобщенно-личных предложениях, соблюдение общепринятого, не подвергаемого сомнениям («все так делают») позволит избежать негативных последствий: *До Иванова дня женщины ягод не едят, а то дети умирать будут; Мусор вечером не выбрасывают – иначе быть ограбленным.*

Таким образом, народные приметы – это живые, развивающиеся фольклорные конструкции, содержащие определенные правила и нормы поведения в повседневной жизни, имеющие прочную связь с ритуалами и традициями, которые пронизывают повседневную жизнь любого человека, осознанно или неосознанно следующего им. Поведенческие коды с указанием способа противодействия или содействия определенным предписаниям, запретам, предостережениям находят отражение в устойчивой, фразеологизированной структуре, построенной по модели «А..., иначе если не Б, то будет С» с семантикой альтернативной мотивации.

3.2. Функционирование целевых конструкций в народных приметах

Как известно, лингвистика долгое время изучала лишь грамматический, семантический уровни языка, в настоящее время развитие научной мысли нацеливает исследователя на изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью. История мышления народа, специфика менталитета

(народные знания, представления) отражены в языке, а потому культура остается в пределах языка, чем и обеспечивается перспективность исследования культуры народа лингвистическими методами.

Наивная модель мироздания, будучи общей для всех представителей той или иной культуры, формирует основу ментальной картины мира, при этом общность и преемственность наивной картины мира обеспечивается общностью и преемственностью языка.

Сфера религиозно-мистического, мифологического и народного опыта в последние годы активно изучается и анализируется в разных аспектах и с разных точек зрения (Кулькова М.А., Туганова С.С., Вагнер К.Р., Харченко В.К., Тонкова и т.д.). В традициях казанской лингвистической школы народные приметы определяются как устойчивые конструкции, фиксирующие коллективный опыт наблюдений и прогнозирования результатов взаимодействия человека и природы. В основе классификации народных примет лежит принцип ожидания как особый тип психического реагирования (Колосова, Черемисина), которое транслируется от поколения к поколению. В соответствии с этим приметы мы делим на две группы: с ожидаемыми следствиями (прогностические) и с желаемыми следствиями (суеверные, или бытовые).

Формирование семантической структуры народных примет как прогностических, так и суеверных обусловлено целым рядом обязательных семантико-синтаксических значений, в первую очередь кондициональными, осложненными временными и причинными. В этой связи особый интерес представляют приметы, зафиксированные в форме целевых конструкций, но выступающих как синонимы к основному семантическому типу.

Доминирующей в семантической структуре примет является семантика предсказания, рассматриваемая как поиск следствий определенных причин и включающая модальные характеристики неизбежности, возможности и необходимости. Как известно, в сложноподчиненных предложениях со значением цели сообщается о

«ситуации, которая предусмотрена, желательна, намечается к осуществлению; придаточное информирует о назначении того, о чем сообщается в главном. Целевые отношения построены на соотношении ситуаций, каждая из которых заключает в себе признак достаточного основания: главная часть сообщает о предпосылке, которая предопределяет, обеспечивает ожидаемое следствие, придаточная сообщает о стимуле» [Русская грамматика, с. 594]. На пересечении ряда семантических координат выстраивается особый модельный тип примет, программирующий повседневную жизнь того или иного народа. Речь идет о так называемых суеверных приметах, содержащих правила поведения в той или иной ситуации, запреты и рекомендации, следование которым приводит к положительному или отрицательному результату.

Приметы, имеющие формальную фиксацию в форме целевых предложений, сохраняют классифицирующее условно-временное значение, мы имеем как бы зеркальное отражение типовой формы приметы, осложненное значениями ультимативного условия (угрозы), предостерегающего условия (совета) условия предложения, просьбы, уговора. Сравните: *Чтобы большие огурцы родились, зарывают в гряде пест* – *Если зарыть в гряде пест, большие огурцы родятся.*

Семантика аналогичности (в данном случае формы песта и огурца) позволяет установить семантическую связь между пропозицией-условием и пропозицией-следствием с учетом связей между явлениями объективной действительности, субъективно вычленяемых говорящим. Синтаксическая форма реализации семантики аналогичности привязана к типу народных примет, а именно: к суеверным приметам.

Нейтрализация собственно-целевого значения возможна прежде всего в силу переключения семантики главной части с выражения целенаправленного, активного действия, носителем которого является конкретный субъект, на выражение действия, носителем которого является

обобщенный субъект: *Закармливают кур гречихой из правого рукава, чтобы раньше неслись; Спутывают ноги столу, чтобы скот не бегал и т.п.*

Смысловая специфика сложноподчиненного целевого предложения проявляется в трех основных типах значений: 1) левая часть содержит определенное, часто ритуализованное, действие, выполнение которого требуется для достижения определенной цели. Схема «А..., чтобы В»: *При кончине человека ставят воду на окно, чтоб душа обмылась; В прорубь втыкают кнут, чтобы лошади шли ко двору (воронежская); На Симеона привязывают к лошади кнуты, рукавицы и онучи, чтобы усмирить домового.*

2) левая часть содержит указание на желательность действие, выполнение которого приводит к целесообразному и полезному, основанному или на аналогичности предметов по форме, функции: *В свят вечер тугие клубни пряжи мотать, чтобы кочни капусты туги были; На Власия овчары окликают звезды, чтобы овцы ягнились; В Иордань втыкают палку, чтобы плодились пчелы и голуби; Остригая ногти, складывать и хранить при себе, чтоб было чем взлезть в царство небесное (на Сионскую гору);* или на реальных действиях, проверенных практикой: *В великий четверток парят кринки можжевелом, чтоб был хорош верх (сливки); В чистый четверток золу выносят в курятник, чтоб куры неслись; В Иордани после молебна купаются больные, чтобы изгнать болезни; Перед Рождеством все деревья в садах обвязывать соломенным «перевеслом», чтобы они хорошо родили;* 3) левая часть содержит указание на определенное действие, которое предписывается адресату в форме совета или пожелания и которое нужно произвести, чтобы преодолеть нежелательные последствия. Схема «А..., чтобы не В...»: *Зеркала в доме, где покойник, занавешивают, чтоб он не мог в них смотреться; Бросают горсть земли в могилу, чтоб не бояться покойника; Чистый снег подмешивают в корм коровам и лошадям, чтобы не мерзли; На Трифона (14 февраля) закликают мышей, чтобы не портили скирды с хлебом.*

При актуализации целевого значения, придаточная часть может предшествовать главной – страховочному условию: *Чтоб не слишком тосковать по покойнике, натираться против сердца землей из могилы (ком могильной земли к сердцу – скорбь отляжет); Чтобы не бояться покойника, хватают его за ноги.*

4). Левая часть содержит запрет для достижения цели, необходимый для того, чтобы не случилось негативных нежелательных последствий, фиксируемых в правой части. Схема «не А..., чтобы не В...»: *На память обновления Царяграда не сеют, чтобы градом не выбило хлеба; Не кормят кур, чтобы огородов не копали; На Егорья пастуха не окачивают, чтобы во все лето не дремал; Капусты в четверг не сажают, чтоб черви не поточили; Не покидать ниток на веретене к воскресному и праздничному дню, чтоб не рвались.*

Смысловая специфика целевого союза наиболее ярко выявляется в предложениях, в которых главная часть выражается односоставными личными (определенно-, неопределенно- и обобщенно-), безличными и инфинитивными предложениями, где союз *чтобы*, взаимодействуя с личными формами глагола и формами повелительного наклонения, способен отражать ситуации предостерегающего условия, а также условия достижения положительного результата или условия уговора, предложения, просьбы.

Наиболее востребованными в системе народных примет оказались конструкции, главная часть которых имеет форму односоставного безличного предложения с главным членом – сложным сказуемым с модальным значением необходимости, реализуемым в модели «надо, нужно, необходимо + инфинитив»; придаточная часть может иметь форму как односоставного, так и двусоставного предложения. Придаточная часть в силу своей большей значимости, как правило, препозитивна: *Чтобы успешно сдать экзамен, следует перед ним поискать цветок сирени с пятью лепестками и, найдя, тут же съесть; Чтобы водились деньги, нужно носить в кошельке орех-двойчатку (два сросшихся ореха); Чтобы*

путешествие было благополучным, надо носить на теле полынь и вербену; Чтобы цветы хорошо прижились, нужно дать за них хотя бы мелкую монету. Придаточная часть возможна и в постпозиции: Надо стараться первым поздороваться с экзаменатором, чтобы он тебя не сглазил; При первом громе надо лицо умыть, чтобы грома не бояться.

Придаточная часть имеет форму двусоставного предложения (полного или неполного), главная часть – односоставная обобщенно-личная, сказуемое которой находится в форме 3-го лица мн.ч. настоящего или будущего времени или мн.ч. прошедшего времени изъявительного наклонения, имеющей обобщенное значение «все так поступают». Главная часть – утвердительное предложение содержит побуждение к действию, отрицательное предложение – предостережение от нежелательных действий или от несоблюдения определенных правил и запретов: *Чтобы кикимора кур не воровал, вешают над насестью, на лыке, отбитое горло кувшина; Чтоб собаки не бесились, щенят протаскивают сквозь ступицу колесную; В великий четверг стегают скот вереском, чтоб не лягался; Капусту в четверг не сажают, чтоб черви не поточили; Посреди сруба иногда сажают живое деревце или прикрепляют зеленую ветку, чтобы дом дольше простоял.*

Главное предложение односоставное обобщенно-личное, придаточное – односоставное инфинитивное, передающее значение ультимативного условия: *Веником бьют плодовые деревья, чтобы обеспечить хороший урожай; Бросают горсть земли в могилу, чтоб не бояться покойника; Чтобы не бояться покойника, хватают его за ноги.*

Главное и придаточное предложения односоставные инфинитивные: *На ночь избу подпахать, чтоб ангелам чисто прохаживаться; Чтоб не слишком тосковать по покойнике, натираться против сердца землей из могилы (Ком могильной земли к сердцу – скорбь отляжет) На Власий не работать, чтобы предохранить свой скот от падения.*

Таким образом, анализ нашего материала показал, что наряду с типичной условно-временной семантикой в суеверных народных приметах оказывается востребованной и целевая семантика, наиболее эксплицитно проявляющая те следствия, которые неизбежно вытекают при соблюдении/несоблюдении определенных условий.

3.3. Синкретичные местоименно-соотносительные конструкции в народных приметах

С давних пор люди пытались уловить взаимосвязь между природными явлениями, обращая особое внимание на регулярно повторяющиеся фенологические события в природе, такие наблюдения складывались веками и нашли отражение в народных приметах, в которых заключена практическая мудрость народа, опыт, накопленный веками и бережно передаваемый из поколения в поколение. Народные приметы аккумулируют поразительно тонкие наблюдения, самые точные знания и нелепые суеверия, основанные на случайном сходстве явлений или на простом созвучье слов, в соответствии с чем делятся на метеорологические, сельскохозяйственные, бытовые и суеверные приметы, содержащих правила поведения в той или иной ситуации, запреты и рекомендации, следование которым приводит к положительному или отрицательному результату

В течение длительного времени народные приметы выработали свою особую синтаксическую форму, позволяющую передавать синкретичные условно-временные отношения, реализующие дополнительные значения предсказательности, обобщенности и аналогичности. Наряду с базовыми моделями, построенными по модели *если.. то*, существуют периферийные модели, осложненные добавочным неопределенным и неопределенно-условным значением, реализованным в предложениях с местоименно-относительной (анафорической) связью частей.

Актуализация условно-следственной семантики в моделях *кто... тот* определяется общим значением народных примет, ориентированных на выражение итеративного и обобщенного, генерализованного значения. Грамматическая семантика предсказательности, аналогичности равно присуща всем структурным разновидностям народных примет, построенным по разным моделям и формирующим трансформационную парадигму сложного предложения, сравните:

В сорочке родился – счастливый;

Кто в сорочке родился – тот счастливый;

Если в сорочке родился, счастливый.

Разные синтаксические модели могут совмещаться в одной конструкции, что свидетельствует об их определенной близости: *Если кто, сидя в компании, вдруг положит ногу на ногу, то последует молчание; Если кто подавился коркой хлеба, нужно вложить кусок того же хлеба в оба уха; Если кто слышит кукование кукушки справа от себя – жить ему богато, слева – к несчастью, прямо – к долголетию, сзади – скоро умрет; Если кто нечаянно съест паука – будет страдать водянкой или в животе будет опухоль.*

Местоименно-соотносительные отождествительные предложения используются, когда возникает необходимость менее категоричной, смягченной передачи определенной просьбы, пожелания, передать максимальную степень обобщенности, сравните, *Не сиди на пороге – заболеешь – Тот, кто сидит на пороге, заболеет.*

Средства связи в местоименно-соотносительных предложениях определяются в синтаксических работах по-разному: двухместные скрепы с прономинальным релятом (К-релят, Т-коррелят) [Колосова, Черемисина, с. 164-165]; соотносительная пара [Русская грамматика, с. 531]; коррелятивная группа, в которой значение следствия акцентируется частицей и коррелятивные слова, т.е. слова соотносительные и союзные [Русская грамматика, с. 830-831].

Наиболее частотными являются местоименно-соотносительные предложения, построенные по модели k/t (*кто...тот*), так как в таких конструкциях лицо, к которому отсылает местоименное слово в придаточном предложении, не названо, оно обобщено, относится к любому, всякому, находящему в таком в таком же положении, в такой же ситуации:

Кто на Кирика и Улиту жнет, тот маньяки видит (видения, мороку; ворон.); Кто кошку любит – тот дом от беды бережет.

Референция местоимения *кто* всегда личная, оно фиксируется в придаточных предложениях, построенных на презумпции наличия некоторого множества лиц, любое из которых соотносимо с предикатом придаточного предложения. Соотносительное местоимение *тот* не дифференцирует лицо ни по признаку единичности / неединичности, ни по признаку пола, возраста: *Кто обрезает ногти во вторник и четверг, у того появляются заусеницы; Кто свищет в ключ – тот просвищет память; У кого во время венчания свеча быстрее сгорит или погаснет, тот из брачующихся и умрет скорее.* При необходимости указать на конкретное лицо, используются другие модели: *Потеряет невеста булавку – потеряет удачу.*

Народные приметы, вербализованные в данной модели, могут рассматриваться как приметы с высокой степенью обобщения, которая дает возможность наблюдателю самому устанавливать условно-следственные связи между явлениями, происходящими в определенный временной промежуток. В придаточной части может содержаться указание на день месяцеслова: *Кто на Грачевника в новые лапти обуется, у того весь день будет шея скрыпеть; Кто на Палея (Пантелеймона) работает, у того гроза спалит хлеб; Кто сеет на Фрола, у того фролки будут;* день недели или другой временной отрезок: *Кто с утра смеется или песни поет – тот к вечеру будет плакать.*

Дифференциация лица по полу может быть дана в именной части составного именного сказуемого главного предложения, как правило, в

приметах дается указание на лицо мужского пола: *У кого на груди волосы растут – богатым будет; У кого тонкие губы – тот хитрый и лукавый, у кого толстые – чувственный; У кого быстро растут волосы, тот счастливый; У кого быстро растут ногти, тот несчастный; Кто суп (первое) не ест, тот плохой работник.* Возможно прямое указание на пол: *Кто из незамужних девушек раньше поставит свечу в церкви на праздник Покрова – та раньше других и выйдет замуж.*

Степень обобщенности связана с формами времени предикатов местоименно-соотнесительного предложения. Типичным способом выражения обобщенности является предикат в форме наст. вр. нес. в., так как оно способно выражать частую, многократную, периодически повторяющуюся или регулярно воспроизводимую связь ситуаций в неопределенном временном плане [Русская грамматика, с.570]. Суеверные приметы данной группы содержат констатацию какого-либо факта: *Пчелы не жальят того, кто имеет при себе клюв дятла; Кто обрезает ногти во вторник и четверг, у того появляются заусеницы; Кто при себе сухой хмель носит, тот от порчи спасается; Кто черствый хлеб ест, тот хорошо плавает и грозы не боится; Кто перед днем Ивана Купала надевает венок из черныбыльника на голову, того головная и глазная боль минует; Кто ест чеснок, того даже нечистая сила боится.*

Зачастую данное значение реализуется в безглагольных конструкциях в одной из частей: *Кто все четыре поста постится, за того все четыре евангелиста; У кого быстро растут ногти, тот несчастный;* или в обеих частях: *У кого жесткие волосы, у того тяжелый, неуступчивый характер, волосы мягкие – человек покладистый.*

В суеверных приметах более частотны формы будущего времени, так как они точнее передают значение потенциальности в его частных оттенках. *Кто проспит в первый день пасхи заутреню, того в понедельник обольют или купают водой; Кто срубит липу – тот заблудится в лесу; Кто наступит на тряпку, брошенную после перевязки раненого или ухода за больным, - то*

сам заболевает; Кто съест кусочек заячьего мяса – будет красавцем; Кто сон-траву съест, тот всю зиму проспит и будущее предсказывать сможет; Кто, возвращаясь домой, споткнется, тот с домашними поссорится.

Таксисные функции народных примет, базирующиеся на выражении отношений «предшествование – следование», получают выражение в приметах, предикат придаточной части которых имеет форму настоящего времени, главной части – будущего (простого или сложного) времени: *Кто в пост скоромное ест, у того рябая невеста будет; Кто перед Успением Пресвятой богородицы постится, тот от покушения лукавого сохранится; Кто носит с собою орех-двойчатку, тот богатым будет; Тот, кто нечаянно плюнет на свое платье, - вскоре получит какую-нибудь обнову; Тот, кто проглотит сердце крота, получит дар пророчества.*

Местоименно-соотносительные отождествительные предложения служат структурной основой для выражения семантики аналогичности, имеющей свои способы выражения, к которым относятся разного вида повторы: анадиплозис: *Кто в великий четверток легко и рано встает, встает рано во весь год*; лексические повторы: *Кто первым войдет в новый дом, тот первым из всей семьи и умрет; Кто первым заснет в первую ночь в новом доме, тот первый и умрет; Кто любит миндаль, тот и жену любит*, повтор слов одной лексико-семантической группы: *Кто срубит рябину, тот или сам долго не проживет или умрет кто-то из его семьи*; словообразовательный: *Кто спит с застегнутым воротом рубашки – проспит свою душу.*

Семантика аналогичности в суеверных приметах построена на разного рода символах, имплицитно прочитываемых в конкретных приметах, большая часть из них утрачена или забыта современным поколением, поэтому приметы зачастую кажутся нелепыми, необъяснимыми, странными. Например, примета: *Тот, кто родился в новолуние, будет жить долго и счастливо*, на первый взгляд кажется нелогичной, однако, как объясняет И. Панкеев, примета логична, «если учесть влияние Луны как на моря и океаны

(приливы и отливы), так и на тело человека, преимущественно состоящее из жидкости. «На возрастающей луне» матери легче рожать, ребенку – появляться на свет. Полнота же Луны трактуется как полнота жизни (долголетие) и богатство» [Панкеев, с. 16]. Еще одна примета: *Кто при себе сухой хмель носит, тот от порчи спасается.* «Хмель стоит в ряду природных оберегов в силу того, что используется и в медицине, и при изготовлении пищевых продуктов (например, пива). Следовательно, с ним связано представление о веселье и здоровье».

Анализ стратегий кодирования в суеверных приметах позволяет выделить две большие группы:

1) суеверные приметы, в которых определенные физические свойства человека приводят к положительному/отрицательному следствию. Здесь важно прочитывать разного рода знаки, данные человеку от рождения, чтобы спрогнозировать его жизненный сценарий, характер, умение общаться с другими людьми, чтобы предостеречь от возможных осложнений в будущем: *У кого редкие зубы – тот не будет долго жить; У кого на руке или ноге лишний, шестой, пальчик, тот дьяволом мечен; У кого на груди волосы растут – богатым будет; У кого тонкие губы – тот хитрый и лукавый, у кого толстые – чувственный.*

2) суеверные приметы, в которых определенные действия приводят к положительному /отрицательному следствию. К положительному следствию приводит умение правильно прочитывать символы, знаки, воспроизводство определенных знаний, оставленные нам предками, соблюдение ритуалов, к отрицательному следствию приводит незнание или нарушение определенных запретов:

Кто в пятницу перед сошествием Духа святого постится, тот от меча сохранится; Кто недоеденные куски бросает, а не птицам скармливает, тот бедным станет; Кто на поминки блины печет, тот о насыщении души покойного печется; Кто на Грачевника в новые лапти обуется, у того весь день будет шея скрипеть; У кого крошки изо рта

валятся – тот скоро умрет; Кто суп (первое) не ест, тот плохой работник; У кого к чистому понеделнику скоромь в зубах навязнет, тот чертей во сне видит; Кто ласточку убьет, того покинут удача в домашнем хозяйстве; Кто вербу своими руками у дома посадит, тот себе заступ готовит.

Итак, местоименно-соотносительные предложения, функционирующие в системе суеверных примет, характеризуются синкретизмом значений, поскольку являются периферийной моделью базовой условно-следственно конструкции. Взаимозаменяемость разных типов сложноподчиненных и бессоюзных предложений мотивирована семантикой предсказательности, обобщенности и аналогичности, в разной степени присущей всем моделям примет.

3.4. Бытовые приметы в телевизионном дискурсе (оппозиция *свой – чужой*)

Приметы рассматриваются как один из древних способов кодирования бытового поведения, беспрекословное соблюдение которых гарантировало архетипическому человеку стабильность и благополучие в повседневной жизни. Бытовые приметы фиксируют кодификацию будничной жизни, оформляя в виде устойчивых, хорошо структурированных моделей, дошедших до наших дней практически без изменений.

Цель работы – исследовать так называемые «псевдоприметы», которые лежат в основе телевизионного сериала «Слепая» (1200 серий), специфику их функционирования во временном континууме. Представленная парадигма новых примет эксплицирует новые свойства и признаки древнего жанра на основе системных и несистемных связей, возникающих на пересечении основных семантических координат, выстраивается особый модельный тип примет, свидетельствующий о попытке мифологизации сознания современного человека, поскольку телевидение, являясь эффективным средством внушения, размывает грани

между реальностью и вымышленным миром. Результаты исследования, проводимого в течение 30 лет, свидетельствуют о том, что если метеорологические и сельскохозяйственные приметы постепенно переходят в пассивный запас русского языка, то бытовые приметы активно используются в разных группах населения. В числе аргументов в пользу данного вывода можно отметить и появление значительного количества научных исследований, ориентированных на описание суеверий и на поиск ответа на вопросы: почему возникли суеверия, для чего они нужны, почему мы в них верим. Материал статьи позволил сформулировать объяснение оснований для прогнозирования наиболее вероятных причин столь широкого распространения бытовых примет.

Содержание словосочетания «народная примета» до сих пор чётко не определено, оно используется для обозначения разного рода устойчивых конструкций, построенных на наблюдении за взаимодействием человека с окружающей действительностью. Почти все публикации, связанные с описанием паремиологического фонда русского языка, включающего наряду с пословицами, поговорками и приметы, содержат указание на то, что приметы относятся к произведениям народного творчества особого рода. В XIX веке основное внимание исследователей было уделено вопросам происхождения малых жанров фольклора, отражению в них «первобытного мирозерцания», характеристике символической сущности подобных конструкций. Н. В. Крушевский, размышляя о природе возникновения заговоров, примет, предсказаний о погоде, поверий, писал: «ум человеческий всегда склонен смешивать наблюдение с выводом. ...Повсюду в природе первобытный человек видит явления, он делает вывод, что это суть действия, смешивает вывод с наблюдением и убеждён, что он видит повсюду действия» [Крушевский, с. 6]. А. Н. Афанасьев считает, что «примета всегда указывает на какое-нибудь соотношение, большею частью уже непонятное для народа, между явлениями физического и нравственного, из которых одно служит предвестием другого, непосредственно за ним следующего,

долженствующего сбыться в скором времени» [Афанасьев, с. 240]. По мнению А. А. Потебни, «примета в своем древнейшем виде есть развитие отдельного слова, видоизменение сравнения», он указывает на причинно-следственную связь двух явлений: «примета предполагает, что лежащие в её основании члены сравнения тесно ассоциировались между собою и расположились так, что в действительности дан только первый вызывающий своим присутствием ожидание второго» [Потебня, с. 176].

В конце XX век обострился интерес к изучению народной приметы и были достигнуты значительные результаты в определении статуса народных примет на пересечении разных дисциплин, частности фольклористики и лингвистики, как на материале одного языка, так и в сопоставительном аспекте. Реализованные в русле лингвофольклористики, исследования позволяют детализировать специфику приметы как фольклорного текста [Павлова 1984; Пермьяков 1988; Садова 2003; Христофорова 1998], рассмотреть структурно-семантические особенности [Харченко, Тонкова 2008], выявить значимые концепты и ключевые слова [Закиров 2009; Семашко 2011; Фёдорова 2013], определить прагматико-предсказательную природу [Кулькова 2011; Fattakhova N., Kulikova M. 2014], детально описать семантико-синтаксическую и пропозиционально-модусную структуру примет [Фаттахова 2002, 2004, 2012; Фаттахова, Кулькова 2013, 2015], изучить их в сопоставительном аспекте [Гэн Цзе, 2014; Вагнер 2008; Туганова 2007].

Исследования последних лет значительно расширили наши представления о структуре, семантике, синтаксисе и прагматике народных примет русского языка. Кроме того, сопоставительное изучение примет в разноструктурных языках привело к убеждению в том, что структура народных примет универсальна, поскольку она построена на формуле «Если А, то следует ожидать В», внешне напоминающей логическую импликацию, однако в основе любой приметы лежит ожидание, которое не требует обоснование, мотивации. «На ожиданиях, а не на логических

оценках, связях, зависимостях зиждется все раннее воспитание членов общества. Ожидание возникает в сознании раньше, чем формируется способность критически, то есть «логически» мыслить» [Черемисина, Колосова, с. 70-71]. Семантика ожидания во всех сопоставляемых нами языках (русском, английском, немецком, татарском, турецком и китайском) отражается в условно-временных конструкциях, имеющих конкретные языковые воплощения. Стратегия идентификации народных примет, их отграничение от сходных конструкций во всех языках опирается на системообразующие признаки: лексические, семантико-синтаксические и функциональные. На этом общем фоне к настоящему моменту сформировались некоторые критерии разграничения различных групп народных примет, к которым традиционно относят метеорологические, сельскохозяйственные, бытовые, профессиональные, а также суеверия. Очевидно, суеверные приметы – самая ранняя группа примет, в основе которых лежит убежденность в том, что слово – это не условное обозначение некоторого предмета, а его часть. Такое представление было характерно для дологического мышления первобытного человека, который считал, что рассказа о прошлом достаточно, чтобы объяснить настоящее; сходные явления могут не просто сближаться, но отождествляться; следование во времени может пониматься как причинно-следственная связь, а имя вещи – как её сущность [Мечковская, с. 42]. В настоящее время осуществляются исследования в области анализа современных суеверных примет [Токарев 1983; Campbell C.1996; Vyse St.A 1997; Lepori Gabriele 2014; Fedorova, Fattakhova 2015], их соотношения с религией [Awang R., Karamurzaman Y., Badlihasham Mohd Nasir 2014; Daniel Ugih Uchoh 2014].

Приведённый обзор исследовательских работ позволяет утверждать, что проблема структурно-семантического и прагматического анализа народных примет является весьма актуальной, однако вопрос их функционально-коммуникативной реализации практически не прояснён, при том, что обращение к дискурсу, прежде всего кинематографическому, даёт

возможность выявить причины активизации суеверий в современном обществе.

Основной признак народной приметы состоит в том, что между двумя событиями нет логической связи, с таким пониманием перекликаются и высказывания писателей, например, Л. Толстой пишет: *«Крестьяне говорят, что поздней весной дует холодный ветер, потому что почка дуба развёртывается, и действительно, всякую весну дует холодный ветер, когда развёртывается дуб. Но хотя причина дующего при развёртывании дуба холодного ветра мне неизвестна, я не могу согласиться с крестьянами в том, что причина холодного ветра есть развёртывание почки дуба потому только, что сила ветра находится вне влияний почки. Я вижу только совпадение тех условий, которые бывают во всяком жизненном явлении...»* [Толстой, с. 465]. Однако, как показывают исследования ученых, в основе большинства примет лежат определённые объективные факты, основанные на причинно-следственных связях. Например, И. Панкеев, рассматривая примету *Соль просыпать – к ссоре*, указывает на то, что соль долгое время на Руси была дорогой, поэтому относились к ней, как к очень ценному продукту, следовательно, просыпать соль – значит навлечь на себя гнев. [Панкеев, с. 62].

Биологи объяснили справедливость приметы: *Где ольха, там сена вороха*, астрономы подтверждают примету: *На Тихона солнце идёт тише*, сибирские генетики экспериментально проверили справедливость приметы: *Если больше рождается мальчиков, дело идёт к войне*. Энтомологи, орнитологи, фенологи профессионально объясняют приметы, в которых говорится о насекомых, птицах, погодных условиях [Харченко, с.76].

Так, что такое примета и почему в настоящее время возрождается этот древний жанр фольклора? Поиски ответа на поставленный таким образом вопрос требуют выхода за рамки понимания приметы только как элемента фольклорного жанра и анализа не только внешней структуры приметы, но и внутренней, кроме того, требуют применения адекватных методов

исследования, к которым можно отнести оппозитивный, ассоциативный, прототипический и ситуационный подходы с их ключевыми понятиями. Очевидно, первоначально приметы были основаны на долгосрочных наблюдениях за погодой, это была просто констатация факта, которая затем получала практическое значение: стремление определить погоду на предстоящий день было продиктовано необходимостью планирования деятельности на следующий день, поскольку оно влияло на урожай, а следовательно, на условия выживания первобытного человека: *Если зимой тепло – летом холодно, Если зимою вьюги – летом ненастье, Холодная зима – благодать – к урожаю*. Приметы возникали на основе наблюдений за природными явлениями, животным и растительным миром: *Журавль прилетел – тепло принес, Ранний прилёт жаворонков – к тёплой весне*. Наивная метеорология тесно связана с сельскохозяйственными приметами, которые позволяли определить благоприятное время для осуществления сельскохозяйственных работ, регламентировали поведение человека в условиях прямой зависимости первобытного человека от природы в условиях непредсказуемости и неопределённости получения урожая: *Много снегу – много хлеба; Коли в мае дождь, будет и рожь*. Метеорологические и сельскохозяйственные приметы передавались из поколения в поколение, они регламентировали деятельность не только крестьянина, но представителей других профессий: моряков, охотников, и др., так как умение ориентироваться по природным знакам помогало не только быть успешным в профессии, но и сохранить свою жизнь и имущество. Параллельно развивались и бытовые приметы, представляющие собой своеобразный кодекс бытового поведения, который нормирует и регламентирует поведение человека в различных ситуациях.

Семантика предсказания, реализованная в разных группах примет, на поверхностном уровне выражается в условно-временной конструкции, которая находит своё отражение в сложноподчинённых, сложносочинённых, бессоюзных и простых предложениях. Условно-временная семантика может

выражаться эксплицитно (на лексическом и семантико-синтаксическом уровнях) и имплицитно. Основное различие между разными группами народных примет находится в плоскости дополнительных семантических значений (обобщённости, аналогичности) и прагматических установок. Поскольку нас интересуют бытовые приметы, в основе которых лежат поведенческие коды, складывавшиеся исторически и существующие в виде «неписаных и писаных законов» [Мечковская, с. 297], определённое место в дальнейших исследованиях может занять изучение проблемы соотношения структуры и семантики, реализованных в суевериях. «Неписанные законы основаны на убеждённости, что *так все делают, так ведётся издавна, так все делают, и я должен делать*. Народные приметы кодифицируют будничную жизнь и поведение человека, формируя универсальные правила, которые могут быть приложены к широкому кругу повседневных явлений.

Приметы, лежащие в основе сериала «Слепая», актуализируются бабой Ниной, поскольку в традиции основными носительницами и хранительницами архаической информации являются женщины (старухи) [Цивьян, с. 157]. Баба Нина источник всех бед, происходящих с современным человеком, видит в не знании, в не соблюдении, в нарушении приметы (*есть такая примета, беда не просто к тебе пришла, разве не знал, что есть такая примета, ты сам виноват* и т.д.). Любой предмет, любая вещь, окружающая современного человека, может быть прочитана как знаковая, санкционированная устной традицией. К словам бабы Нины можно относиться с недоверием, особенно, если жизненный опыт противоречит суеверной примете, можно доверять, полагаясь на бабу Нину как носительницу скрытых от непосвящённых знаний. Современному человеку, чтобы верить, «несущественно проверять истинность правила на опыте: он ему не нужен, во всяком случае, необязателен. Более того, опыт может не совпадать с правилом, даже противоречить ему, но не опровергнет правило» [Цивьян, с. 174]. Псевдоприметы внешне сохраняют все признаки народных примет, зафиксированных в словарях, месяцесловах, сборниках: они имеют

структуру: *Нельзя...иначе* (запрет/разрешение... предостережение), при этом строятся на универсальных семиотических оппозициях: пространственных, временных, гендерных, возрастных, колористических и др., сохраняющих традиционное толкование. Наиболее частотны оппозиции *свой-чужой*, *левый-правый*, *внутренний-внешний*, *полный-пустой* и др. Семантика предсказания – универсальная для всех разновидностей примет – в бытовых приметах координируется с установкой на запрет/разрешение, с подчёркиванием изначальной связи их с семантикой аналогии, сходства, явлений, поставленных в зависимость друг от друга. На этом принципе построены и приметы, лежащие в основе телевизионного сериала, когда подобное провоцирует появление подобного, как правило, негативного явления: *Нельзя недопитый чай в чашке оставлять, иначе жизнь будет неполной; Если в комнате стоит пустой чемодан, начинает человек о пустом суетиться; Если сахарница в доме всегда полная, то и жизнь будет полной, если пустая, то и жизнь пустая; Чужим именем называться плохая примета, можно с чужим именем чужую судьбу получить.*

В таких приметах фиксируется переход от предполагаемой денотативной ситуации до ее вторичного осмысления с учетом имеющихся у транслятора исходных знаний. При этом в отличие от примет, зафиксированных в словарях, кинематографические варианты их употребления предполагают перевод семантики предположения в утверждение объективности той или иной ситуации. Наряду с модусом знания, предсказания, который носит облигаторный характер, кинематографический дискурс раскрывает и семантику веры/неверия в приметы.

В телевизионных приметах одной из наиболее частотных (200 примеров) является оппозиция *свой-чужой*, которая соответствует понятию норма / не норма. Данная оппозиция фиксируется и в сборниках, словарях, однако она не является многочисленной (10 примеров), поскольку основной центр в традиционных приметах – это свой дом, семья, ограниченный круг

общения, без взаимоотношений с чужими: *О дне и часе родов чужим нельзя говорить* [Панкеев, с. 11], *Забывать какую-либо вещь в чужом доме – к скорому возвращению туда* [Панкеев, с. 42]; *Чужих кур не считай – сглазишь* [Панкеев, с. 77]; *Не бери чужой носовой платок – с ним и чужие слёзы к тебе перейдут* [Панкеев, с. 99]; *Если кто-то чужой по твоим следам идёт, то он забирает у тебя, впереди идущего, силу* [Панкеев, с. 113].

Телевизионные приметы активно используют данную оппозицию, при выделении которой имеется в виду акцентирование внимания на том, что она не является равнозначной, её можно разделить на составляющие компоненты, степень выраженности которых определяется количественно. Правая часть оппозиции значительно превалирует над левой (182 / 18), что свидетельствует о большем влиянии *чужого* на различные жизненные ситуации. Чужой определяется при этом как: 1. Не свой, не собственный, принадлежащий другим; 2. Не родной, не из своей семьи, посторонний [Ожегов, Шведова, с. 889]. Запрет в приметах, зафиксированных в словарях, формирует алгоритм поведения человека в наиболее значимых жизненных ситуациях. Кинематографический дискурс расширяет спектор такого рода ситуаций, в центре которых отношения *свой-чужой*, при этом *чужим* может быть не только *незнакомый, посторонний, другой, незванный*, но и человек *близкий*, связанный родственными отношениями (мать, отец, брат, сестра, и др). Свой – только сам человек, значение «Родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью» [Ожегов, Шведова, с. 704] исключается из понятия *свой*. Таким образом, сужается пространство своего и расширяется пространство чужого в жизни человека. Запрет существует на действия: *Нельзя, чтобы чужая женщина еду солила, иначе чужая место в доме займёт вместо жены, Нельзя подарки, что любимый дарит, другим дарить, так любовь потерять можно*; на предметы: *Нельзя пользоваться чужими шпиргалками, так можно чужие проблемы в свою жизнь принести*; на хранение чужих вещей: *Нельзя женщине вещи постороннего мужчины (брата) дома хранить – разлад с мужем будет*; на присутствие чужого

человека в доме: *Если поздно вечером чужого человека в дом пустить покоя не будет; Не пускать незваных гостей, иначе будут похороны; на чужие имена: Нельзя чужим именем представляться – это плохая примета, будешь несчастна.*

Признание оппозиции *свой-чужой* прототипной в кинематографическом дискурсе основывается на представлении её типичности для современной действительности и на результате взаимодействия некоторых факторов, свидетельствующих о том, что бытовые приметы, или суеверия, становятся всё более популярными. Приметы используются для снятия ответственности с человека за его поступки и шире – его жизнь. Вина человека состоит в том, что он не знает приметы, потерял древние знания, не видит логической связи между вещами и событиями, а не в его поступках, его отношении к жизни и с людьми (*вижу, почему тебе не везёт, почему это случилось с тобой – ты не знаешь приметы, ты не соблюдаешь приметы. Исправь – и всё в жизни наладится*). При этом появляются и новые предметы: *телефон, телевизор, наручные часы, машина* – знаки эпохи: *Нельзя свои вещи в чужих машинах оставлять – к беде это; Не подбирайте чужих телефонов – это может навлечь беду; Если с тобой в кадр попадёт чужой мужчина, любовь случится.*

Решая вопрос о том, как соединить известное с неизвестным, нужно опираться на предшествующий опыт, однако такой опыт, по мнению бабы Нины, отсутствует у большинства людей. В этом случае примета заменяется определённым суждением, имеющим поучительное значение, требующее соблюдения правил поведения в обществе: *Нельзя надевать чужое кольцо – судьбу повторишь; Нельзя чужими гребешками волосы причёсывать – это плохая примета, в личной жизни никогда порядка не будет; Нельзя свои дни рождения в чужом доме отмечать, а чужие в своем; Чужую мелочь собирать и с собой носить, плохая примета, будут ссоры и разногласия; такие приметы являются очевидными, не требующими доказательств, скорее доказательства даёт сама жизнь: Нельзя вешать свои и чужие вещи на одну*

вешалку – это приведёт к большим ссорам; Нельзя вещи любовницы дома хранить – к раздору во всей семье, а не только между мужем и женой.

В телевизионном дискурсе приметы «...являются не изолированными, как это имеет место в сборниках, но высказываются в отношении того или другого житейского случая» [Богородицкий, с. 13], который эксплицирует уже случившееся негативное последствие незнания приметы, традиционно имеющей обобщённое значение без указания на конкретное следствие: *Нельзя свои вещи чужим давать – к несчастью; Нельзя никому давать свой шарф – плохая примета; Нельзя оставлять в доме картины от прежних хозяев, плохая примета; Никому нельзя свои украшения давать, особенно кольца, этим можно страшные беды накликать.* Как правило, следствие маркируется лексемами *счастье/несчастье, беда* или словосочетаниями *плохая (дурная) примета / хорошая (счастливая) примета* и т.п. Телевизионный дискурс индивидуализирует приметы, привязывая их к определённому субъекту, и эксплицирует следствие, выстраивая его перед условием, при этом следствие может получить полиаспектное прочтение: *Нельзя брать и хранить у себя чужие украшения против воли хозяина, иначе отдадите свою любовь, хотите этого или нет; Нельзя, чтобы мужской шарф лежал в чужом доме, иначе хозяйка будет иметь власть над мужчиной.* Если рассмотреть соотношение названий серий и примету, на основе которой она сформировалась, можно сказать, что приметы вербализуют имплицитные составляющие, они демонстрируют прикрепленность к определённой ситуации, поскольку жизнь человека, его деятельность проходят в пространстве предметного мира, в котором человека везде подстерегает опасность: *Нельзя, чтобы другая женщина выбирала украшения жене, иначе она не сможет завести детей; Нельзя, чтобы женщине кто-то колготки покупал, под чужое влияние попасть может; Надевать на себя чужую одежду – плохая примета, так можно всю жизнь запутать; Если ребенок по ошибке постороннего мужчину папой назвал, то этот человек может стать ему папой; Если кому-то позволить*

завязывать шнурки, узлы на шапке, то в чужие руки перейдут ваше здоровье и удача.

Таким образом, так называемые «псевдоприметы», построенные по модели исконных примет, демонстрируют основные причины обращения к ним в разного рода дискурсах, связанных с современным человеком. В телевизионном дискурсе приметы используются прежде всего в качестве исходного элемента для организации сериала и привлечения внимания зрителя. Чтобы сериал мог заинтересовать, он должен строиться с одной стороны, на стереотипных ситуациях, а с другой, обобщая, должен индивидуализировать картину мира конкретного зрителя. Приметы создают иллюзию того, что в случайных событиях можно выявить систему, частные, индивидуальные события могут быть осмыслены как обобщённые ситуации с характерными составляющими, на фоне которых возникает эффект плацебо: уверенность в том, что соблюдение каких-либо условий поможет избежать, предупредить, отсрочить наступление негативных последствий определённых действий человека. Создаётся иллюзия того, что приметы с одной стороны, помогают всё контролировать, а с другой стороны – помогают снизить психологическое напряжение, снимают с человека ответственность за принятие решений, особенно когда рационального поведения бывает недостаточно.

3.5. Бытовые приметы в телевизионном дискурсе (лексико-семантическое поле *дом*)

Рассматриваются новые бытовые приметы, активно функционирующие в ряде телевизионных сериалов. Раскрываются основные специфические черты телевизионного дискурса как новой телереальности, создающейся за счет манипулятивного воздействия на сознание воспринимающего индивида. Цель работы – исследовать основной механизм формирования и функционирования новых бытовых примет в

телевизионном дискурсе как особого типа примет, содержащих специфически сформулированные и структурированные знания об окружающем индивида современном мире. Выявлены основания для особой формы организации сериала и обоснованы причины использования бытовых примет в качестве смысловой доминанты телевизионного сериала «Слепая». Описанная парадигма новых суеверных примет на фоне традиционных структурно-семантических конструкций позволяет говорить о том, что суеверие становится частью ментального пространства современного человека. Основным методом исследовательской практики послужил дискурс-анализ более тысячи серий сериала «Слепая», кроме того, был использован метод открытого анкетирования, проведенного в течение пяти лет. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в разных возрастных группах интерес не только к сериалу «Слепая», но и к другим подобного рода сериалам, стабильно возрастает.

Традиционная культура народа отражается в народных приметах, которые характеризуются стереотипным восприятием действительности, зафиксированным в обычаях, традициях, суевериях, месяцесловах. Очевидно, именно приметы лежат в основе большинства устойчивых конструкций русского языка, таких как пословицы, поговорки, загадки и т.п., поскольку первоначально они возникли как реакция первобытного человека на природные явления. Не зная, как объяснить стихийные природные явления, древний человек одушевлял их. Многолетние наблюдения позволили ему создать определенные рекомендации, как вести себя в той или иной ситуации. Первоначально сформировался фонд метеорологических примет, актуальных для первобытного охотника, а в дальнейшем для моряков, путешественников, строителей, воинов, земледельцев и др. Метеорологические приметы лежат в основе сельскохозяйственных примет, регламентирующих работу земледельцев. В настоящее время практически все метеорологические и сельскохозяйственные приметы забыты, находятся в пассивном фонде, поскольку отпала необходимость использовать их для

успешного ведения сельскохозяйственной деятельности, хотя и предпринимались попытки их возвращения в активный лексический фонд.

Наряду с метеорологическими и сельскохозяйственными приметами существуют и так называемые бытовые, или суеверные, приметы, которые в последние годы становятся одним из наиболее активно развивающихся жанров фольклора, поскольку приобретают статус приметы, способной создать алгоритм поведения индивида, требующий интерпретации непонятной, необъяснимой с логической точки зрения определенной жизненной ситуации. При этом «...суеверия можно рассматривать как элементы текста старой культуры с утраченным кодом...» [Лотман, с. 488-489]. Интерпретация утраченного кода, его оживление и восстановление в современных реалиях связаны прежде всего с восстановлением не только кумулятивной функции, но и эстетической, развлекательной. Бытовая примета становится основным элементом множества телевизионных сериалов, таких как «Слепая», «Гадалка», «Знахарка», «Старец», «Порча», «Мистические истории» и т.п., в которых проблемы героев трактуются ясновидящими, экстрасенсами, ведуньями, потомственными ведьмами, чернокнижниками, медиумами и пр. через обряды, приметы, суеверия, незнание которых приводит к неприятностям, неудачам, несчастью в обыденной жизни.

Как правило, новые, телевизионные, приметы создаются на основе традиционных, основанных на коллективном представлении о тех или иных правилах поведения в типизированной ситуации. Алгоритм создания и функционирования народных примет изучен достаточно полно в работах В. К. Харченко, Н. Н. Фаттаховой, М. К. Кульковой, Т. С. Садовой и др., однако механизм порождения телевизионных примет во многом остается не раскрытым.

Телевизионный сериал «Слепая» (более тысячи серий) позволяет изучить закономерности формирования и функционирования новых примет, поскольку каждая серия выступает как определенный контекст,

позволяющий выявить релевантные для него приметы, и сопоставить их с исходными конструкциями. И если традиционные приметы, имея обобщающее значение, как правило, не фиксировали исходной ситуации и не указывали на конкретные последствия, то телевизионные приметы переключают фокус внимания с коллективного на индивидуальное восприятие ситуации, концептуализируя различные состояния героев в данное время и в данной ситуации.

Рассмотрение основных способов формирования телевизионных примет приводит нас к необходимости поиска прототипичной структуры таких примет и методики ее реализации в телевизионном дискурсе. Как правило, каждая серия – это отдельная история, однако в совокупности все серии образуют сериал с регулярно повторяющимися ситуациями и сценами. Жизненные неудачи героев сериала объясняются незнанием стратегии поведения в той или иной ситуации. Непредсказуемость поведения создается за счет того, что индивид не знает, забыл или не придает значения знакам судьбы, предостерегающим его от неверного поведения. Бытовое поведение может быть осмыслено лишь с учетом примет, кодирующих ситуацию как обобщенный знак предостережения.

В основе бытовых примет лежит традиционная модель всех типов примет «Если... (знай что), то...». Условно-следственная семантика может иметь несколько зеркальных вариантов, в частности, в суеверных приметах она реализуется в модели «Нельзя..., иначе...», включающей два основных компонента: запрет/разрешение и предостережение. При этом телевизионные приметы формируются на основе данной модели прежде всего с учетом принципа аналогии, когда подобное объясняется подобным, связь между ними объясняется мифическими сближениями, основанными на «склонности народного ума во всем находить аналогию» [Афанасьев, с. 340].

Как известно, предсказать поведение того или иного индивида возможно, если нам известны определенные правила его поведения, спровоцированные окружающими его предметами, вещами, явлениями.

Значение аналогии реализуется на лексическом уровне, когда определенная вещь, предмет, поведение являются условием для возникновения определенной ситуации, как правило, негативной в жизни героев сериала:

Кривые зеркала искривляют пространство – нельзя в них смотреться; Потеряешь зонт – потеряешь мужа; Если одну одежду с человеком носить, то и личной жизни одни и те же люди будут встречаться.

Наиболее частотными являются приметы, связанные с местом проживания, домом героев сериала, при этом определенная жизненная ситуация стереотипизируется только после появления сериала. Предметы и вещи, окружающие героя, становятся своего рода знаками, незнание сути которых порождает, как правило, неудачу в личной или профессиональной жизни. И если старые бытовые приметы имплицитно сохраняли целый пласт знаний о свойствах и качествах предметов, вещей и явлений окружающей древнего человека мира, то телевизионные приметы построены на знании одного человека, бабы Нины-ясновидящей, которой можно было верить или не верить. Несмотря на то, что Баба Нина слепая, она хорошо видит внутренним зрением и транслирует забытое знание, скрытые от индивида законы и нормы поведения (*судьба уже предначертана, любой из нас управляет судьбой, от судьбы не уйдешь, сам виноват в своих несчастиях, если бы послушался меня, избежал бы неприятности и др.*). Не случайно, в конце каждого фильма внучка констатирует: *«Бабушка говорит, что...»*, например: *«Бабушка говорит, что нельзя детей до десяти лет из общей посуды кормит, это приведет к разлуке»*. При этом транслируются знания того, что конкретный индивид не всегда может принять, поскольку приметы существуют не сами по себе, а лишь в контексте личного опыта, его представлений о нормах, сформировавшихся в обществе.

Дом в традиционном представлении – это место, где человек защищен от всех бед и несчастий, место, куда нет доступа чужим, однако так называемые псевдоприметы построены на осознании того, что именно дом

рассматривается как место повышенной опасности, в котором как детали самого дома (квартиры), так и вещи, наполняющие его, способны повлиять на личную и профессиональную жизнь индивида. По мнению бабы Нины, индивид формирует правила поведения через действия (правильные или неправильные). Умение соотнести правила и последствия их несоблюдения позволяют избежать негативных явлений в жизни.

Основным средством построения примет выступает принцип бинарности, ориентированный на пространственные (внутри-снаружи, верх-низ), темпоральные (утро-вечер), количественные (полный-пустой), родственные (свой-чужой) и др. признаки:

Окна сначала изнутри мыть, потом снаружи, иначе счастье будет дом стороной обходить; В новую квартиру надо со старыми тапочками въезжать, иначе расстанетесь с любимым; Нельзя вешать свои и чужие вещи на одну вешалку – это приведет к большим ссорам.

Бытовое поведение в доме связано с повышенной ритуализацией, поскольку практически все элементы дома (окно, лестница, кровать, стол, стул и др.) – это знаки судьбы, предостерегающие от неправильного поведения:

Нельзя знакомиться на лестнице или на ступеньках – не сулит ничего хорошего; Через порог говорить – ссоре потом быть; Нельзя сидеть на столе – к несчастью, к обману это.

Семантико-синтаксическая структура телевизионных примет реализуется в двух вариантах: «Если... (знай, что), то...», которая не содержит категорического запрета на осуществление того или иного действия и остается нейтральной в определении его последствий. Как правило, это обобщенное предостережение, которое касается любого, всякого индивида в определенной ситуации, последствия несоблюдения условия в левой части приметы, трактуются неопределенно, без четкого указания следствие (к беде, несчастью, ссорам, к неприятностям и т.п.) Структура может быть эксплицитной и имплицитной:

Если лампочка в доме перегорает, жди в жизни перемен, а хороших или плохих это как повезет; Если сахар из дома отдавать (знай, что), это к ссорам; Если перед выходом из дома на порог наступить (знай, что), то могут разные неприятности случиться; (Если) Кот в доме (знай, что) – семья крепкая; (Если) Крошки в постели (знай, что) – разлад в семье.

Вторая более распространенная группа имеет структуру «Нельзя +инфинитив..., иначе...» (с вариантом «Никогда не +инфинитив..., иначе), она содержит категорический запрет, не оставляя альтернативы для выбора, при этом часто дается расшифровка того, что следует ожидать при несоблюдении определенных правил. Слово *нельзя* имеет значение «категорического запрета на речь, мысль или действие, признанные всегда или условно принимаемые здесь и сейчас как невозможные, предосудительные или вредные» [Колесов, Колесова, Харитонов, т. 1, с. 505]. Под категорический запрет попадают многие действия индивида в доме (квартире):

Нельзя домашние цветы за порогом сажать, они могут забрать благополучие и счастье; Нельзя уносить домашние вещи на работу, иначе даже счастливый брак может разрушиться; Нельзя деньги на ночь на столе оставлять – к бедности; Никогда не подбирайте чужих телефонов- это может навлечь беду.

Традиционно дом в широком значении этого слова рассматривался как место деятельности женщины, как замкнутое пространство, мужчина ассоциировался с простором, широким полем. Телевизионные приметы размывают гендерные границы. Есть несколько примет, ориентированных на женщину, поскольку предполагается, что именно она занимается хозяйством:

Нельзя мести сор к порогу, только наоборот, иначе вместе с сором выметешь любовь, счастье; Если полы женщина сама не моет, то в доме часто будут ссоры и обман; Нельзя супружескую постель мятым бельем

застилать, иначе обман будет; Кошки в доме незамужней женщины – к одиночеству.

Примет, в которых фигурирует мужчина, гораздо меньше, некоторые из них индентифицируются имплицитно: *Если молодой неженатый мужчина зеркало разобьет, не быть ему 7 лет женатым; На красном белье с женщиной спать – к большим неприятностям; Если дома гантели поднимать, перемены большие будут.*

В большинстве суеверных примет запрет носит обобщенный характер, относится ко всем, без гендерных различий, это свидетельствует о том, что представление о доме меняется, сейчас это место общее для всех, поэтому и последствия неверного бытового поведения могут ощутить все жильцы без гендерных и возрастных различий:

Нельзя там, где спишь, работой заниматься, иначе счастья в личной жизни не будет; Нельзя, чтобы часы висели над супружеской кроватью, иначе семья не будет счастливой; Нельзя по дому босиком ходить – несчастье и беды на себя навлечешь; Нельзя сидеть на столе – к несчастью, к обману это.

Все типы новых примет образуют своеобразные парадигмы, поэтому в одной и той же серии часто используются все структуры: и прототипическая конструкция и ее зеркальные варианты, например:

Если бумагами на кровати заниматься, сляжет кто-то из близких / Нельзя бумагами на кровати заниматься – это может привести к болезни; Если бумажные игрушки дома держать, то отношения в семье испортятся / Бумажные игрушки нельзя дома держать, отношения в семье от этого испортятся; Если велосипед в доме хранить – будет беда / Велосипеду в доме не место – к беде / Нельзя велосипеды в квартире оставлять- от этого разные беды могут случиться; Одеяла разные – судьбы разные / Не к добру по разными одеялами спать / Мужу и жене нельзя под разными одеялами спать – это приводит к охлаждению в семье.

Правая часть бытовых примет содержит указание на последствия неправильного бытового поведения. Что может привести к беде, неприятностям, несчастьям, ссоре? Как дифференцируются такие последствия? Если ли определенная закономерность в наступлении наказания за незнание космических законов? И если часть примет сохраняет неопределенную множественность, нерасчлененность следствия, присущую старым приметам, то новые приметы ломают традицию, допуская индивидуализацию следствия, привязывая его к определенному условию. Специфика телевизионных примет и состоит в том, что часто они содержат расшифровку того, что указано в правой части. Пропозиция-следствие не просто обозначается, но конкретизируется указанием на те последствия, которые ожидают индивида:

Нельзя в след уезжающему сор из дома выносить (это верная примета, что прежним он не вернется, а может, совсем не вернется); В доме обязательно должны быть тапочки для гостей (если их нет и гости ходят босые, хозяин рискует растерять их всех. Они не будут приходить); Тапочки в подарок получить, верная примета (человек свой дом скоро заведет; Если вешать на зеркале заднего обзора брелоки, сделанные из животных, то велика возможность, что машина попадет в аварию; В новую квартиру надо со старыми тапочками въезжать, иначе расстанетесь с любимым.

Ситуация-следствие, как правило, фиксирует только негативные последствия бытового поведения современного человека, при этом базовым понятием является словосочетание *плохая примета* или слово *плохо*, которые могут конкретизироваться через лексемы *несчастье, беда, неприятность, обман, ссора* и т.п.:

Много зеркал в доме – плохая примета; Нельзя в зеркале фотографироваться- плохо это (зеркало все передает). Деньги на полу считать – плохая примета (не будут они в доме водиться); Нельзя брать в долг мятыми купюрами, они могут принести несчастье; Нельзя ночью

деньги из дома выносить, иначе счастья в доме не будет; Если подушку на стол класть- не только мелкие, но и большие неприятности случиться могут; Если пустые ведра в доме хранить, близкий человек тебя обмануть может; Нельзя деньги на ночь на столе оставлять – к бедности; Нельзя друзьям одинаковые вещи носить – к ссоре приведет; Если мать и дочь одинаковые кольца носят- не будет между ними ссор и раздоров.

Таким образом, новые, телевизионные, приметы формируются по законам и моделям традиционных народных примет.

3.6. Бытовые приметы в телевизионном дискурсе (лексико-семантическое поле *семейные отношения*)

Приметы издавна сопровождают жизнь человека. И если приметы, связанные с предсказанием погоды, постепенно уходят из жизни современного человека, то бытовые приметы в последние десятилетия не только сохраняются, но и пополняются новыми приметами, основанными на современных реалиях. Почему это происходит, что лежит в основе постоянного интереса к разного рода предсказательным текстам? Каковы функции современных бытовых примет? Могут ли приметы стать определенного рода знаками современной культуры? Обсуждение данного вопроса невозможно без определения то, что такое примета, особенно бытовая, как она формируется, что лежит в ее основе. Народные приметы формируются на основе системы ожидания, поскольку «ожидание возникает в сознании раньше, чем формируется способность критически, то есть логически мыслить» [Черемисина, Колосова, с 33]. Хотя бытовые приметы чаще всего рассматриваются как суеверие, не имеющее под собой реальных оснований, последние исследования свидетельствуют о том, что такие приметы так же, как и метеорологические и сельскохозяйственные, возникали в результате длительных наблюдений за предметами, вещами, окружавшими древнего человека, и отношениями между людьми

(своими / чужими). Взаимоотношения в лексико-семантическом поле *семья* создают уникальную упорядоченную структуру, которая сохраняла и передавала из поколения в поколение систему запретов и разрешений, исполнение которых способствовало сохранению благополучия в семейной жизни. При этом большинство бытовых примет было основано на разного рода повериях, первобытных культах, обычаях, ритуалах, предрассудках, которые можно рассматривать как коллективную память народа, однако зачастую утраченную или забытую в настоящее время.

Бытовые приметы, связанные с семейными отношениями, формируются на основе взаимоотношений членов семьи, под которой понимается «родственная связь по **свойству** или **общность** по имени предка (*фамилия*) – в отличие от кровного **рода** и близости **дружбы**» [Колесов, Колесова, Харитонов т. 1, с. 232]. В традиционных бытовых приметах отражаются только наиболее значимые моменты жизни человека, к которым относятся рождение ребенка, свадьба и смерть, бытовое поведение в течение всей жизни не было строго регламентировано, оно, безусловно, было в определенной степени сформировано по существовавшим в ту или иную эпоху стереотипам, которые определяли степень нормальности / ненормальности поведения индивида. Нормальным считалось такое поведение, в основе которого лежат запрограммированные действия, а ненормальным рассматривалось непредсказуемое, неритуализированное, поведение.

Современные телевизионные бытовые приметы, становясь смысловой основой для телевизионного сериала, отражают взаимоотношения между членами современной семьи. Жизненные ситуации, на основе которых строятся телесериалы, воспринимаются как определенная модель мира, состоящая из определенных знаков, прочтение которых способно уберечь индивида от ударов судьбы. Телесериалы демонстрируют неспособность индивида самостоятельно предотвращать последствия собственных поступков в силу того, что утрачено древнее знание знаков, посылаемых

судьбой и способных уберечь от страха одиночества, безответной любви, предательства близких, коллег и знакомых и других негативных, разрушающих психику человека чувств и поступков.

Бытовые телевизионные приметы формируются на основе традиционных принципов, включающих предсказательность, обобщенность, аналогию, условно-временные отношения, оппозицию (на разных языковых уровнях), актуализирующих современное прочтение народных примет и обусловивших возникновение нового принципа, основанного на понимании того, что любое явление может функционировать в качестве знака. При этом основные принципы формирования народных примет претерпевают определенные изменения, в частности, принцип обобщенности корректируется принципом индивидуализации через конкретное событие в жизни конкретного человека. И если в традиционных приметах следствие несоблюдения нормы поведения формулировалось неопределенно (*к беде, к неудаче, к горю, к несчастью* и др.), то есть «... предсказание всегда сохраняет запас неопределенности, неисчерпанность выбора между некоторыми альтернативами» [Лотман 2002, с.349], то в телевизионных приметах следствие, как правило, эксплицируется: указывается конкретное следствие, проистекающее из конкретного условия: *«Нельзя мужчине во взрослом возрасте в детские игрушки играть. Это приведет к тому, что он не сможет завести семью, а если заведет, она разрушится»*. Однако подобные следствия, как правило, лишь констатируют неблагоприятные последствия, но не объясняют их: причинно-следственные связи субъект должен восстанавливать сам (например, игра в детские игрушки свидетельствует о том, что субъект не готов к взрослой жизни). Суеверные приметы содержат целый пласт разнообразных эллипсисов, пропусков, опущений, восстановление которых отсылает к древним знаниям, к общей некогда коллективной памяти, утерянной в настоящее время. Восстановление пропущенных звеньев возможно, если учитывается один из ведущих, основных принципов формирования народных примет – принцип

аналогии, постулирующий закономерность того, что подобное вызывается подобным, будь то цвет, форма, размер, функция и т.п., при этом аналогичность может быть неявно выраженной, основанной на пресуппозициях, требующих восстановления в памяти ассоциаций, связанных с тем или иным словом. Поскольку «Все многообразие человеческих коллизий сводится к истории главной пары – Мужчины и Женщины» [Лотман 2004, с. 571], то и бытовые приметы в основном ориентированы на взаимоотношения мужа и жены, например: *«Если муж на рубашке пуговицы к р и в о застегивает, значит, неверен» / «Если ваш муж часто п у т а е т пуговицы на рубашке, значит, он вам и з м е н я е т»* (криво застегивает / пошел по кривой дорожке, путает пуговицы / перепутал дорогу домой); *«Нельзя хранить вещи мужа и жены о т д е л ь н о – это к р а з л у к е. Хотя бы часть вещей должна лежать вместе»* (хранить отдельно / жить отдельно); *«Мужчина должен о д н о кольцо носить. Если их м н о г о, не может жене верность хранить»* (одно кольцо / одна женщина, много колец / много женщин). Постоянно возникающее противоречие между принципом *вместе / раздельно* характеризует отношения мужа и жены, при этом возникают противоречивые приметы, которые трудно объяснить, например: *«Нельзя есть с любимым из о д н о й тарелки, иначе семья развалится»*; и противоположные: *«Мужу и жене нельзя под р а з н ы м и одеялами спать – это приводит к охлаждению в семье»*; *«Нельзя мужу и жене на р а з н о м белье спать, это к разлуке»*; *«Если в доме чашки и блюда от р а з н ы х пар, хозяйева во лжи жить будут»*.

Часть примет построена на древнем представлении о парном, двойном предмете, при этом потеря одного из элементов приводит к разлуке, обману, неверности, одиночеству, потому что нарушается связь между мужем и женой: *«Если жена о д н у серьгу из п а р ы, что муж подарил, потеряет, она неверна»*; *«Если у мужчины все носки н е п а р н ы е, то и п а р ы у него не будет»*. Большинство примет можно рассматривать как своего рода обереги, помогающие сохранить семью, за каждой приметой выступает

определенное событие, сценарий жизни, основанный на желании избежать нежелательных последствий, в частности, кольцо как символ вечной любви, верности присутствует в ряде примет: *«Если супруги хотят счастливо жить, должны обручальные кольца носить» // «Чтобы брак крепким и безоблачным был, супруги должны обручальные кольца носить»*; *«Нельзя давать примерять свое кольцо. Кто кольцо примерит, тот твое место займет»*. Запрет на то, чтобы выставлять напоказ свои отношения, устойчивый предрассудок: *«Нельзя мужу и жене на фотографии целоваться – это может к измене привести»*; *«Никогда не стоит выставлять свою жизнь напоказ, так мы привлекаем завистников»*; И если такого рода приметы поддаются объяснению, поскольку можно вычленить глубинные ассоциации, можно установить принципы, по которым формируются часто не осознаваемые нормы поведения, то некоторые телевизионные приметы кажутся абсолютно нелогичными, немотивированными, не имеющими причинно-следственной связи между событиями в личной жизни героя сериала. Часто запрета недостаточно для понимания сценария жизни и дальнейшего прогноза, поэтому требуется слепая вера в знаки судьбы, например: *«Если муж в постели чай пьет, он от жены гуляет // Муж чай в постели пьет, значит, жене неверен (примета старая, верная)»*; *«У мужчины своя ложка должна быть, иначе жить ему в обмане»*; *«Если в семье первой рождается девочка есть возможность, что супруг будет изменять, особенно на третьем году жизни»*; *«Если муж не пользуется одеколоном, что жена подарила, это верная примета, что он что-то скрывает от нее»*.

Запрет на производство тех или иных действий касался в первую очередь жены, поскольку она рассматривалась как хранительница семейного очага, от ее правильного поведения зависело благополучие и стабильность брака: *«Нельзя жене в одежде мужа спать – дурная примета // Если жена в одежде мужа спит – брак развалится»*; и противоположная: *«Если женщина мужскую обувь носит – будет всю жизнь верность ему хранить –*

примета надежная»; «*Нельзя давать примерять свое кольцо. Кто кольцо примерит, тот твое место займет*». Запрет, адресованный мужчине, носит другой характер, мужчина не должен пересекать красную линию между женской и мужской территориями в доме, поскольку это ведет к неудаче, неприятности, обману в личной жизни, поскольку мужчина берет на себя роль жены: «*Мужчина не должен сам белье гладить. Если самому гладить, можно жену потерять*»; *Мужчина, который хочет устроить свою личную жизнь, не должен делать женскую работу: стирать, убирать, гладить*», «*Нельзя семейным мужчинам кухонные полотенца покупать, семья под угрозой: дело это женское*»

Взаимоотношения родителей и детей также регламентируются, при этом отношения *мать / дочь, сын и отец / дочь, сын* трактуются по-разному, формируя различные сценарии поведения, объяснение которых возможно с учетом гендерных, социальных, возрастных и пр. различий. Существуют приметы, которые распространяются на отношения родителей (матери / отца) и детей без гендерных различий: *Нельзя взрослым в детские игрушки играть – мира в доме не будет; Никогда не принимайте игрушек и сувениров для своих детей от посторонних людей; Нельзя матери целовать ребенка в лоб, иначе не будет ни счастья, ни любви // Если мать ребенка в лоб целует, он не своим, а ее умом живет.*

Принцип аналогии в некоторых случаях действует избирательно, например, в примете может содержать запрет на то, чтобы иметь разные фамилии матери и ребенку, поскольку это противоречит постулату: на двоих – одна судьба, разные фамилии разрывают эту связь, разрывают принадлежность к одному роду: *Нельзя матери и ребенку разные фамилии носить – не будет между ними любви и взаимопонимания.* Однако существует и примета, в соответствии с которой запрет распространяется на одинаковые имена для сына и отца, дочери и матери, поскольку сын и дочь могут или стать несчастными, или отобрать у родителей удачу: *Нельзя чтобы сына и мужа или дочь и мать одним именем называли – только одному будет*

сопутствовать удача. Чтобы удача и счастье вернулись, надо третьего с этим именем обрести (внука). Взаимоотношения взрослых детей зависят от взаимоотношений родителей, предшествующий опыт счастливой /несчастливой семейной жизни будет бумерангом возвращаться, формируя аналогичный сценарий жизни: Если муж жене неверен, то и у дочери муж неверен будет.

Сложными представляются отношения матери и дочери, запрет на вмешательство в жизнь дочери связан с принципом зеркала, дочь или повторит судьбу матери, или не сможет сформировать собственный сценарий жизни (останется незамужней): *«Нельзя хозяйничать в шкафу взрослой незамужней девушки, тогда вся ее личная жизнь будет на виду»; «Нельзя, чтобы мать дочь с женихом знакомила – к разладу, брак может быть нежелательным // Чтобы с будущим женихом знакомила мать – плохая примета»; «Дочери нельзя носить вещи матери, тогда не будет у нее своего женского счастья»; Нельзя чтобы молодая семья в родительском доме жила, от этого семьи матери и дочери рушиться будут. Отношения с сыном построены также построены на определенных запретах: Нельзя, чтобы мать сына стригла, иначе он ее умом будет жить и личной жизни у него не будет: Нельзя матери на ноге сына обувь протирать – несчастлив в браке будет. Аналогичными представляются отношения отца и дочери: Нельзя отцу дочери волосы заплетать, иначе в доме женщины не будет, пока дочь сама замуж не выйдет.*

Рассмотрение лексико-семантического поля *семья* убеждает нас в том, что они имеют форму высказываний констатирующих, запретительных, постулирующих необходимость строгого соблюдения определенных правил поведения и ритуалов в повседневной жизни. Так называемые запретительные приметы актуальны прежде всего для бытовых примет, поскольку они «сохранили в себе не только остатки древних воззрений на причинно–следственные связи, но и начала правил, вызванные потребностями жизненного уклада» [Стрижев, с. 242]. У героев

телевизионных сериалов возникает стремление полагаться на какие-то силы, находящиеся вне человека, поскольку, плохо понимая причинно-следственные связи событий своей жизни, они начинают искать причины неудач во внешнем мире, при этом запрет на производство некоторых действий, помогает преодолеть ситуацию неопределенности.

Сами высказывания, имеющие схему «нельзя...+ инфинитив», построены по типовой модели народной приметы, в основе которой лежат условно-временные семантико-синтаксические отношения. Интегральная условно-временная семантика коррелирует с разного рода семантическими отношениями: причинными, следственными, определительными, целевыми и др., что способствует возникновению разных схем, под которыми понимается «структурная схема (образец минимального построения) предназначена для того, чтобы, будучи наполненной конкретным лексическим материалом, стать сообщением о какой-либо действительности» [Шведова, с. 541]. Для бытовых примет с семантикой запрета релевантной является схема с модальным словом *нельзя*, поскольку оно выступает как «формула категорического запрета на речь, мысль или действие, признанные всегда или условно принимаемые здесь и сейчас как невозможные, предосудительные или вредные» [Колесов, Колесова, Харитонов т.1, с. 505]: *Нельзя за внуком еду доедать – силу у него отбираешь; Нельзя фотографии ребенка хранить среди документов – к несчастью. Нельзя, чтобы в одной семье были две свадьбы в один месяц. Одна семья разведется. Однако частотны и условно-временные, целевые, местоименно-соотнесительные конструкции, которые передают не запрет, а предостережение от неблагоприятных последствий определенных поступков: Если оставлять на столе грязную пустую посуду, к ссоре и разладу в семье; Чтобы семья крепкая была, жена должна сама мужу еду накладывать; Чтобы в семье были лад и любовь, в доме надо семейные портреты хранить. Подобные конструкции составляют парадигму бытовых примет: Нельзя оставлять грязную и пустую посуду на столе – это к ссоре и разладу в семье // Если*

оставлять на столе грязную пустую посуду, к ссоре и разладу в семье //
Чтобы не было ссор и разлада в семье, нельзя оставлять грязную и пустую посуду на столе.

Таким образом, в бытовых приметах, построенных по разным схемам, прогнозирование следствия актуализирует когнитивно-смысловое поле запрета, ориентированное на субъекта, верящего в то, что соблюдение определенных правил и норм поведения способно предотвратить неудачи в жизни. Индивиду легче поверить в то, что нарушение древних законов поведения – это и есть причина всех его бед и неудач, чем самому пытаться преодолеть трудности, осмысливая их.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многоаспектный подход к анализу семантической структуры народных примет позволил обнаружить в них номинативный (пропозитивный компонент), соотнесенный с фрагментом объективной действительности, а также коммуникативно-прагматический, эксплицирующий модальный компонент, связанный с реализацией познавательных и коммуникативно-прагматических установок. Определен статус народных примет в паремиологической системе языка на фоне фразеологизмов; выявлены специфические структурные и содержательные признаки, различающие такие типы, как пословицы и поговорки, с одной стороны, и народные приметы – с другой. Дается определение примет, основанное на системе ожиданий, «как самом древнем, дологическом типе психического реагирования». Схему ожидания можно представить формулой: «Если А, то следует ожидать В». Внешне это напоминает логическую импликацию, но ожидание - не логическое отношение. Оно всегда остается нерасчлененным, не требующим мотивации, обоснования» (М. И. Черемисина, Т.А. Колосова).

Народные приметы, построенные в соответствии с формулой: «А предсказывает В» (Если А, то следует ожидать В), можно разделить на две группы: 1) с ожидаемыми следствиями, если пропозиция-условие и пропозиция-следствие связаны естественной связью. Роль говорящего сводится к тому, что он, зная о наличии объективной закономерности, сообщает о ней слушающему. Такие приметы можно назвать прогностическими, так как они основаны на систематических наблюдениях. Прогностические приметы делятся на: а) погодные, или метеорологические; б) «деловые» (Г. Л. Пермяков), или сельскохозяйственные. Среди метеорологических и сельскохозяйственных примет можно выделить долгосрочные, в которых зафиксирована связь явлений, разделенных

значительным отрезком времени, например, по погоде, стоявшей в течение одного времени года, делается предсказание о погоде, ожидаемой в течение другого времени года, и краткосрочные. Краткосрочные приметы считаются более достоверными, так как они сбывались или не сбывались в течение короткого времени, то есть могли быть проверены. 2) с желаемыми следствиями. Семантическая связь двух пропозиций устанавливается на основании субъективно вычленяемых связей между явлениями объективной действительности, которые возникают из мифических представлений, сближений, идущих из глубокой древности, основанных на «склонности народного ума во всем находить аналогию» (Афанасьев). Такие приметы принято называть суеверными (иррациональными), их можно разделить на бытовые, метеорологические и сельскохозяйственные. Данное определение народных примет позволяет провести границу между разными классами паремий и по возможности уточнить их классификацию. Рассматриваются такие критерии, как знаковая природа народных примет (вторичная номинация), денотативная соотнесенность, моно- и полисемантическая, закономерная соотнесенность синтаксической формы и синтаксической оформленности. Устанавливается, что существенным, конституирующим признаком пословиц, поговорок и примет является семантика обобщения, которая в них проявляется по-разному. Пословица имеет более обобщающий смысл и включает субъективную направленность на любого, каждого. Вселичность и всевременная направленность действий-состояний и есть то, что обычно называют обобщенным значением пословицы. Обобщенность же в народных приметах создается за счет: 1) категории способа глагольного действия – регулярности, повторяемости; 2) значения форм глагольного времени; 3) определенного лексического наполнения примет.

С древнейших времен в сознании человека сосуществуют два представления о времени – время как последовательность однотипных событий «жизненных кругов» (циклическое время) и время как однонаправленное поступательное движение (линейное время). Циклическое

время связывают с космологическим сознанием, а линейное – с историческим. Космологическое сознание предполагает, что в процессе времени постоянно повторяется один и тот же онтологически заданный текст, а историческое сознание предполагает линейное и необратимое время. В материалистической философии линейное и циклическое время противопоставляют как «естественно-научное» и «наивное», архаическое. Архаические цивилизации отличает представление о времени как о вращении по кругу, восходящее к сезонным, календарным циклам. Естественно потому, что «циклическое сознание» построено на типизации (отождествлении того, что есть, с тем, что уже не однажды было), а линейное – на индивидуализации (Б. А. Успенский). Народные приметы основаны на понятии циклического времени, с которым связывают идеи природных циклов, бесконечных возвратов и повторов одних и тех же событий. Признак повторяемости опирается на грамматические, лексико-семантические и контекстуальные факторы. Временная отнесенность примет связана с выражением значения постоянства, причем такой его разновидности, как расширенное время, не имеющее точной локализации. Таким образом, две ситуации, вступающие в условно-временную связь, могут иметь возможное конкретно-временное приращение, но при этом всегда в конкретном проявляется обобщенное, то есть имеются в виду подобные ситуации, совершаемые ранее, причем, как правило, имеющие прерывистый характер. Степень прерывистости может быть различной, например, повторяемость времен года, а также отдельных дней года, связанных с религиозными верованиями.

Рассмотрение народных примет с точки зрения их внутренней содержательной структуры и конкретных средств реализации ее значений позволило выделить несколько смысловых пластов, на основе которых формируется и организуется народная примета. Анализируются структурно-грамматические средства с однотипной категориальной семантикой, адаптированные к конкретной ситуации общения средствами структурной и

семантической импликации и экспликации для достижения наиболее адекватного информационного обмена. В семантической структуре народных примет ожидания легко трансформируются в семантику предсказания, предвидения, которую можно определить как многократно реализованное ожидание. «Заранее сказать, что произойдет в будущем», можно только в том случае, если две ситуации ставятся в закономерную объективную связь, проверенную многовековым опытом. Семантическая особенность народных примет состоит в том, что они относительно фактивны, то есть, анализируя предложение: Если после первого грома холода, то и лето будет холодным, мы приходим к выводу, что лишь тогда, когда холодное лето после холода, вызванного первым громом, повторялось не раз и не два, можно говорить о наличии узуса.

Особую группу среди паремических конструкций составляют предложения с имплицитным ожиданием. К ним относятся предложения, иллокутивная функция которых заключается в том, что говорящий побуждает (приказывает, советует, просит и т.д.) исполнителя совершить называемое действие. В номинативном содержании высказываний обобщен вековой опыт коллективного субъекта, и это обобщение дает право говорящему оказывать воздействие на поведение слушающего: все так поступают, и ты должен действовать так же. Здесь отношения между субъектом действия и адресатом строятся следующим образом: не от говорящего Я к потенциальному ТЫ, а от обобщенного ВСЕ к потенциально-конкретному ТЫ. Это дает основания видеть в таких приметах «регистрационный вариант, совмещающий черты генеритивного и волюнтивного регистров» (Г. А. Золотова).

Особую группу образуют народные приметы, значение предсказательности в которых сопряжено с значением аналогичного условия, базирующегося не просто на сходстве явлений и событий, а на их уподоблении. Аналогичные отношения традиционно связывают со сложносочиненными предложениями, однако, как нам представляется, в

народных приметах реализуется такое условно-аналогичное значение, которое легко ассимилируется с временным, что поддерживается лексически – указанием на конкретный временной период реализации аналогичного условия. Значение аналогии поддерживается лексически, когда определенное природное явление выступает как условие возникновения аналогичного природного явления. Порядок их следования устанавливается воспринимающим субъектом, который представляет его как внутренне мотивированный (закономерный), при этом взаимная перестановка частей невозможна, так как она нарушает объективную закономерность следования событий.

В качестве дифференцирующего признака признается семантико-синтаксический аспект, при котором доминирующим выступает учет характера пропозиций и пресуппозиций, которые эксплицируются или имплицитно. При любом структурном оформлении народные приметы всегда полипропозитивны, в них выделяются обусловленная и обуславливающая части. Отношения могут проявляться эксплицитно с помощью грамматических средств связи (союзы, предлоги, аффиксы, послелоги) и имплицитно, причем импликация может быть как синтаксической, выражаемой видо-временными формами, интонацией и др., и семантической, когда она диктуется не языковыми, а экстралингвистическими факторами.

Семантика условности эксплицируется языковыми единицами разного уровня. В первую очередь, аналитические средства связи: союзы, частицы, предлоги. Рассматриваются простые союзы если/когда, которые в качестве основных образуют вместе с союзами если (ежели, коли, раз)/ когда (как), пока синонимические ряды, двойные союзы с факультативными и стабильными элементами когда...тогда/ тогда и; если...так и/то и/и; как...так и/то и/и; коли...так и/то и/и. Простые союзы создают доминирующую семантическую линию, а также связанную с ней модальность конструкции. Выявлено, что из всех видов условной семантики

в народных приметах реализована семантика так называемого реального условия, которая понимается нами как синкретичная, условно-временная. Другие виды условного значения, особенно ирреальное и, в определенной степени, потенциальное условие, не отвечают статусу народной приметы.

Анализ простых предложений, которые принципиально ориентированы на выражение одной пропозиции, позволил сделать вывод, что обозначение двух и более событий может быть достигнуто за счет использования в качестве условного компонента имен, получивших в лингвистике название событийных, процессных, пропозитивных, а также употребления неакциональных глаголов.

В современной лингвистике одним из основных носителей свернутой пропозиции, вторичной предикации, в простом предложении признается существительное пропозитивной (событийной, признаковой) семантики. Способность эксплицировать пропозицию особенно ярко проявляется у имен, значения которых связаны с понятием времени - темпоральные существительные, имена, обозначающие звуковые и световые явления, событийная лексика.

Словоформы типа перед дождем, без росы, к морозу должны быть квалифицированы в качестве имплицитного способа репрезентации значения обусловленности. Констатация непредметного характера значения, однако, недостаточна для определения их специфики. Непредметность следует сузить до более узкой констатации: обозначения семантической ситуации. Сами по себе ситуативные выражения типа перед дождем нельзя классифицировать как указание на какую-то обусловленность. Она возникает только при соотношении их с другими ситуативными же выражениями Перед дождем лес притихает. Отношения, возникающие между ситуативными выражениями, являются несимметричными, однонаправленными: Будет дождь (перед дождем),(если, когда, так как) лес притихает. Пропозициональные существительные, занимая непредикативную позицию в полипропозитивном предложении, способны

опосредованно выражать предикативные категории времени, модальности, обозначая событие или состояние. Пропозитивное имя здесь обозначает действие, представленное как потенциально возможное, отнесенное к плану будущего. В лингвистической литературе широко распространено мнение, что семантическое расстояние между двумя подобными изоморфными предложениями заключено в отсутствии значения времени, наклонения, залога и лица в простом предложении. Однако в последнее время все чаще говорят не об отсутствии данных категориальных значений у пропозитивных имен, а о «неявных», скрытых способах репрезентации функционально-семантических категорий в рамках вторичной предикации, не имеющих формального выражения, морфологической оформленности.

Установлено, что бессоюзный способ соединения предложений, репрезентирующих условно-временные отношения, опирается на устойчивые соотношения сказуемых в первой, обуславливающей, и второй, обусловленной, части. При этом важно учитывать расположение смысловых частей и фразовое ударение. Впервые исследована особая группа, выделяемая, как показывают наши исследования, только в синтаксисе народных примет русского языка, – конструкции, переходные между простыми и сложными.

Безглагольные народные приметы характеризуются смысловой емкостью и одновременно словесной сжатостью. Подчиняясь структуре мысли, синтаксис экономит свои средства, используя принцип синтаксической компрессии и редукции. Из логически развернутых конструкций выпадают избыточные словесные компоненты, а исходные, глубинные структуры объединяются при полном сохранении семантико-синтаксического значения. Безглагольные, биноминативные предложения сохраняют трехчленную структуру и условно-следственную связь прежде всего на содержательном уровне. Событийность претерпевает некоторые изменения, получая свернутый характер. Конструкция в какой-то степени теряет полипредикативность, так как отсутствуют формальные признаки

выражения категории времени, хотя синтаксический ее план сохраняется. Конструкции безглагольного типа в семантическом плане справляются с задачей передать основные значения, присущие модели, за счет событийной семантики имен. Ситуация-условие и ситуация-следствие выражаются именными предложениями. Значение обусловленности создается не за счет формальной маркировки, а главным образом, в результате конкретного лексического наполнения синтаксических структур, оказывающихся манифестантами макроситуаций. Невыраженность маркера отношений при выраженности самого отношения свидетельствует о том, что логика отношений обусловленности - внутренне присущее таким предложениям качество. Точка отсчета, в опоре на которую фиксируется отмеченность структур обусловленности, во многом задается эмпирическими факторами. Главные члены номинативных предложений выражаются именами существительными событийной, процессуальной семантики, которая отражает закономерные, имеющие место в действительности связи двух явлений природы. Ограниченность круга существительных делает их элементом структуры предложения.

Анализ многочленных сложных предложений в русском и татарском языках” позволил установить, что в них реализуется конституирующий признак условных конструкций – значение альтернации.

Сопоставление новых телевизионных примет с традиционными, проверенными предшествующим опытом, проводится по нескольким параметрам, однако в фокусе внимания остается изменение функции примет. Если для традиционных примет основными функциями являются кумулятивная, прогностическая, прагматическая, регуляторная, то для телевизионных примет на первый план выступает развлекательная функция, поскольку приметы становятся средством формирования интереса к телевизионным сериалам, они начинают выступать в роли центральной скрепы, доминанты, вокруг которой разворачивается действие. При этом сериалы, основанные на приметах, суевериях, повериях, обычаях, заговорах,

строятся по одному шаблону, когда проблемы частной, личной жизни героев обобщаются, моделируются как универсальный код поведенческой стратегии. Авторы сериалов в своем выборе наиболее релевантной информации, способной привлечь максимальное количество зрителей, опираются на проверенные временем приметы, которые легко соотносятся с некоторым сценарием, фреймом, при этом потенциальные варианты одной и той же модели могут быть бесконечными.

Список литературы

Андромонова Н. А. Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке. Казань: Изд-во КГУ, 1977.

Андромонова Н. А. Переходность в системе сложного предложения современного русского языка. Казань: Изд-во КГУ, 1982.

Андромонова Н. А., Салмина Л. М. Условно-временные сложноподчиненные предложения в современном русском языке // Вопросы формирования лексико-грамматического строя русского языка. Казань: Изд-во КГПИ, 1981.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические аспекты. М.: Наука, 1976.

Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М.: Русский язык, 1983.

Афанасьев А. Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М.: Советская Россия, 1986.

Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1968.

Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1988.

Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка: Моногр. М.: Дрофа, 2000.

Бабалова Л. Л. Смысл и форма (к вопросу о классификации сложного предложения) // Сложное предложение (традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения). М., 2000.

Белошапкина В. А. Сложное предложение в современном русском языке. Некоторые вопросы теории. М.: Просвещение, 1967.

Белошапкина В. А., Менькова Н. В. Пропозитивная семантика сложного предложения (количественный аспект) // Филологический сборник. М., 1995.

Белошапкина В. А. Предложения альтернативной мотивации в современном русском языке // Исследования по современному русскому языку: сб. статей памяти Е. М. Галкиной-Федорук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.

Богородицкий В. А. Психология поэтического творчества. Казань: типо-литография Императорского Ун-та, 1900.

Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики (Из университетских чтений). Казань, 1907.

- Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971.
- Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978.
- Бондарко А. В. Функциональная грамматика. М., 1984.
- Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот: языка и культура страны: Изучение сложное предложение. М., 1958.
- Борковский В. И. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Типы простого предложения. М.: Наука, 1968.
- Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М.: Высшая школа, 1991.
- Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. М.: Русский язык, 1982.
- Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1958.
- Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике: Избранные труды. М.: Наука, 1975.
- Всеволодова М. В. Сложное предложение в модели функционально-коммуникативного синтаксиса // Сложное предложение (традиционные вопросы описания и новые аспекты его изучения). М., 2000.
- Гловинская, М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 2001.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.

Золотова Г. А., Онипенко Н.К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Историческая грамматика русского языка: Синтаксис: Сложное предложение. М.: Наука, 1979.

Камынина А. А. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения: Осложнение простого предложения полупредикативными членами. М.: Изд-во МГУ, 1983.

Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2-х т. Т.1. Петербург: Златоуст, 2014.

Колосова Т. А., Черемисина Н. И. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980.

Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В. Значение и синтаксические свойства союза а // НТИ. Сер.2. 1974. № 10.

Крушевский Н. В. Заговоры как вид русской народной поэзии // Варшавские университетские известия. Варшава, 1876. № 3.

Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М.: Наука, 1988.

Кулькова М. А. Герменевтика народной приметы: когнитивно-прагматический аспект изучения: Монография. Казань: Изд-во МОиНТ РТ, 2011.

Куприн А. И. Собрание сочинений в 5 томах. М.: Правда, 1982.

Лавров Б. В. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.: Изд-во АН СССР, 1941.

Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 2004.

Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998.

Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций: Учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2004.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999.

Павлова Е. Г. Опыт классификации народных примет // Паремиологические исследования. М.: Наука, 1984.

Падучева Е. В. Семантические исследования: (Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива). М., 1996.

Пермяков Г. Л. Паремиологический эксперимент. Материалы для паремиологического минимума. М.: Наука, 1971.

Пермяков Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895–1970). М., 1975.

Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки: (Заметки по общей теории клише). М.: Наука. 1970.

Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988.

Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков: тип. «Мирный труд», 1913.

Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа, 1990.

Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. М.: Лабиринт, 2000.

Рождественский Ю. В. Общая филология. М, 1996.

Русская грамматика: В 2 т. М.: Наука, 1980.

Садова Т. С. Народная примета как текст: Лингвистический аспект. СПб, 2003.

Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.

Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. М.: Изд. групп «Прогресс», «Универс», 1993.

Симашко Т. В. Проявление субъектной позиции в современных приметах // Проблемы концептуализации действительности и

моделирования языковой картины мира: сборник научных трудов. М.: Архангельск, 2011. Вып. 5.

Современный русский литературный язык. В 20 т. Под ред. К. С. Горбачевича. М., Спб.: Изд-во «Русский язык», 1991–1994.

Современный русский язык: Учебник для филол. спец. высших учебных заведений. Под ред. В. А. Белошапковой. М.: Азбуковник, 1999.

Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002.

Тарланов З. К. Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора. Учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 1981.

Тарланов З. К. Русские пословицы: Синтаксис и поэтика. Петрозаводск, 1999.

Телия В. Н. Русская фразеология: Семантические, прагматические и лингвокультурные аспекты. М., 1996.

Токарев С. А. Приметы и гадания // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983.

Толстой Л. Н. Война и мир. М.: Огиз, 1945.

Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.

Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. Спб.: Наука, 1996.

Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. Спб.: Наука, 1996.

Туганова С. С. Языковая картина мира русских и английских суеверных примет антропологической направленности. Казань: Институт им. Ш. Марджани АН РТ, 2007.

Фаттахова Н.Н. Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках: сопоставительный аспект. Казань: РИЦ «Школа», 2002.

Фаттахова Н.Н. Народные приметы в русском и татарском языках: Семантико-синтаксические отношения. Казань: Школа, 2004.

Фаттахова Н.Н. Народные приметы: принципы классификации, структурирования и функционирования: Монография. Казань: Издательство «Печать-Сервис-XXI век», 2012.

Фаттахова Н. Н., Кулькова М. А. Народные приметы в разноструктурных языках: монография. М.: ФЛИНТА : Наука, 2013.

Н. Н. Фаттахова, М. А. Кулькова Народные приметы: синтаксис и прагматика (на материале русского, татарского и немецкого языков): монография. М.: ФЛИНТА : Наука, 2015.

Фаттахова Н. Н. Народные приметы: вера или суеверие? // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М.: «ГНОЗИС», 2018.

Успенский Б. А. История и семиотика // труды по знаковым системам XXII. Зеркало. Семиотика, Зеркальность. Тарту, 1988.

Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. 2-е изд., стер. М., 2002.

Харченко В. К. Язык народной приметы // Русский язык в школе. М., 1992. № 1.

Харченко В. К., Тонкова Е. Е. Лингвистика народной приметы. Монография. Белгород: Изд-во ОАО «Белгородская областная типография», 2008.

Холодов Н. Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке. Учебное пособие в 2-х ч. Смоленск, 1975.

Хамзина Г. К. Текстовые функции высказываний-номинативов: Высказывания с денотативно неизоморфной структурой. Казань: Изд-во КГУ, 1997.

Храковский В. С. Повелительность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

Христофорова О. Б. Логика толкований: Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах. М.: РГГУ, 1998.

Цивьян Т. В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения. Л.: Издательство «Наука», 1985.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941.

Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука, 1986.

Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987.

Энциклопедия «Русский язык», изд-е 2-е, переработанное и дополненное. М.: научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: (Модели пространства, времени и восприятия): Дисс...докт. филол. наук. М., 1992.

Awang R., Karamurzaman Y., Badlihisam Mohd Nasir etc. The impact of separation between science and religion: an observation// The social science 9 (1). 2014.

Daniel Ugih Uchoh. Religion and cultural changes in Paddy Farming among Native in Sarawak (Malaysia)/ Daniel Ugih Uchoh, Salfarina Abdul and N. Lyndon // The Social science, 2014. № 9 (5).

Lepori Gabriele, Dark Omens in the Sky: Do Superstitious Beliefs Affect Investment Decisions?

Дата обновления 08.06.2009 URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1428792 (дата обращения 01.11.1017).

Fattakhova N., Kulkova M. The Formation of Paremiology in Russia and Germany. World Applied Sciences Journal, 2014. № 31 (5).

Fedorova N. I, Fattakhova N. N., Superstition and society // Social Sciences (Pakistan). 2015. Vol.10, Is.4.

Vyse St. A. Believing in Magic: The Psychology of Superstition. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1997.

Список источников

Агринский К. Ф. Русские народные приметы о погоде и их значение для практической метеорологии и сельского хозяйства. Саратов, 1899.

Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и русский фольклор. М., 1997.

Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. С-Я. М.: Олма-Пресс, 2005.

Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах и поговорках. Спб., 1901-1905. Т. 4.

Жарков С. Н. Народные приметы и предсказание погод. М., 1954.

Зуев Д. П. Времена года. М.: Московский рабочий, 1963.

Зуев Д. П. Дары русского леса. М.: Лесная промышленность, 1988.

Коринфский А. А. Народная Русь. М., 1901.

Круглый год. Русский земледельческий календарь / сост. А. Ф. Некрылова. М.: Правда, 1989.

Народный календарь / Сост. В. А. Миронов. М.: Агентство «ФАИР», 1997.

Новый месяцеслов. Книга советов и рецептов на каждый день / Сост. А. В. Пряжникова. М.: РИПОЛ классик, 2011.

Месяцеслов. Народный календарь. М.: Агентство «ФАИР». 1997.

Михельсон М. И. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. Спб., 1896.

Народный месяцеслов: пословицы, поговорки, приметы о временах года и о погоде / Сост. Г. Д. Рыженков. М.: Современник, 1999.

Панкеев И. Тайны русских суеверий. М.: Яуза, 1997.

Приметы на каждый день / Сост. О. Торпакова. М.: Агентство «ФАИР», 1996.

Пословицы. Поговорки, загадки в рукописных сборниках ХУШ-ХХ веков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

Симони П. Старинные сборники русских пословиц и поговорок, загадок и примет XVII-XIX столетий.

Снегирев И. М. Русские в своих пословицах. М., 1832-1834.

Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848.

Старинная пословица во век не сломится или опытные основания самобытного русского мудрословия в 2 частях. Харьков, 1848.

Степанов В. А. Народные приметы о погоде (в четырех сезонах). Календарь природы. Казань: Татарское книжное изд-во, 1997.

Стрижев А. Н. Календарь русской природы. М.: Правда, 1968.

Фаттахова Н. Н., Кулькова М. А. Русско-немецко-татарский словарь народных примет. Казань: РИЦ «Школа», 2006.

Фаттахова Н. Н., Кулькова М. А., Туганова С. В. Словарь народных примет в разноструктурных языках (русский, татарский, английский, немецкий). Казань: Изд-во «Печать-сервис ХХ1 век», 2014.